

**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»**

СИБИРСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ОБЩЕСТВО И ЭТНОПОЛИТИКА

**Материалы Международной научно-практической конференции
24—26 сентября 2015 г.**

В трех частях

Часть 2

**Под научной редакцией
доктора политических наук
Л. В. Савинова**

**НОВОСИБИРСК
2015**

ББК 66.3(0),5я431
О 285

Издается в соответствии с планом научной работы

Рецензент: Р. Ш. Нуриддинов — профессор, доктор политических наук
(Таджикский национальный университет)

Под научной редакцией
доктора политических наук Л. В. Савинова

О 285 **Общество и этнополитика** : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Новосибирск, 24—26 сентября 2015 г. : в 3 ч. / РАНХиГС, Сиб. ин-т упр. ; под науч. ред. Л. В. Савинова. — Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. — Ч. 2. — 332 с.

ISBN 978-5-8036-0707-6 (часть 2)
ISBN 978-5-8036-0705-2

В сборник вошли материалы участников Международной научно-практической конференции «Общество и этнополитика», организованной в рамках научной работы Сибирского института управления — филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» и при финансовой поддержке ФГБУ «Российский гуманитарный научный фонд» (проект № 15-03-14002).

В материалах содержатся результаты теоретико-методологических и практических исследований о сущности, содержании и специфике этнополитики и этнополитических процессов, происходящих в России и других странах. При этом многие статьи сборника носят дискуссионный характер, представляя различные точки зрения и оценки происходящих этнополитических процессов. Мы сочли возможным показать всю палитру взглядов на эти процессы, в том числе не совпадающих с нашим мнением.

Сборник предназначен для специалистов, изучающих этнополитику и этнополитические процессы, а также для всех интересующихся данной проблемой.

ISBN 978-5-8036-0707-6 (часть 2)
ISBN 978-5-8036-0705-2

ББК 66.3(0),5я431
© ФГБОУ ВО «Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте
Российской Федерации», 2015

Содержание

СЕКЦИЯ «ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЭТНОПОЛИТИКИ»..... 7

<i>Арпентьева Мариям.</i> МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В ЭТНОПОЛИТИКЕ И КОНСУЛЬТИРОВАНИИ	8
<i>Асратян Норайр.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ	21
<i>Береговая Оксана.</i> НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	26
<i>Борисова Мария.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОТ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА К ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМУ	34
<i>Вахитов Рустем.</i> ЭТНОСОСЛОВИЯ И НАЦИИ: НЕНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПУТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ	42
<i>Гайдук Вадим.</i> ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК «ЛАБОРАТОРИЯ» ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ И УГРОЗ	50
<i>Иванов Вадим.</i> ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ САМОСОЗНАНИЯ РУССКОГО ЭТНОСА: ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ.....	62
<i>Иванова Светлана.</i> ЭТНИЧЕСКИЙ И ГРАЖДАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ.....	70
<i>Ковалёва Марина.</i> ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	78
<i>Кольба Алексей, Кривошеев Виталий.</i> ПОСТРОЕНИЕ ИНДЕКСА СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	84
<i>Кузнецов Сергей.</i> МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА В ЭТНИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ	92
<i>Лаптева Ольга.</i> ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	102
<i>Лаптева Ольга, Абасова Камилла.</i> СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ НАЦИИ	109

<i>Недзельюк Татьяна.</i> РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	116
<i>Сенюшкин Евгений.</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ РИСКАМИ.....	121
<i>Солодова Галина.</i> О НЕКОТОРЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СОХРАНЕНИЯ ОБЩЕГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	127
<i>Тен Михаил.</i> К КРИТИКЕ ВЗГЛЯДОВ Л. Н. ГУМИЛЕВА НА ПРОБЛЕМУ ЭТНИЧНОСТИ.....	132
<i>Черняк Татьяна.</i> ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СУБЪЕКТОВ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВУЗЕ (ОПЫТ СИБИРСКОГО ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ).....	139
<i>Чудинов Сергей.</i> НЕУСТОЙЧИВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И УЛЬТРАНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА.....	148
<i>Шевцова Елена.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТИПОВ ДИАСПОР С ПОЗИЦИИ КРИТЕРИАЛЬНОСТИ	155
<i>Шпак Наталья, Лихтенфельд Вера.</i> ВОЗДЕЙСТВИЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖИ	164
<i>Яраполов Никита.</i> МОДЕЛИ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА	172
СЕКЦИЯ «ВЛАСТЬ И ЭТНОПОЛИТИКА».....	177
<i>Аетдинов Эльдар, Занонни Федерико.</i> ETHNOPOLITICAL SITUATION IN RUSSIA: LEGISLATION AND SOME ASPECTS OF REALITY	178
<i>Аманжолова Дина.</i> СОВЕТСКАЯ ЭТНОПОЛИТИКА ГРАЖДАНСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА	203
<i>Ахмедов Ахмед, Шаталов Максим.</i> К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОРА УСТРАНЕНИЯ ИХ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	212
<i>Бирюков Сергей, Давыдов Александр.</i> КОНФЛИКТНАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: КОНЦЕПЦИЯ «МЯТЕЖЕВОЙНЫ» Е. МЕССНЕРА	218

<i>Рябовский Георгий, Болховитина Татьяна.</i> АУТОПОЭЗИС ЭТНИЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	227
<i>Брагин Кирилл.</i> СТАНОВЛЕНИЕ СИБИРСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	239
<i>Гоголева Елена.</i> ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	247
<i>Горбовой Роман.</i> РУССКИЙ ЭТНОС И ВЛАСТЬ. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	252
<i>Камзабаева Майра.</i> ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА	258
<i>Керимов Александр.</i> КОММУНИКАЦИЯ ВЛАСТИ И ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	264
<i>Князев Евгений.</i> РОССИЙСКОЕ ЖИЗНЕЧУВСТВИЕ: ПОИСКИ И НАХОДКИ	270
<i>Муртузалиев Сергей.</i> ВЛАСТЬ И ЭТНОПОЛИТИКА ДАГЕСТАНА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД	277
<i>Сайфуллин Рубин.</i> СТАБИЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ БИОСОЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА	285
<i>Сулейманова Шукран.</i> ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	296
<i>Ушакова Наталья, Пучкова Евгения.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ О КАЧЕСТВЕ ЖИЗНИ.....	304
<i>Фалалеева Ирина.</i> ЗИГЗАГИ ЭТНОПОЛИТИКИ ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: К 90-ЛЕТИЮ РЕШЕНИЯ ПЛЕНУМА РКП (Б) «ПО ВОПРОСУ О КАЗАЧЕСТВЕ».....	312
<i>Ушакова Наталья, Хаймулдина Анара.</i> К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	321
<i>Шмидт Вильям.</i> РЕЛИГИОЗНЫЙ КОМПЛЕКС В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПОЛИТИКИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ: ПРОБЛЕМА АКТРА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	328

Уважаемые участники и гости нашей конференции!

Мы рады приветствовать вас в Сибирском кампусе Президентской академии. Вот уже восемь лет мы проводим Международную научно-практическую конференцию «Общество и этнополитика». Вначале конференция проходила в Интернет-формате, а в 2015 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда она вышла на классический вариант, и мы очень надеемся на то, что в следующем году конференция пройдет тоже в г. Новосибирске.

Современный мир становится все более и более сложным. Процессы глобализации и глокализации неумолимо ведут к смешению народов, культур и образов жизни. Все это способствует не только цивилизованному взаимообогащению, но и приводит к конфликтам и межэтническим противоречиям. Данные вызовы требуют адекватного и достойного интеллектуального ответа экспертного и научного сообщества. Именно поэтому конференция «Общество и этнополитика» стала площадкой для обмена теоретико-методологическими и практическими исследованиями о сущности, содержании и специфике этнополитики и этнополитических процессов, происходящих в России и других странах.

По результатам конференции опубликован сборник материалов в трех частях. Электронный вариант материалов сборника размещен в РИНЦ.

Мы очень рады тому, что интерес к конференции растет из года в год. Мы также рады тому, что из года в год все больше молодых ученых участвуют в нашей конференции. Они — будущее этнополитологии.

Желаем всем плодотворной работы и научных успехов!

*Леонид Савинов,
научный руководитель конференции,
доктор политических наук*

**СЕКЦИЯ
«ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
ЭТНОПОЛИТИКИ»**

Мариям Арпентьева

кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник
кафедры психологии развития и образования
Калужского государственного университета
имени К. Э. Циолковского

Калуга, Россия

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В ЭТНОПОЛИТИКЕ И КОНСУЛЬТИРОВАНИИ

Мультикультурализм — комплекс идей и действий различных социальных субъектов (государственных и иных организаций), направленных на равноправное развитие различных культур, преодоление дискриминации различных групп населения во всех сферах общественной жизни, обеспечение равных шансов при трудоустройстве и получении образования, отмену скрытых и явных преград в административной карьере и т. д.¹

Мультикультурализм предполагает содействие сосуществованию различных культур в одной стране, общности, организации, практике².

Мультикультурализм родился из осознания непродуктивности ассимиляторских усилий со стороны государства и общества. Высокоразвитые государства мира сформулировали так называемую позитивную дискриминацию (affirmative action) — как стратегию, нацеленную на преодоление дискриминации во всех сферах общественной жизни.

В социальной мультикультурной политике данных государств, на уровне ее правового обеспечения и процедур реали-

---

¹ См.: *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003; *Малахов В.* Культурный плюрализм versus мультикультурализм // Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. М.: Дом интеллектуал. кн., 2001; *Headley J. M.* The problem with multiculturalism: The uniqueness and universality of Western civilization. New Brunswick: Transaction Publishers, 2012; *Tiryakian E.* Assessing Multiculturalism Theoretically: E Pluribus Unum, Sic et Non. Multiculturalism and Political Integration in Modern Nation-States // Intern. J. on Multicultural Societies. 2003. Vol. 5, N 1.

² См.: *Касавин И. Т.* «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности // Вopr. философии. 1997. № 2. С. 84.

зации, выделяют три измерения: культурную идентичность, социальную справедливость, экономическую эффективность.

Первый пункт измерения закрепляет за каждым гражданином право на культурную реализацию (в том числе языковое и религиозное самовыражение); право на выбор культурной идентичности предоставляется всем гражданам. Этничность как языковая и религиозная принадлежность не закреплялась за индивидами или группами в качестве неотъемлемого свойства; считалось, что она — плод свободного решения.

Второй пункт измерения предполагает правовые гарантии равенства возможностей и отсутствия социальной дискриминации на основании расовой принадлежности, пола, конфессии и т. д.

Третий пункт измерения означает поощрение талантов граждан независимо от их происхождения. Оно желательно с гуманитарной точки зрения и экономически полезно обществу.

Таким образом, мультикультурализм представляет собой не просто психологическую или этическую доктрину, но и определенную политическую программу, государственную политику, характерную для государств, стремящихся способствовать формированию открытого общества¹.

По мнению исследователей, мультикультурализм или, как его иногда обозначают, кросскультурализм, «обосновывает равенство и многообразие культур, их самоценность и значимость, роль их интеграции в целях успешной идентификации и адаптации личности к иной культуре»². Иногда некоторые исследователи предпочитают вести речь не о мультикультурализме, а о конструктивном плюрализме.

---

¹ См.: Малахов В. С. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсовет. о-в / под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М., 2002. С. 48—60; Radtke F.-O. Multikulturalismus — Regression in die Moderne? — *Flucht punkt Europa. Migration und Multikultur*. Hrsg. von Martina Fischer. Fr.a. M., 1998. S. 138—157; Gordon A, Newfield Ch. Introduction // *Mapping Multiculturalism* / ed. A. F. Gordon, Ch. Neufield. Minneapolis; L.: Univ. of Minnesota Press, 1996. P. 1—18; Цатурия С. А., Филмонов Г. Ю. Мультикультурализм в США и Европе // *Политика и о-во*. 2012. № 2. С. 62—71.

² См., например: Гукаленко О. В. Теоретико-методологические основы педагогической поддержки и защиты учащихся-мигрантов в поликультурном образовательном пространстве : дис. ... д-ра пед. наук : Ростов н/Д, 2000. 404 с.

Кросскультурализм как методологическое основание процесса социально-психологической поддержки и защиты мигрантов предполагает признание абсолютных общечеловеческих ценностей; возрождение прогрессивных этнокультурных традиций; утверждение этнических и правовых норм взаимодействия и непосредственного общения людей различных национальностей; соотнесение достижений классической науки для поддержки и защиты людей со средствами народной психологии, нетрадиционной и традиционной медицины и педагогики; формирование уважительного отношения к правам всех людей, развитие наднационального — кросскультурного мировоззрения, способов толерантного поведения; обеспечение взаимосвязи социальной, культурной и языковой ориентации в поликультурной среде; создание условий для сохранения мигрантами собственного языка, интеллектуальных и эмоциональных контактов с родной культурой.

Межкультурное консультирование и мультикультурная психотерапия получили известность в 1980-е гг. XX в. в американской психологии. Основателей этих направлений объединяет убеждение в том, что наряду с тремя базовыми направлениями в психотерапии — психоанализом, бихевиоризмом и гуманистической психотерапией — в качестве четвертой силы должно рассматриваться мультикультурное консультирование. «Мультикультурное (межкультурное)» означает фокусированность на расе, этничности и культуре¹.

Антипсихиатрическое консультирование и психотерапия как самостоятельные подходы также оформились в последние десятилетия XX в. Представители антипсихиатрии и мультикультурные психотерапевты так перефразируют «золотое правило» человеческих взаимоотношений: не делайте по отноше-

---

¹ *Ivey A. E. Counseling and Psychotherapy // Toward A New Perspective Counseling Psychologist. 1981. Т. 9, N 2. С. 83—98 ; Fukuyama M. Taking a universal approach to multicultural counseling // Counselor Education and Supervision. 1990. Т. 30. P. 6—17 ; Pedersen P. Mobilizing the generic potential of culture-centered counseling // Intern. J. for the Advancement of Counselling. 2001. Т. 23, N 3. P. 165—177 ; Образование и межнациональные отношения. Education and Interethnic Relations — IEIR 2013 / под ред. Э. Р. Хакимова. Ижевск : ФГБОУ ВПО УдГУ, 2013. 188 с. ; Хакимов Э. Р. Поликультурное образование: становление, теория, практика. Ижевск : ФГБОУ ВПО УдГУ, 2012. 308 с.*

нию к другим то, что, по вашему мнению, должны делать они по отношению к вам, потому что они могут хотеть совсем другого¹.

Часто используются такие термины, как «сравнительно-культурная», «транскультурная», «кросскультурная», «культурно-ориентированная», «культурная», «расовая», «антропологическая» психиатрия и «этнопсихиатрия» и т. д. Предмет их изучения и деятельности — влияние культурных и этнических факторов на развитие и течение психических заболеваний. Обнаружение специфических для определенных культур синдромов и форм психических заболеваний поставило под сомнение универсальность западного взгляда на психические болезни. Например, было установлено, что культурные факторы определяют «культурно-специфичные зоны стресса», обуславливающие возникновение, течение нарушений и болезней, и, соответственно, способы их интерпретации и помощи. Сегодня культурная психиатрия изучает культурные аспекты возникновения, частотности, форм и лечения психических расстройств.

Создавая подходы к межкультурному консультированию, многие отечественные и зарубежные исследователи исходят из того, что современная психология и психотерапия личности, семьи, группы культурно и исторически обусловлена². Как полагает часть консультантов, не должно быть одной — универ-

---

¹ См.: *Власова О. А.* Антипсихиатрия: становление и развитие. М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2006. 221 с.; *Ее же.* Антипсихиатрия: социальная теория и социальная практика. М.: Изд. дом Высш. шк. экон., 2014. 432 с.; *Лейнг Р.* Расколотое «Я». СПб.: Белый кролик: ИЦ «Академия», 1995. 352 с.; *Сас Т.* Миф душевной болезни. М.: Акад. проект: Альма Матер, 2010. 430 с.; *Суабара-Динши Т., Иванюшкин А. Я.* Об антипсихиатрии и ее идейных истоках // Журн. невропатологии и психиатрии им. Корсакова. 1973. Вып. 4. С. 589—595; *Хотинец В. Ю.* Буллинг и виктимизация в интеркультурной ситуации // Психология индивидуальности: материалы IV Всерос. науч. конф., г. Москва, 22—24 ноября 2012 г. / отв. ред. А. Б. Купрейченко, А. А. Шатроо. М.: Логос, 2012. С. 150; *Manning N.* The therapeutic community movement: charisma and routinization. L.: Routledge, 1989. P. 1; *Models of Madness: Psychological, Social and Biological Approaches to Schizophrenia* / ed. by J. Read, R. L. Moshier, R. P. Bentall. Hove, East Sussex: Brunner-Routledge, 2004. P. 349—365; *Laing R. D.* Wisdom, Madness and Folly. L., 1985. P. 36; 37.

² См., например: *Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы* / под ред. Г. У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. 279 с.

сальной — теории личности, речь должна идти только о локальных теориях. Соответственно не существует универсального, метаисторического «Я». Специалист должен обращаться к «локальному Я» представителей разных культур, учитывая их семейные традиции, особенности этнической культуры и доминирующее социальное окружение¹. Однако неудача ждет как на пути чрезмерного акцентирования культурных различий, так и при чрезмерном акцентировании культурного сходства; успех же будет на пути одновременного учета обеих перспектив. В ситуации, когда избыточно акцентируются культурные различия, результатом оказывается стереотипизированная, нетерпимая (*exclusionary*), политизированная и антагонистическая интерпретация. Когда же излишне акцентируется культурное сходство, появляется эксплуатация групп меньшинства более сильными, маскирующаяся под процесс объединения и смешения национальностей, а также пренебрежение важными для культуры качествами ее идентичности.

Цель мультикультурной психотерапии — помочь клиенту утвердить свою идентичность в мире, где существуют, соседствуют и взаимодействуют другие культуры.

Специалист создает условия, в которых клиент может развить свою межкультурную идентичность. При этом мультикультурная (межкультурная) означает фокусированность на расе, этничности и культуре². Одним из самых важных принципов этого подхода признают работу в культурном контексте клиента. Специалист должен уметь «входить» в мир своего клиента, чтобы суметь постигнуть существенные отличия этого мира от его собственного, быть открытым к уважительному принятию этих отличий. Необходимость мультикультурного консультирования связана с заботой о точности выводов и толерантности взаимоотношений. Этот подход направлен на преодоление культурных ограничений, на использование развивающего потенциала кросскультурных контактов.

---

¹ *Cushman P.* Why the self is empty: Toward a historically situated psychology // *American Psychologist*. 1990. N 45 (5). P. 599—611.

² *Counseling and psychotherapy: A multicultural perspective* / A. E. Ivey, M. Bradford-Ivey, L. Simek-Morgan et al. Needham Heights, Mass : Allyn & Bacon, 1997. P. 32; 33.

Антипсихиатрический (антипсихологический) подход к организации консультативного взаимодействия как особое направление имеет свою систему ценностей, эпистемологических правил (правил познания и осмысления происходящего в ситуации консультативного контакта и во внутреннем мире клиента) и направлен на преодоление ограничений современных представлений о душевном здоровье и болезни, их лечении; на использование развивающего потенциала контактов психически здоровых и больных людей.

Мультикультурный подход вносит в систему психологического консультирования ряд изменений. Он полагает, что все консультанты нуждаются в развитии осознания существования и природы (как клиента, так и своих) культурных особенностей осмысления, переживания и поведения, ценностей и образов жизни людей разных групп. Этический императив «помогать, делать свое дело хорошо» в мультикультурной перспективе звучит «быть точным».

Подготовка к консультативной деятельности психолога включает ознакомление с особенностями образа жизни, в том числе с внутренним миром, моделями построения межличностных отношений и общения, клиентов-представителей культурных меньшинств и обучение значительной доли консультантов-представителей этих меньшинств. Полный репертуар умений, стратегий и техник, которые могут быть использованы с учетом культурных различий, существенно повышает эффективность коммуникации (общения).

Антипсихиатрический подход также предлагает относиться как к клиенту или пациенту, попытаться понять его исходя из представления о непреодолимом различии культур «нормальных» и «ненормальных» людей. Так, К. Ли и Б. Ричардсон выделяют несколько важных моментов современного состояния осмысления мультикультурной перспективы психологического консультирования¹ и делают вывод о том, что антипсихиатрическая модель психологической помощи сталкивается с теми же проблемами, что и первая (табл. 1).

---

¹ Lee C., Richardson B. Multicultural issues in counseling. Alexandria, VA : AACD, 1991. 230 p.

**Мультикультурная и антипсихиатрическая перспективы
консультативной помощи**

Мультикультурная перспектива консультирования	Антипсихиатрическая перспектива консультирования
Необходимо переосмыслить то, что мы узнали в рамках традиционного подхода к психологическому консультированию с точки зрения мультикультурной перспективы	Необходимо переосмыслить принципы, техники и факты традиционного подхода к психологическому консультированию с точки зрения антипсихиатрической перспективы
Все формы консультирования могут быть неприемлемыми для представителей того или иного культурного меньшинства просто в силу того, что они являются частью доминантной культуры	Традиционные формы консультирования могут быть неприемлемы для психически больных, уже в силу того, что они являются частью мира «нормальных» людей
Мультикультурализм часто может обсуждаться, но не имеет реального значения в построении контактов и исследовании практики консультирования	Антипсихиатрические, антипсихологические установки часто обсуждаются, но обычно не имеют реального значения в построении контактов и исследовании практики консультирования
Прекращение игнорирования межкультурных различий делает понимание менее стереотипным (выход за пределы стереотипов)	Прекращение игнорирования ценностных и культурных различий делает понимание менее стереотипным (осуществляется выход за пределы стереотипов)
Недооценка специфики культуры, попытка ориентироваться только на «общечеловеческие» закономерности приводят к новому виду расизма	Недооценка особенностей образа жизни психически больных и людей, имеющих психологические проблемы, попытка ориентироваться только на «общечеловеческие» закономерности приводят к новым видам дискриминации пациентов и клиентов

К. Ридлей описывает примеры межкультурной некомпетентности и расизма, снижающие точность консультирования — взаимопонимания психолога и клиента¹. Опираясь на выделен-

¹ *Ridley C. Racism in counseling as an aversive behavioral process // Counseling across cultures / eds. by P. Pedersen et al. Honolulu, HI : The Univ. of Hawaii Press, 1989. P. 55—79.*

ные этим исследователем аспекты, можно показать примеры некомпетентности консультанта, демонстрирующие его недоверие к мнению и оценкам клиента (табл. 2). В мультикультурном подходе отмечается, что люди могут воспринимать свою культуру как «учителя», который говорит «что, кому и как делать». Поэтому, стремясь понять клиента, важно смотреть не только на само поведение, а на те ожидания и ценности, которые его определяют. Только тогда консультант может быть точными в помогающем воздействии на клиента и его поведение.

Таблица 2

Примеры некомпетентности консультантов

Межкультурная некомпетентность, снижающая точность консультирования	Некомпетентность, снижающая экологичность консультативного контакта
Соответствующая культуре клиента степень закрытости (открытости) приводит к ошибкам консультанта в оценке готовности клиента решать его проблемы (наличие сопротивления, диалогической интенции — ее силы и направленности) и в понимании сути проблем клиента	Соответствующая ценностям и представлениям клиента степень закрытости (открытости) приводит к ошибкам консультанта в оценке готовности клиента решать его проблемы (наличие сопротивления, диалогической интенции — ее силы и направленности) и в понимании сути проблем клиента
Дискомфорт, испытываемый консультантом в присутствии представителя той или иной культуры, по непонятной для консультанта причине. Помощь превращается в попытку доминирования (паттерналистские отношения), отмечается «дефицит гипотез», бедность объяснений проблем клиента	Дискомфорт, испытываемый консультантом в присутствии клиентов, имеющих те или иные проблемы, по непонятной для консультанта причине. Помощь превращается в попытку доминирования, наблюдается «дефицит гипотез», шаблонность объяснений проблем клиента
Перенос позитивных или негативных чувств, переживаемых клиентом к представителям иных этнокультурных групп, на консультанта может приводить к ошибкам интерпретаций, происходящих во взаимоотношениях с консультантом и внутреннем мире клиента	Перенос позитивных или негативных чувств, переживаемых клиентом к «нормальным» людям и повседневным правилам взаимодействия, на консультанта может приводить к ошибкам интерпретаций, происходящих во взаимоотношениях с консультантом и внутреннем мире клиента

Межкультурная некомпетентность, снижающая точность консультирования	Некомпетентность, снижающая экологичность консультативного контакта
Перенос позитивных или негативных чувств, переживаемых консультантом к представителям иных этнокультурных групп, на клиента может приводить к ошибкам интерпретаций происходящего во взаимоотношениях с консультантом и внутреннем мире клиента	Перенос позитивных или негативных чувств, переживаемых консультантом к психически больным или людям, имеющим те или иные психологические проблемы, на клиента приводит к ошибкам интерпретаций происходящего во взаимоотношениях с консультантом и внутреннем мире клиента

В антипсихиатрическом подходе отмечается, что желание консультанта рассматривать себя как духовного учителя или гуру, говорящего как и кому надо жить, на какие ценности опираться, деструктивна. Консультант должен обращать внимание на ценности и представления самого клиента, пытаться понять их «изнутри», доверяя клиенту даже в моменты «бреда».

В целом мультикультурное консультирование как подход стимулировало исследование следующих проблем:

— проблем, связанных с демографическим изменением в обществе и изменением состава клиентуры, обеспечением возможности получения образования, иной социальной и психологической защиты;

— проблем, связанных с увеличением внимания к социальным меньшинствам и давлением общества на группы социальных меньшинств;

— проблем, связанных с необходимостью активизации работы с меньшинствами, клиентами и их представителями и ростом группового сознания (этнокультурных общностей и их отдельных членов);

— проблем, связанных с обучением билингвов и билингвистического обучения, подготовкой специалистов, владеющих несколькими языками.

Однако мультикультурное консультирование, наряду с новыми возможностями, имеет довольно много методологических слабостей¹:

— единая концептуальная основа отсутствует; переменные самого «консультативного процесса» более значимы, чем психосоциальные переменные, в том числе этнокультурные переменные; немногие работы строятся по аналогии с особенностями ситуаций реального мира;

— результаты конкретных примеров общения имеют сильную зависимость от принадлежности клиента и консультанта к той или иной этнокультурной группе; неопределенный уровень обобщения (генерализации) результатов;

— доверие к собственным оценкам и стратегиям понимания клиента основывается на собственных культурных нормах; неадекватное описание культурных особенностей субъекта (клиента);

— неадекватность подхода к анализу проблем мультикультурного взаимодействия в термине «меньшинства»; ошибки (недостатки) способностей к оценке индивидуальных особенностей отдельного представителя (субъекта) культурного меньшинства (его идиосинкразических характеристик).

Мультикультурный подход вносит в общую теорию консультирования следующие моменты:

1. Представление о нежелательности применения концепта «нормальный» к пониманию людей, ситуаций и культур. Необходимость изучения межкультурных различий и их учета как на уровне теоретических, так и практических работ, процесса обучения.

2. Понимая человека или группу, мы не можем игнорировать их историю (историю культуры). Индивидуализм — не единственный способ человеческого поведения, коллективизм имеет свои особенности и возможности, в том числе терапевтические. Зависимость личности — не обязательно негативная черта культуры. Она должна быть понята через особенности социального контекста в целом. Для культур с высококон-

---

¹ Pedersen P. A handbook for developing multicultural awareness. Alexandria, VA : AACD, 1988. 360 p. ; Ponterotto J. G., Casas J. M. Handbook of racial / Ethnic minority counseling research. Springfield. Il. : Charles C. Thomas, 1991. 380 p.

текстным общением сложно понять без конкретных примеров абстракции низкоконтекстных культур.

3. Для человека важна система естественной поддержки со стороны общества и близких людей. Когда человек прав, а система — нет, перед попыткой оказания давления на клиента необходимо сначала выяснить, как изменение системы повлияет на индивида.

4. Линейное (логическое) мышление должно иногда дополняться нелинейным (интуитивным). Не все в поведении и образе мыслей человека иной культуры должно быть понятно консультанту, не все требует логического понимания и объяснения. Необходимо проанализировать собственные взгляды и их культурные основания.

В целом обнаруживается существенное сходство рассмотренных подходов, проявляющееся во внимании к особенностям человека, его системе индивидуальных и культурных ценностей, представлений. Однако антипсихиатрическая модель (подход), по-видимому, на сегодняшний день обладает более значимым эвристическим потенциалом в силу своей большей обобщенности и проработанности. В свою очередь, представление о психической болезни как об особом мире, особой культуре существенно обогащает тот ценностный и «смысловой горизонт», который используется для интерпретации происходящего — как с «нормальным», так и с психически больным человеком.

Объединенный вывод, к которому приходят представители этих подходов, заключается в следующем.

В психотерапевтическом процессе консультант может позволить себе выбрать практически любую модель общения с клиентом, стратегию понимания клиента, если выполняются три основных условия: 1) уважение и принятие клиента, признание его «всеобщей человечности»; 2) высокая степень осознания консультантом того, что именно он делает, как то или иное слово, поступок могут быть «услышаны», поняты клиентом; 3) стремление понять клиента в «логике» его собственных переживаний, представлений, поступков и ценностей.

Мультикультурный подход требует соблюдения нескольких основных условий.

Во-первых, не следует стереотипизировать клиента: «Если вы не начнете свое первое интервью с того, чтобы получить

знание у клиента, ваше “культурно-осознанное” оказание помощи может оказаться более притесняющим, чем если бы вы всем ничего не знали о культурных различиях»¹. При этом, когда мы пытаемся понять опыт, отличающийся от нашего, мы обнаруживаем себя в пожизненном процессе обучения. С. Су, исследовавший помощь представителям национальных меньшинств, полагает, что большинство специалистов подвержено влиянию негативных стереотипов в отношении этнических различий, что отражает природу расовых и этнических отношений в обществе².

Во-вторых, важно удерживать внимание и на человеке как индивиде, и на человеке как члене культурно специфической группы. Д. Лок называет такой подход «фокусированным», противопоставляя его «провинциальному» кросскультурному подходу. Он требует от специалиста проверки собственных убеждений и установок в отношении различных культурно-специфических групп и их представителей, готовности к обсуждению межэтнических и расовых вопросов, проблем притеснения, подчас далеко выходящих за рамки сеанса³. Никакие из существующих помогающих подходов и стратегий вмешательства не могут быть эффективными и конструктивными по отношению ко всем людям и жизненным ситуациям. Помощь эффективна, когда специалист «...использует такие техники и стратегии и ставит такие цели, которые согласуются с жизненным опытом и культурными ценностями клиента»⁴. Это предполагает, как отмечают В. К. Калининко и другие исследователи, внимание к этнокультурной среде клиента, которая может значительно отличаться от среды, привычной для специалиста, оказывающего помощь⁵.

---

¹ *Counseling and psychotherapy: A multicultural perspective* / A. E. Ivey, M. Bradford-Ivey, L. Simek-Morgan et al. P. 27; 140.

² *Sue S. Psychotherapy services for ethnic minorities* // *American Psychologist*. 1988. N 43. P. 301—308.

³ *Locke D. C. Increasing multicultural understanding: A comprehensive model*. L. : Sage Publ., 1994. 150 p.

⁴ *Counseling and psychotherapy: A multicultural perspective* / A. E. Ivey, M. Bradford-Ivey, L. Simek-Morgan et al. P. 171.

⁵ См.: *Психология вынужденной миграции* / Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, В. К. Калининко, О. А. Кравцова. М. : Смысл, 2002. 479 с.

В-третьих, необходимо уметь определять и учитывать уровень развития культурной идентичности клиента. Поэтому представители мультикультурного подхода выделили стадии развития культурной идентичности: наивность, встреча, именование, понимание себя как культурного существа, мультиперспективная интернализация. Люди находятся на разных уровнях осознания своей этнической / расовой основы, и терапевт должен это понимать и в соответствии с этим строить взаимоотношения с клиентом.

В-четвертых, важно уделять внимание религиозным и духовным системам культуры клиента, уметь «естественным образом» включать духовные и культурные образы и символы культуры клиента в процесс помогающего взаимодействия как несущие в себе позитивные ресурсы личностного развития клиента. Религиозное и духовное осознание — одна из основ индивидуального, семейного и общинного благополучия. Не рассматривая этот аспект, можно упустить весьма важную часть человеческого существа. Кроме того, важно знать и использовать традиционные системы духовного и физического исцеления, типичные для культуры клиента. Различия в понимании «психического здоровья» и концептуализации психических феноменов в конкретных культурах связаны с различиями стратегий их лечения. Для «западного человека» не понятна и кажется «лишней» традиция зачитывать фрагменты Корана как часть ритуала исцеления, практикуемая в ряде исламских стран. Поэтому эффективные кросскультурные специалисты делают особый акцент на изучении местных систем целительства: эти системы в отличие от западной психотерапии сосредоточены скорее не на трансформации личности, а на реинтеграции социальной системы (network), нарушившейся в процессе заболевания: собирается информация о культурных конфликтах, порождающих (и обостряющих) болезни.

Таким образом, кросскультурные исследования являются взаимно обогащающими.

Норайр Асратян

*кандидат философских наук, доцент, заведующий сектором
социально-гуманитарных исследований
Набережночелнинского института социально-педагогических
технологий и ресурсов*

Набережные Челны, Россия

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Современный период при кажущейся внешней картине общественной стабильности содержит в себе заряд огромного внутреннего социального динамизма. Процессы, происходящие сегодня, характеризуются все более интенсивным и массовым включением в них общественных крупных слоев, затрагивают и активизируют новые потоки людей. В отличие от советского периода, когда сколько-нибудь существенных изменений следовало ожидать лишь в результате решений различных управленческих органов, особенностью нынешних процессов является то обстоятельство, что сами общественные сдвиги обуславливаются активизацией новых людей, больших групп населения, вытекают из серьезных изменений в их общественном сознании и социальном поведении.

Общественные явления все отчетливее приобретают тенденцию к широкому социальному самодвижению. Однако действия индивидов и больших общественных слоев являются внешней проекцией их представлений, субъективных пристрастий, оценок. Поэтому социологический анализ этих процессов должен исходить из того, что объективные характеристики складывающейся общественной ситуации тесным образом переплетаются, а временами и сливаются с субъективными оценками самих участников этих процессов. Речь идет о том, что в общественном сознании и прежде всего на его социально-психологическом уровне с высокой степенью адекватности отражается состояние современных общественных отношений во всей их противоречивости. В то же время следует учитывать то, что

быстро изменяющиеся общественные реалии влекут за собой существенные сдвиги в соотношении структурных элементов общественного сознания.

Сложность современного методологического подхода состоит в том, что теоретическая строгость социального исследования совершенно не тождественна догматизму любой окраски, а многообразные феномены общественной психологии, выявляемые в ходе эмпирических обследований, в своей противоречивой совокупности не должны втискиваться в какие-либо узкие и односторонние теоретико-идеологические рамки. Их интерпретация должна быть очищена от абстрактных стереотипов, трактующих социальные процессы либо как исключительно непротиворечивые и бесконфликтные, либо только как неискоренимо антагонистичные.

Это означает, что о состоянии и динамике социальных перемен, о реальных тенденциях и противоречиях общественного развития можно с высокой степенью точности судить лишь тогда, когда строгость теоретико-методологических принципов проверяется и проявляется через призму эмпирического материала, в котором рельефно и концентрированно представлены многообразные оценки массы респондентов.

Это также означает, что сознание больших социальных слоев, в котором порождаются и обнаруживаются социальные смыслы, имманентно представляет собой фактическую самооценку общественной ситуации. Последняя может с достаточной достоверностью раскрываться и определяться как индуктивная трансформация соответствующего ряда операциональных значений, в качестве которых выступают оценочные суждения респондентов.

Все представленное полностью относится к проблематике этнополитических и этносоциальных исследований, межэтнических отношений. При этом следует иметь в виду, что в тех пластах сознания больших общественных слоев, которые связаны с этой проблематикой, происходит своего рода фокусирующий эффект. В оценках, касающихся межнациональных отношений, находят, и нередко в эмоциональной форме, своеобразное интегральное отражение экономические, социально-бытовые, культурные, языковые и другие процессы. То есть степень эмоцио-

нальности восприятия во многом зависит от того, как протекают эти процессы. Кризисные явления в обществе, либо устойчивый рост, несомненно, накладывают свой отпечаток на восприятие национальной проблематики, хотя сводить характер такого восприятия лишь к причинам социально-экономического порядка было бы, разумеется, упрощением.

В условиях огромной многонациональной страны происходит постоянное разрастание широкой сети межэтнических связей и объективно складывается тенденция к расширению сфер межнационального общения. Наличие прогностических моделей развития этих процессов и использование научно обоснованных принципов управления способствуют взаимообогащению материальной и духовной культур народов страны. В то же время стихийность, непрогнозируемость и неуправляемость этих процессов могут приводить и приводят на практике к осложнениям, конфликтным ситуациям, к непониманию социокультурных запросов других наций.

Особенно выпукло, а для многих неожиданно и болезненно это проявилось в 80—90-е гг. XX в., когда резко обнажились многие проблемы, уже длительное время существовавшие в общественных отношениях. Гласность уже не позволяла замалчивать негативные аспекты в общественных процессах и по-прежнему выпячивать или преувеличивать только позитивные тенденции. Сложилась ситуация, когда, с одной стороны, многие проблемы, в том числе и сфере межнациональных отношений, требовали неотложных решений, а с другой — ощущался серьезный недостаток в новых подходах к анализу существующих противоречий.

Это способствовало нарастанию в обществе дезориентации, растерянности, на фоне которых деструктивные силы всячески гипертрофировали сложившиеся проблемы, не только не решали, но нагнетали и усугубляли трудности. В конечном счете им удалось достичь целей, разрушительных для государственности.

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что необходимо постоянно проводить теоретические и эмпирические этнополитические и этносоциальные исследования. Поэтому начиная с 1990 г. мы проводим регулярные мониторинговые исследования в Татарстане и главным образом в Набережных Челнах.

Особенности этнической структуры Набережных Челнов накладывают существенный отпечаток на характер межнациональных отношений в городе и являются одним из исходных моментов для наших исследований. Этнический состав, сложившийся в основном в результате строительства КамАЗа и последующего бурного промышленного развития города, требует систематических специальных исследований, позволяющих заметить возможность нарастания трудностей в межнациональных отношениях, увидеть способы удовлетворения языковых, культурно-образовательных, религиозных, экономических и других потребностей проживающих в городе национальных общностей.

С учетом существенного преобладания в городе двух крупных этнических групп — русской и татарской — межнациональная ситуация в целом объективно определяется характером взаимоотношений между ними. Поэтому в наших исследованиях главный акцент делается именно на этой стороне межнациональной проблематики. Наличие же в городской среде огромного числа небольших национальных групп со своими проблемами и потребностями требует, чтобы были учтены позиции и интересы их представителей, но изучаются они в общем контексте основных межнациональных проблем.

Социологические методы исследования позволяют репрезентативно зафиксировать соответствующие оценки представителей различных национальных и социальных групп, возрастных категорий, принимать управленческие решения, направленные на профилактику возможных осложнений в этой сфере.

Мониторинг общественного мнения осуществляется по обширному кругу проблем:

- состояние и динамика межнациональных отношений в городе, соотнесение их с многообразными сложными процессами в республике и стране;

- языковая ситуация в городе, отношение к двуязычию разных групп населения, качество преподавания русского и татарского языков в школе;

- этнические проблемы семьи и брака;

- отношения людей в многонациональных коллективах;

- роль республики в России, вопросы ее статуса.

Из исследований межнациональных проблем выделим следующие данные.

При изучении гендерного аспекта проблемы выявляется, что мужчины более спокойно, а женщины более обостренно относятся к межнациональным проблемам. Порой в оценках одной и той же ситуации различия оказываются весьма заметными, что, по-видимому, следует объяснять более высокой степенью эмоциональности женщин, тем, что они в большей (возможно, временами и преувеличенной) степени проявляют чувство обеспокоенности.

Достаточно интересен образовательный аспект рассматриваемой проблемы. В исследовании обнаружено, что рост образования обостряет восприятие межнациональной проблематики. Впрочем, сам по себе фактор образования хотя и влияет на восприятие межнациональной ситуации, однако более важен связанный с образованием социально-профессиональный аспект. Данные обследований показывают, что острое восприятие проблемы присуще социальным группам, преимущественно связанным с гуманитарными, административно-управленческими видами труда, т. е. теми, чья деятельность связана с людьми. Инженерно-техническим работникам межнациональные проблемы видятся в более благоприятных тонах. Немаловажной причиной такого положения является то обстоятельство, что современные проблемы национального развития сопряжены не столько с производственно-технической, сколько с культурно-гуманитарной проблематикой.

Неотложное и интенсивное изучение этих и других вопросов становится необходимой предпосылкой оптимизации межнациональных отношений в городе.

Оксана Береговая

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных основ государственной службы
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС*

Новосибирск, Россия

НАЦИОНАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ФИЛОСОФИИ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современный мир находится в ситуации широких и тесных контактов, взаимосвязей и взаимооткрытости различных культур и в то же время угроз и вызовов (усиления экстремистских настроений, регионально-этнических, национальных и религиозных конфликтов, столкновения цивилизаций). Основными его чертами становятся повышение скорости обмена информацией, превращение в «глобальную деревню» (М. Маклюэн), складывание информационного и сетевого общества, нарастание масштабов и глубины осознания мира как единого пространства. Развивающиеся транскультурность и транснациональность мира сопровождаются уникальным единообразием и одновременно основными «трансцендентных» процессов демократизации, либерализации и открытости экономик, общего модуса нравственной направленности, происходящих на глобальном (общечивилизационном) уровне. Глобализация несет унификацию, усиливая распространение западных ценностей, преимущественно американизмов, что ведет к глобальной «гуманитарной экспансии» и попиранию национально-культурных ценностей большинства народов.

Наиболее серьезным явлением современного мира является глобализация образования, которая проявляется двояко. С одной стороны, она представляет собой процесс интеграции образования, который способствует взаимопроникновению культур, обмену опытом, научной и академической мобильности, ведет к возможности использования и овладения разнообразными педагогическими концепциями и методиками. С другой стороны, глобализации присуща такая универсализация, что зачастую

ведет к дестабилизации национальных образовательных и воспитательных систем, стиранию их уникальных различий.

В условиях глобализационных и интеграционных процессов образованию становится все труднее отвечать на вызовы общества. Как результат этого процесса образование в значительной мере стандартизируется, приобретая трансграничные и транскультурные характеристики; происходит взаимопроникновение образовательных систем. В результате формируются контекст международного образования и мировой рынок образовательных услуг.

Взаимное сближение национальных систем образования проявляется в универсализации образования и трансляции преимущественно западных стандартов образования, а вместе с ними и стандартов жизни, мышления, культуры. Например, программа международного бакалавриата основана на «западной либеральной эпистемологической традиции», включающей три элемента: 1) доступность широкого спектра мнений («свободный рынок идей»); 2) признание гипотетичности (предположительности) своего мнения и мнения других; 3) уверенность в свободном соревновании идей как условие выявления истины¹. Эти традиции ведут к серьезной проблеме, так как концепция международного бакалавриата носит монокультурный характер, и в ней не учитывается специфика философии образования других культур.

В противовес универсализации разворачиваются процессы регионализации, индигенизации образования, когда активизируются поиски национальных и экзистенциальных ценностей, идейных начал и оснований нации (страны, государства) или макрорегиона; возникает необходимость преодоления стереотипов философии образования, ориентированной на западноевропейские стандарты мышления.

Суть вызова Запада проявляется в необходимости всем странам реагировать на его существование путем ускорения своего развития, реформирования систем образования в духе

---

¹ Oord L. V. To westernize the nations? An analysis of the International Baccalaureate's philosophy of education // Cambridge J. of Education. 2007. Vol. 37, N 3. P. 375.

модернизации, порой забывая о традиционных ценностях и устоях, национальном воспитании в лучшем смысле этого слова. Путь выстраивания ценностей в системе образования и воспитания на западный манер не должен оцениваться как единственный.

В современной ситуации по-новому может быть осмыслена национально-региональная специфика философско-образовательных традиций, дающих представление о путях развития общества, человека и культуры в отдельных этнических регионах.

Интересен зарубежный опыт.

Так, африканская философия образования свою задачу видит в «реконструкции африканской культуры», конструировании системы ценностей, которая бы учитывала политический, экономический, социальный, духовный и эмоциональный кризис, с которым африканские страны столкнулись под влиянием вестернизации. Исследователи африканской философии образования выход из создавшего положения видят в этнофилософии, обращении к африканским традициям через принципы «убунту» и «коммунализма» (Э. Вентер, К. Аппиа, Э. Телда, М. В. Макгоба, П. Энслин, К. Хорстемке и др.).

Исследователи африканской философии образования считают, что развитие образования должно идти в направлении придания местного характера тому, что является иностранным, идеализации того, что является местным, а также придания национального характера тому, что носит секторальный характер, и подчеркивания того, что является африканским (А. Мазури и др.). А для этого необходимо обратиться к этнофилософии, к африканским традициям, образу жизни и мышления, создать традиционную «интеллектуальную матрицу» (Э. Вентер, К. Аппиа, Лесека, Э. Телда и др.). Упор в содержании делается на философский материал, почерпнутый из мифов, пословиц, сказок, народных песен, ритуалов, верований, обычаев и традиций африканского народа. При этом подчеркивается необходимость связи процесса обучения с жизнью, поддержания в нем баланса местных, национальных и международных интересов.

Латиноамериканская философия образования сегодня представляет собой совокупность теорий и концепций, сложившихся, с одной стороны, под влиянием западноевропейских и севе-

роамериканских философских течений, с другой — на собственной региональной основе, сформировавшейся главным образом в XIX в. в латиноамериканской культуре.

Философия латиноамериканской сущности (Л. Сеа, А. Касо (Мексика), С. Рамос (Мексика), Х. Васконселос (Бразилия) и др.) отводит философии воспитательную роль, призванную сформировать человека в условиях капитализма, сохранив при этом целостность вопреки угрозе отчуждения.

Философия освобождения (Л. Сеа и А. Вильегас (Мексика), Э. Дуссель и А. Роиг (Аргентина), А. Ардао (Уругвай), Ф. Миро Кесада (Перу), П. Фрейре (Бразилия) и др.) раскрывает новый способ образования и коммуникации «маргинальных» народов с западным миром, обращая внимание на диалог и признание, уважение «другого».

Аналогичный пример демонстрирует Япония. Многовековая история японского образования подтверждает то, что в Японии сложилась «характерная реципиентная цивилизация западного типа, которая охотно обращается к передовому зарубежному опыту и умело использует его в собственных целях. При этом японская культура в глубинной своей основе не только не теряет самобытности, но и демонстрирует устойчивую тенденцию к сохранению дистанции между нею и цивилизациями-донорами, тем самым подтверждая тезис о том, что модернизация и активные межцивилизационные контакты в современном мире не обязательно ведут к утрате национальной самобытности культур¹. В японском социуме сейчас популярна идея региональной интеграции, регионализации в противовес глобализации².

Таким образом, доминирующая парадигма, сосредоточенная на идеях прагматизма и позитивизма, фактически долгое время определявшая развитие как самого западного образования, в настоящее время подвергается сомнению. Претензии на универсализм западного общества оспариваются. Идеи автономной

---

¹ *Прасол А. Ф.* Генезис и развитие японского образования (VIII — начало XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2005. С. 51.

² См.: *Чугров С. В.* Социокультурное пространство и внешняя политика современной Японии. М., 2007. С. 187.

индивидуализированной, гедонистической и «успешной» личности уже не могут «вести» даже западную систему образования вперед. «Упразднение или низведение на второстепенное место духовной стороны культуры ведет только к моральному одичанию людей и развитию личных эгоизмов, что не только не упраздняет, но, наоборот, увеличивает трудности общения между людьми и углубляет вражду между отдельными социальными группами даже в пределах одного и того же народа»¹. Как писал С. Хантингтон, «в исламской, конфуцианской, японской, индуистской, буддистской и православной культурах порой не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства. Усилия Запада, направленные на пропаганду этих идей, зачастую вызывают враждебную реакцию против “империализма прав человека” и способствуют укреплению исконных ценностей в собственной культуре»².

Нужно понимать, что процессы развития западной глобализации, называемой Р. Эймсом «макдональдизацией» и «товаризацией», будут продолжаться. Глобализацию называют культурной и идейной «колонизацией», «экспансией», связанной с «либеральной демократией, независимым индивидом и рационализмом», но, как считает Р. Эймс, такой взгляд на глобализацию сейчас трансформируется³. Речь идет о том, что на «мировой арене» все больше проявляются голоса незападных культур. Признание означает доступность культурных форм и процессов, приводящих к местной и региональной специфике. Результаты такого общественного развития находят свое отражение в дисциплинарном развитии философии образования. Глобализация в области знаний означает, что в ней долго превалировал единый взгляд как преимущественно западноевропейскую линию

---

¹ Трубецкой Н. Вавилонская башня и смешение языков. URL: <http://www.gumilev-center.ru/?p=480>

² Хантингтон С. Грядущее столкновение цивилизаций или прорыв Запада? // Полис. 1994. № 1. С. 34—36.

³ Ames R. Indigenizing Globalization and the Hydraulics of Culture: Taking Chinese Philosophy on its Own Terms // Globalizations. 2004. Vol. 1, N 2. P. 171—180.

развития философии образования, но сами глобализационные силы начинают действовать как гидравлический пресс, выталкивая на поверхность незападные ее течения.

Существовавшая долгое время линия западноевропейской и англо-американской философии образования заметно изменилась. Ее доминанта была нарушена в связи с появлением множества национально-региональных «философий образования», китайской, японской, африканской, латиноамериканской, турецкой, индийской и т. д. «Позиционирование» национально-региональных философий образования ведет к тому, что формируются их концепции, основанные на глубоко укоренившихся ценностях национальной культуры, сочетающие рациональное и иррациональное начало. Философия образования в универсальном плане ставит задачу концептуального оформления становящегося единого образовательного пространства, интеграции позитивных образовательных программ и стратегий в контексте универсальных общечеловеческих ценностей и образовательных идеалов при бережном сохранении национально и культурно значимых приоритетов для различных систем образования. Требованиям нынешнего времени отвечает такое движение к единству, при котором разнообразие не минимизируется, а сохраняет свое содержательное богатство.

В человеческой истории всегда присутствовали и присутствуют «универсальные цели самосохранения и развития, присущие всем странам и народам и выступающие как универсальный критерий целесообразности их ценностных ориентиров. Общечеловеческие цели и ценности «как инварианты варьируемого многообразия» во многом определяют пути цивилизационного движения человечества. Они выступают в качестве критериев степени как духовного развития, так и социального прогресса человечества. К ним относятся защита прав и свобод человека, его творческое развитие, гуманизм, распространение научного знания и передовых технологий, взаимообогащение национальных культур, экологическое отношение к жизни и окружающей среде, добро, справедливость и т. д.

Общечеловеческие ценности — доминантные, но общие, абстрактные, живущие многообразием своего проявления в многообразии культур, локальных цивилизаций, ментальностей,

социальных институций и пр. Они получают свою конкретизацию в «оболочке» того или иного общества и его культуры. Каждый народ, каждая культура и каждая эпоха наполняют общечеловеческие ценности своим специфическим содержанием. Как отмечал Н. А. Бердяев, общечеловеческая культура не может состояться без национальных культур. Она всегда конкретная, живая, наполненная национальными и индивидуальными смыслами¹. Как ярко написал об этом Н. Я. Данилевский: «общечеловеческого не только нет в действительности, но и желать быть им — значит желать довольствоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности...»². Подлинное единое существование человечества возможно лишь в условиях разнообразия.

Общечеловеческое значение имеют именно вершины национального творчества. В национальном гении раскрывается всечеловеческое, через свое индивидуальное он проникает в универсальное»¹. Общечеловеческое (общее), наполняясь в каждой социокультурной традиции собственным конкретным смыслом, воспроизводится тем не менее в любом типе общества в качестве ценностей (особенное). Национальное определяет характер проявления общечеловеческого в индивидуальном.

Россия также интегрируется в глобальное образовательное пространство, находясь в поиске стратегии развития образования, основанной на определенном балансе «между отечественной образовательной традицией и современной образовательной практикой, на которую существенно повлиял мировой опыт развития образования»³. В российском образовании сегодня остро стоит вопрос: на какие образовательные доктрины ориентировано государство в осуществлении образовательной политики, в тенденциях реформирования образования? Процессы обновления в национальной образовательной системе наталкиваются на трудности и часто не поспевают за изменениями в экономике, науке, культуре, социальных отношениях и общественном со-

---

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1998. С. 19.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. СПб., 1997. С. 103.

³ Вяземский Е. Е. Национально-региональный компонент общего исторического образования в Российской Федерации: дискуссионные подходы // Пробл. современ. образования. 2012. № 4. С. 21.

знании. Не все реформы основываются на солидной теоретической базе; нередко они представляют собой своеобразную цепь проб и ошибок в процессе эмпирических поисков новых путей развития образования. В некоторых случаях в контекст реформ вплетаются поспешные и непродуманные новшества, отнюдь не способствующие улучшению дел.

Российская культура и образование усваивают далеко не лучшие образцы западной культуры. Полезно при внедрении очередного нововведения в систему образования вспомнить слова И. А. Ильина: «Россия не есть пустое вместилище, в которое можно механически, по произволу вложить все что угодно, не считаясь с законами ее духовного организма. Россия есть живая духовная система со своими историческими дарами и заданиями»¹.

«Образование начинается с “малой родины”, постепенно расширяемой вовне. Это позволяет сохранить целостность и неразрывность образующегося человека...»². Через уникальность и самобытность национальной культуры, образовываясь, повышая свой культурный уровень, человек получает возможность подняться до осознания общечеловеческого. Подлинно национальное строится не только на традиции, но и связано с потребностями людей, их устремленностью в будущее. Методология стратегии образования должна учитывать и отражать наиболее важные глобальные, национальные и региональные проблемы, переводя их с философского языка на язык конкретных практических программ.

---

¹ Ильин И. А. Наши задачи: историческая судьба и будущее России: статьи 1948—1954 гг. : в 2 т. М. : МП «Рарог», 1992. Т. 1. С. 237.

² Хуторской А. В. Философия русского космизма как аксиологический базис отечественного образования // Тр. науч. семинара «Философия-образование-общество» / под ред. В. А. Лекторского. М. : НТА «АПФН», 2005. Т. 2. С. 142. (Серия «Профессионал»).

Мария Борисова

*аспирантка Института археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук*

Новосибирск, Россия

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ: ОТ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА
К ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМУ**

С распадом СССР в условиях кризиса советской идентичности обществу и государству предстояло определить механизмы, способные воссоздать некогда единый народ, утвердить новую, отвечающую новым условиям модель консолидации этнокультурных общностей. Новая программа действий требовала новых, отвечающих времени теоретических и методологических подходов. В российском постсоветском пространстве альтернативой этнократической государственности и узкогрупповым этническим интересам стала формула консолидации представителей всех национальностей в едином государстве на надэтнических началах — представление о России как о национальном государстве россиян, в состав которого входят представители всех этнических групп, проживающих на ее территории, обладающих гражданством и составляющих таким образом единую гражданскую нацию¹.

В силу традиционных воззрений академических и политических элит, сложившихся в идеологической парадигме примордиализма (этничность — естественное, примордиальное свойство людей) и формационного подхода советского периода, высказывание о российской гражданской нации явилось идеологическим новшеством для России. В отличие от западноевропейской традиции, где утвердилось представление о нации как о культурно гомогенном сообществе, выступающем источником суверенитета, преимущественным объектом лояльности и пре-

---

¹ *Тишков В. А. Что есть Россия? (Перспективы нациестроительства) //* Вопр. философии. 1995. № 2. С. 9.

дельным основанием легитимности власти¹, в России укоренилось представление о нации как о высшей форме развития этноса, этнической целостности, говорящей на одном языке и имеющей особый характер.

Каждый житель СССР являлся представителем той или иной нации через закрепленную за ним национальность. Национальная принадлежность фиксировалась в паспорте и воспроизводилась в советских переписях населения в соответствии с официальной номенклатурой национальностей. Нации в СССР были составляющими советского интернационального народа, а этнократия, восторжествовавшая во многих частях бывшего СССР, была воспринята интеллектуальным сообществом и простыми обывателями как закономерный процесс «триумфа наций»².

Мультикультурализм — концепция признания культурного многообразия, возникшая на Западе в 1970-х — 1980-х гг. как альтернатива ассимиляции, рассматривалась российским научным сообществом в качестве механизма, создающего условия этнополитической интеграции и формирования гражданской нации.

Основным выводом конференции, организованной в 1999 г. Институтом этнологии и антропологии РАН и Институтом философии РАН, стало понимание того, что для современной России «мультикультурализм может быть полезным... в направлении отказа от абсолютизации культурных различий и признании схожести и культурной гомогенности гражданского сообщества»³.

С усилением националистических притязаний этнического большинства, наметившихся с конца 1990-х гг., возрастала актуальность мультикультурализма как альтернативы политики монокультурности. Требования лидеров русского национализма

---

¹ *Савинов Л. В.* Идеи европейской этнополитики: реалии и перспективы // Идеи и идеалы. Культурология: проблемы, подходы, решения. 2013. Т. 1, № 1 (15). С. 126.

² *Малахов В. С.* Новое в междисциплинарных исследованиях («Историко-ситуативный» метод в работах В. Тишкова) // Обществен. науки и современность. 2002. № 5. С. 135.

³ *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 230; 232—259; 244.

заклучались в признании особых, преимущественных прав «государствообразующего народа». В работах российских исследователей мультикультурализма 2000-х гг. четко прослеживается мысль о том, что «культурно плюралистическое (“мультикультурное”) общество — это общество, в котором нет “господствующей культуры”. Цель мультикультурализма (политики культурного плюрализма) в демократическом обществе заключается в формировании общего надэтнического коммуникационного пространства»¹.

Теоретические разработки экспертного сообщества нашли свое отражение в политике федеральных властей. Впервые на государственном уровне заявление о том, что суверенитет РФ, как и составляющих ее субъектов, основывается на целостности их многоэтнического населения, а не отдельных национальностей, было сделано президентом РФ Б. Н. Ельциным в его первом послании Федеральному Собранию в феврале 1994 г. В 1996 г. была принята Концепция государственной национальной политики Российской Федерации, провозгласившая равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям; сохранение исторически сложившейся целостности Российской Федерации; право каждого гражданина определять и указывать свою национальную принадлежность без всякого принуждения; содействие развитию национальных культур и языков народов Российской Федерации; запрещение деятельности, направленной на подрыв безопасности государства, возбуждение социальной, расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды². В 1997 г. был принят закон о национально-культурной автономии (НКА), на основе которого были созданы НКА по всей стране.

В России рубежа XX—XXI вв. проблемы этнического и регионального сепаратизма потеряли свою остроту, а на первый

---

¹ См., например: Малахов В. С. Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова. М., 2002. С. 59.

² О Концепции государственной национальной политики Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 15 июня 1996 г. № 909. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051/>

план вышли проблемы, связанные с притоком мигрантов. Отвечая на новые вызовы, в 2001 г. была принята Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 — 2005 гг.)», в 2002 г. — Закон «О противодействии экстремистской деятельности», в 2006 г. создана Общественная палата РФ, в первом составе которой действовала Комиссия по вопросам толерантности и свободы совести (затем переименованная в Комиссию по проблемам межнациональных отношений)¹.

При президентстве В. В. Путина «российская нация» — категория экспертного дискурса — стала неотъемлемой частью дискурса российских политических элит. В своих посланиях Федеральному Собранию РФ и выступлениях В. В. Путин неоднократно делал акцент на гражданском единстве и этнокультурном многообразии российской нации. Так, во вступительном слове на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений, состоявшейся в Республике Чувашия 5 февраля 2004 г., В. В. Путин отметил, что «...мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации... Это наша историческая и наша сегодняшняя реальность тоже. Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом. Используют все свое культурное богатство и многообразие в интересах всего общества и своего государства. Мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство»². В заключительном слове, прозвучавшем на церемонии вручения государственных премий РФ, приуроченной ко Дню России 12 июня 2007 г., В. В. Путин сказал: «в силу сложения огромного количества исторических обстоятельств на огромной территории, но на единой территории, под одним небом живут представители

---

¹ *Полиэтническое общество и государство: понимание и управление культурным многообразием // Кризис мультикультурализма и пробл. национал. политики / под ред. М. Б. Погребинского и А. К. Толпыго. М. : Весь мир, 2013. С. 148.*

² *Вступительное слово на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений, Чебоксары, 5 февраля 2004 г. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/22349>*

самых разных этносов, культур, религий — в то же время, несмотря на всю свою самобытность, ощущают себя единым народом и единой нацией»¹. Таким образом на государственном уровне был задекларирован основной принцип российской этнополитики — укрепление единства российской нации и сохранение ее этнокультурного многообразия как потенциалов социально-экономического развития и конкурентоспособности страны.

Идеи единой российской нашли свое выражение в программной статье В. В. Путина «Национальный вопрос в России», опубликованной в Независимой газете 23 января 2012 г., которая стала основой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (Стратегия), принятой 19 декабря 2012 г.² Так, в статье В. В. Путина упоминание о российской народе как о нации встречается 3 раза в следующих формулировках: праздник 4 ноября — День народного единства, называется «днем рождения нашей гражданской нации»; о российском народе говорится как о «нашей нации», которая всегда была «читающей нацией»; с помощью СМИ государство обязано направлять свои усилия на формирование общественного сознания, «в том числе и на формирование мировоззрения, скрепляющего нацию».

В Стратегии формулировка «российская нация» встречается в общей сложности 5 раз. Четыре раза встречается пояснение того, что многонациональный народ РФ является российской нацией: «Стратегия... призвана развивать потенциал многонационального народа Российской Федерации (российской нации)», одной из целей государственной национальной политики РФ является «упрочение общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (российской нации)», одним из приоритетных направлений государственной национальной политики РФ является «укрепление единства и духовной общности многонационального народа Российской Федерации (россий-

---

¹ *Стенограмма* церемонии вручения государственных премий Российской Федерации, Кремль, 12 июня 2007 г. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/24334>

² URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521>

ской нации)», наконец, одной из задач в сфере государственной национальной политики РФ является «разработка государственной программы, направленной на укрепление единства многонационального народа России (российской нации)». Кроме того, в п. 12 раздела «Состояние межнациональных (межэтнических) отношений в Российской Федерации» «многообразие национального (этнического) состава и религиозной принадлежности населения России, исторический опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, сохранение и развитие традиций проживающих на ее территории народов» объявляются «общим достоянием российской нации».

С начала 2000-х гг. в Европе, при ведущей роли Великобритании, в ряде городов которой летом 2001 г. вспыхнули беспорядки на расовой почве, развернулись дискуссии о несоответствии мультикультурализма современному развитию общества¹. В 2008 г. Совет Европы опубликовал «Белую книгу по межкультурному диалогу». В этой книге, подготовленной «на базе длительных и масштабных консультаций представителей государств-членов Совета Европы», было высказано единодушное мнение этих государств о том, что мультикультурализм перестал быть адекватной политикой². По мнению западноевропейского политического и академического сообщества достижение гражданской интеграции должно осуществляться на основе интеркультурализма — новой модели управления культурным многообразием, направленной на обеспечение сплоченности общества посредством межкультурного диалога и совместного участия в конструировании общественного пространства представителями различных этнических групп на локальном уровне. Интеркультурализм был объявлен средством развития гражданской культуры и достижения гражданской интеграции на основе двойной, а не взаимоисключающей идентичности.

---

¹ См.: *Борисова М. В.* Теория и практики интеркультурализма в современном мире // Пробл. истории, филологии, культуры / Магнитогор. гос. ун-т. 2014. № 2. С. 368—370.

² *Белая книга по межкультурному диалогу «Жить вместе в равном достоинстве».* Страсбург, 2008. URL: http://www.coe.ru/publication/epublication/ebook/White%20paper_russian.pdf

Европейская дискредитация мультикультурализма нашла широкий отклик в России. Декабрьские события 2010 г. на Манежной площади, этнические конфликты на Северном Кавказе 2012 г., рост ксенофобии, дискриминация по этническому признаку стали объясняться крахом политики мультикультурализма. Следовательно, возникла потребность адаптации новой интеграционной концепции.

Рабочая группа по консолидации этнокультурных общностей (апрель 2011 г. — август 2012 г.) Совета при Президенте России по развитию гражданского общества и правам человека в качестве механизма консолидации этнокультурных общностей предложила интеркультурализм, который определялся как новая модель регулирования межэтнических отношений, строящаяся на принципах взаимных интересов и взаимной ответственности всех граждан страны независимо от их этнической принадлежности. В связи с этим руководитель группы Э. А. Паин добавил, что «Уже сегодня те скромные достижения в национальном примирении на территории России, которые стали известными, спонтанно оказались основанными на идеях интеркультурализма, на поиске взаимных интересов в процессе некоего общего дела». В качестве примера таких инициатив приводились опыты организации взаимодействия в трудовой и бытовой сферах молодых осетин и ингушей в Пригородном районе (проект общества «Мемориал») и культурной адаптации кавказских мигрантов в крупных городах России (проект региональной организации «Международное ненасилие»). «Есть и другие примеры успехов, — продолжает Э. А. Паин, достигнутых на основе интеркультурализма, т. е. создания условий для взаимодействия и пробуждения взаимного интереса, взаимной ответственности за некое общее дело или общее поселение»¹. На общегосударственном уровне основной принцип интеркультурализма задекларирован так: этнокультурное многообразие — это потенциал

---

¹ Паин Э. А. Гражданская основа — единству России: контуры политики консолидации российского общества и ее применение на Северном Кавказе: тез. выступления на выездном заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека, Ставрополь, 5 июля 2011 г. URL: http://www.president-sovet.ru/structure/consolidation_group/materials/e_pain.php?sphrase_id=35961

социально-экономического развития и конкурентоспособности страны.

Теперь нужны конкретные практики для развития гражданского общества.

Таким образом, реализация концепции мультикультурализма в российском обществе в 1990—2000-х гг. способствовала предотвращению раскола общества по этническому принципу, а реализация концепции интеркультурализма, заявленной Рабочей группой по консолидации этнокультурных общностей Совета при Президенте России по развитию гражданского общества и правам человека в начале 2010-х гг., призвана обеспечить интеграцию этнокультурных общностей через реализацию социально значимых проектов в сфере этнической политики при ведущей роли институтов гражданского общества.

Рустем Вахитов

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и политологии
Башкирского государственного университета

Уфа, Россия

ЭТНОСОСЛОВИЯ И НАЦИИ: НЕНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ПУТЬ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

Переход от общества традиционного типа к обществу современному, модерному, на Западе был связан с образованием наций. Эрнест Геллнер убедительно показал, что появление индустриального общества потребовало унификации языка, рационального мышления и поведения, уравнивания всех перед законом, всеобщей грамотности. Так на Западе появились нации как сообщества равноправных граждан, участвующих в общественном самоуправлении, имеющих единую и унифицированную культуру, которая воспроизводится при помощи институтов образования, искусства и т. д.² К этому необходимо добавить, что возникновение и существование нации невозможно без конструирования и постоянного обновления национальной традиции и ее передачи массам, во что вовлечены как ученые, писатели, идеологи, так и множество педагогов, журналистов и пропагандистов³. Само это обстоятельство указывает на глубоко антитрадиционный характер наций, ведь в традиционном обществе и речь не идет об изобретении традиции, там традиция, будучи однажды положенная в основу жизни, лишь воспроизводится и передается. Кроме того, сама фигура гражданина нации — самодостаточного, активного, претендующего на обладание

---

¹ Работа выполнена в рамках исследования «Этносословия в национальных республиках России (на примере этносословия башкир в Республике Башкортостан)», фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» (г. Москва). Договор № 2014 007.

² Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной ; ред. и послесл. И. И. Крупника. М. : Прогресс, 1991. 319 с.

³ Этим процессам посвящен знаменитый сборник под редакцией Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера «Изобретение традиций» (см.: *The Invention of Tradition* / eds. E. Hobsbawn, T. Ranger. Cambridge Univ. Press, 2003).

высшей властью — является антиподом подданного традиционного общества — относящегося к определенному сословию, подчиняющегося суверену и его государству, ориентированному на авторитеты.

Сторонники глобалистского и западнцентристского взгляда на мировую историю считают, что все остальные неевропейские цивилизации мира должны повторить путь Запада и в этом смысле; и что их переход в индустриальное состояние должен обязательно сопровождаться формированием в этих странах наций и национальных государств.

Однако, на наш взгляд, пример России XX в. доказывает совершенно противоположное. В ходе советской модернизации (которую справедливо определяют как консервативную модернизацию¹) произошло лишь копирование неких внешних черт наций западного типа. По сути же советские, а теперь уже и постсоветские «нации» представляют собой качественно иные образования.

В работах О. Э. Бессоновой, С. Г. Кордонского² и др. показано, что Россия на всех этапах своего развития была сословно-раздаточным, а не гражданско-рыночным обществом, в которой сословия были и остаются признанными или непризнанными группами, наделенными определенными привилегиями и получившими определенные служебные обязанности от государства. Раздаток ресурсов (как материальных, так и духовных) — основа такого общества, и потому эгалитарные образования, соответствующие обществу рыночного типа, например, такие, как нация, в России приживаются плохо и имеют имитационный характер.

Мы считаем, что так называемые советские и постсоветские нации являют собой не что иное, как этносословия особого мо-

---

¹ См.: *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР / Гос. ун-т — Высш. шк. экон. 2-е изд. М. : Изд. дом Гос. ун-та — Высш. шк. экон., 2010. 430 с.

² См.: *Бессонова О. Э.* Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М. : РОССПЭН, 2006. 144 с. ; *Кордонский С. Г.* Сословная структура постсоветской России. М. : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2008. 215 с.

дернистского типа (которые следует отличать от традиционных этносословий, существовавших в Российской империи)¹.

Таким образом, СССР, возникший на обломках Российской империи, сумел реализовать ненационалистический путь модернизации, предполагающий создание модернистских этносословий.

В ходе дореволюционной капиталистической модернизации, которая началась в России в эпоху реформ Александра Второго, на просторах империи начался феномен нациестроительства. Как в среде русской интеллигенции, так и в среде зарождающихся интеллигенций нерусских народов (от украинцев до татар и калмыков) возрос интерес к языку, культуре, истории своих народов, началось конструирование национальных идентичностей и к началу XX в. от этапа культурного национализма теории и практики нациестроительства стали переходить на этап политического национализма. Апогея этот процесс достиг после Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и в Гражданскую войну 1918—1922 гг., когда с ослаблением центральной власти на территории бывшей империи стали возникать национальные государства разных народов — поляков, финнов, украинцев, белорусов, башкир, азербайджанцев, армян, грузин и даже таких субэтнических групп, как донские или кубанские казаки. Белое движение, которое ошибочно трактуют как реставраторско-монархическое, но которое на самом деле в лице его ведущих идеологов вдохновлялось идеями русского национал-либерализма, также пыталось построить русское национальное государство.

Однако объективных условий для строительства наций западного типа, т. е. гражданских эгалитарных демократических сообществ, в России того времени не было — ни у русских, ни у тем более у восточных народов империи. История Запада показала, что таким объективным условием, как мы уже говорили, является наличие развитого рыночного капиталистического об-

---

¹ Впервые на это обратил внимание С. Г. Кордонский. См. об этом также: *Крупкин П. Л.* Политические коллективные идентичности в постсоветской Российской Федерации // *PolitBook*. 2014. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-kollektivnye-identichnosti-v-postsovetskoy-rossiyskoy-federatsii>

щества. Нация возникает только там, где основательно разрушено традиционное общество с его сословной структурой и специфическим религиозным мировоззрением, которое исключает ценности прогресса, индивидуализм, высокую социальную активность и мобильность¹. Нации, повторим еще раз, — это результат объединения атомизированных индивидов, появившегося после распада традиционных общин, в ходе рационального общественного договора.

Большинство же русских и других народов империи составляли крестьяне-общинники, а в ряде случаев еще более традиционные кочевники и полукочевники. Идеи нациестроительства не были им близки и понятны. Даже представителей своих собственных интеллигенций они воспринимали как чужаков (исключение — поляки и финны, но они и создали свои национальные государства, и сумели их отстоять в борьбе с большевистским правительством). Поэтому с такой относительной легкостью большевикам удалось «заморозить» нациестроительство в среде этих народов.

Большевики, конечно, не выступили против нерусских националистов. Напротив, сначала, пообещав им национальные государства в составе советской державы, они даже привлекли их на свою сторону (проявив при этом большую политическую гибкость, чем белые). Но по мере формирования советского государства реальная власть постепенно стала переходить от Советов этих «национальных республик» к партийным комитетам, которые управлялись напрямую, из центра, и формировались не по этническому, а по идеологическому признаку. Кроме того, центр еще в годы Гражданской войны (1918—1922) сосредоточил в своих руках руководство вооруженными силами, железными дорогами, средствами связи, а позднее, в 30-е гг., и правоохранительными силами («милицией», спецслужбами разного рода), которые также перешли из республиканского в федеральное подчинение².

---

¹ Мы говорим об этом безоценочно, поскольку далеки от мысли, что прогресс и индивидуализм однозначно позитивные феномены.

² См.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939 / [пер. с англ. О. Р. Щелоковой]. М. : РОС-СПЭН : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 855 с.

Вместе с тем было бы неправильно говорить о том, что за фасадом псевдонациональных псевдогосударств (союзных и автономных республик в составе СССР) скрывалось унитарное «русское государство», как пытаются все представить нерусские националисты России и стран СНГ. Большевики продолжили ту политику, по отношению к нерусским народам империи, которая сложилась еще во времена Московского царства и Российской империи. Состояла она в наделении представителей этих народов определенными правами, льготами, государственной поддержкой в обмен на их лояльность и службу государству, что их превращало в этносословия. Вслед за С. Г. Кордонским сословиями мы называем социальные группы, которые получают от государств определенные привилегии, льготы, ресурсы, они не обязательно называются сословиями и совпадают с сословиями доиндустриальных обществ¹. Соответственно этносословия — это социальные группы, создаваемые государством и его субъектами для сохранения определенных народов (этносов), поддержки их развития и сохранения мест этих народов в структуре общества. Члены этносословий занимаются освоением многообразных ресурсов (символических, политических, экономических и т. д.), выделяемых государством для указанной цели.

Большинство их составляют представители данного народа (этнуса), но объемы понятий «этносословие» и «этнос» не совпадают: отдельные представители этноса не пользуются поддержкой, предоставляемой государством этносословию, и, следовательно, не входят в него. Представители других народов, напротив, могут, выдавая себя за представителей данного народа, стать членами этносословия.

Указанная поддержка производилась (и производится) в трех сферах общественной жизни: культуры, общественно-политической и материального производства.

В сфере культуры государство создавало литературные языки, письменность тем народам, у которых их не было до революции, или поддерживало развитие языков и литературы там, где они уже были. Это выражалось в учреждении национальных

---

¹ См.: Кордонский С. Г. Сословная структура постсоветской России. С. 26.

отделений союзов писателей, субсидировании издания литературы на национальных языках, создании сети национальных школ. Государственной поддержкой пользовались и другие национальные творческие союзы (художников, театральных деятелей и т. д.) и сеть СМИ на национальных языках. Были введены определенные квоты для приема «националов» в техникумы и вузы, для поступления их в аспирантуру столичных городов (Москвы и Ленинграда), для представленности «националов» в научных учреждениях и организациях. Названные мероприятия проводились открыто и оправдывались необходимостью «подтянуть отстающие народы» к «цивилизованному уровню», что напоминает аргументы современных западных идеологов «позитивной дискриминации»¹.

При этом речь не шла о создании национальной культуры. Последняя подразумевает развитие всех областей культуры, тут же развивались только гуманитарные области, прежде всего литература и история (скажем, преподавание предметов естественно-математического цикла даже в национальных школах велось на русском языке).

В сфере общественно-политической производилась «коренизация», определенные должности на государственной службе негласно закреплялись за представителями титульных народов республик (например, в автономных республиках РСФСР первым секретарем обкома КПСС был представитель титульного народа, но вторым обязательно был русский).

В сфере материального производства государство поддерживало «национальные промыслы», а также представителей тех или иных народов в раках обеспечения имперского этнического разделения труда. Как и в традиционных империях, в СССР, пусть и негласно, существовало этническое разделение труда. Статистика показывает, что неславянские народы занимались преимущественно сельским хозяйством и разными промыслами (вплоть до оленеводства у народов Крайнего Севера), русские, украинцы и белорусы в массе своей были рабочими и инжене-

---

¹ Мартин Т. Указ. соч. 855 с.

рами промышленных производств, где бы они ни находились — в центре России или в Средней Азии¹.

Разумеется, получая от государства поддержку, этносословия несли перед ним и определенные обязанности. Так, развитие культур определенного народа предполагало создание и пропаганду их интеллигенциями такого варианта «национальной культуры», который был бы комплементарен государственной идеологии и обеспечивал «дружбу народов». Негласные льготы при приеме «националов» на государственную службу предполагали их лояльность государству (вообще этносословность в этом плане была и остается не чем иным, как постановкой наиболее социально активных слоев нерусских народов на службу российскому государству). Наконец, поддержка национальных промыслов неславянского села предполагала негласную обязанность неславянских народов выполнять свою работу в рамках имперского этнического разделения труда.

Добавим к этому, что усилия государства по сохранению и развитию культур населяющих страну народов сами по себе способствуют межэтническому миру, и это не говоря уже о том, что такие усилия улучшают имидж государства в глазах международного сообщества.

Как видим, этносословность была и остается выгодной государству и в определенной мере всем населяющим его гражданам и народам, в том числе и тем, которые внешне выглядят как повергающиеся дискриминации в рамках системы «этносословия-государство» (сейчас много говорится о том, что в Советском Союзе поддержка прибалтийских народов и республик осуществлялась за счет недофинансирования «русского центра», и это верно, но верно и другое: таким образом сдерживался прибалтийский сепаратизм, и в республиках Прибалтики не было баз НАТО, как сейчас²).

---

¹ По этой теме существует интересное исследование, касающееся советской, постсоветской Башкирии: *Ирнарзов Р.* Равенство этносов в республике Башкортостан. Уфа : Изд-во «Гилем», 1997. 160 с.

² Из сказанного не следует, что автор отрицает наличие «русской проблемы» в СССР и перекосов по отношению к русским в национальной политике Советского Союза в отдельные периоды его существования.

Разумеется, речь не идет о том, что советские механизмы этносословности идеальны¹. Одной из проблем является легитимизация неравенства по этническому признаку, вызывающая негативную реакцию и обостряющая межэтнические отношения, особенно в условиях отсутствия идеологии, которая бы обосновывала этносословность. Но для того чтобы оценить достоинства и недостатки данных механизмов, нужно хотя бы их изучить. Поэтому целью работы и является попытка привлечь внимание специалистов к данной проблеме.

---

¹ Тем более с 1970-х гг. они переживают кризис, который лишь обострился в перестройку и постсоветские годы, когда местами в республиках наметилась стойкая тенденция к этнократии.

Вадим Гайдук

*доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии и истории
Башкирского государственного университета,
научный руководитель Научно-исследовательского
центра разработки устойчивой модели развития
регионов федеративного государства*

Уфа, Россия

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК «ЛАБОРАТОРИЯ» ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ И УГРОЗ

Тема обеспечения безопасности постсоветского пространства, надежной защиты территорий независимых государств, конституционного строя, своевременной нейтрализации внутренних и внешних угроз — актуальнейшая проблема современности и объект повышенного политического интереса современных исследований.

К сожалению, некоторые постсоветские государства становятся площадками, государственными лабораториями для проведения внешних опытов и экспериментов. «Цветные революции», свержение легитимных глав государств, примат узкоправленных интересов отдельных стран (которые считают себя «богами») над международным правом демонстрируют некую «провальность» основного концепта безопасности постсоветского пространства¹.

Сразу следует отметить, что прямой военной угрозы постсоветскому пространству сегодня нет. Гарантией этому является прежде всего стратегический баланс сил в мире. Но в то же время современная политическая проекция в постсоветском измерении становится инструментом конструирования социально-политической нестабильности в регионе. И тот баланс сил, ко-

---

¹ См.: Мурзагалиев Б. Р., Сулейманов А. Р. Социально-политические технологии противодействия «цветным революциям» в молодежной среде. Уфа: ООО «Издательство Диалог», 2015. 84 с.

торый установился после распада СССР, сегодня претерпел кардинальные изменения¹.

Очевидно, что распад Советского Союза — это конфликт всей международной системы того времени. А природа конфликта многомерна. Он имманентен как в социальной, так и политической сфере человеческого бытия, он вообще имманентен бытию в той или иной форме.

Конфликт объективен, имеет свою логику развития, часто выходит из-под контроля. Конфликт иррационален. Его иррациональность часто заключена в самой человеческой природе — любой конфликт эмоционально окрашен, что часто задает тон его эскалации и именно поэтому использование беспристрастных «третьих лиц» для урегулирования конфликтных ситуаций как на бытовом, так и глобальном уровнях приобрело широкое распространение.

Однако конфликт может быть и рациональным, и именно поэтому он управляем². Но легко ли управлять конфликтом, доводить его до нужных фаз и состояния?

В реалиях современности конфликт «подогревается» языком ультиматумов и санкций. Само понятие государственного суверенитета размывается. Неудобные режимы, страны, которые проводят независимую политику или просто стоят на пути чьих-то интересов, дестабилизируются. Для этого в ход идут так называемые «цветные революции», а если называть вещи своими именами — просто государственные перевороты, спровоцированные и финансируемые извне³.

Упор делается на проблемы внутри стран. Проблем всегда достаточно, особенно в нестабильных государствах, в несостоявшихся государствах, государствах со сложным режимом. Проблемы всегда есть, только непонятно, зачем их использовать для полной дестабилизации и развала этих государств. Это мы и наблюдаем в последнее время в различных регионах многополярного мира.

---

¹ *Гайдук В. В., Сулейманов А. Р.* Украинская трагедия как вызов международной безопасности / *Вопр. политологии.* 2014. № 2 (14). С. 87—102.

² См.: *Гусева М. О.* Конфликт личности на почве национальных переживаний // *Этносоциум и межнационал. культура.* 2010. № 3 (27). С. 125—133.

³ *Бакушев В. В., Гайдук В. В.* Украинский кризис: уроки для России и партнеров // *Евразийск. союз: вопр. междунар. отношений.* 2014. № 3—4 (8—9). С. 80—90.

Ставка делается в основном на радикальные, националистические, а то и просто на неофашистские, фундаменталистские силы: это происходило во многих странах постсоветского пространства и происходит сейчас в Украине.

Современная Украина, по нашему мнению, является ярким примером «лаборатории» этнополитических экспериментов и угроз, опыт которой в перспективе может тиражироваться и в других странах постсоветского мира. Но нужен ли такой опыт этим странам?

Следует также вспомнить о том, что те люди, которые в Украине пришли к власти, пришли вооруженным антиконституционным путем. Да, после переворота они провели выборы, но странным образом: почему-то во главе государства опять оказались те, кто финансировал либо осуществлял этот переворот. А часть населения страны, которая не согласна с таким развитием событий, также пытаются подавить силой без всякой попытки провести хоть какие-то переговоры. Что это, если не эксперимент над жителями Украины? И получил ли украинский народ ценности согласия и мира?

Складывается впечатление, что украинские власти попросту забыли об этих самых ценностях. Ценности согласия и мира — это не подарок наших предков на все времена. Такие традиции необходимо постоянно поддерживать. Кроме того, жизнь идет вперед, появляются новые вызовы, новые риски и новые угрозы. Это требует от государства и общества самого пристального внимания и достаточно кропотливой ежедневной работы. И если само государство этого не понимает, «втаптыкает в грязь» свою историю и память, то будущего у него нет.

В рамках моей научной школы «Политическая медиация в федеративных государствах» разрабатываются научно-экспертные технологии урегулирования подобных негативных процессов и сценариев¹.

---

¹ См.: *Гайдук В. В., Лукьянцев А. С.* Политическая медиация как новая политическая технология // *Вопр. политологии.* 2014. № 4 ; *Гайдук В. В., Высоцкий А. В., Лукьянцев А. С.* Региональные политические медиаторы как адаптационный механизм этносоциальных и межкультурных коммуникаций // *Этносоциум и межнационал. культура.* 2014. № 12 ; *Гайдук В. В.* Политические медиаторы этносоциальных и этнокультурных коммуникаций // *Вестн. Башк. ин-та социал. технологий. Серия «Общественные науки».* 2014. № 4 (25) ; *Гайдук В. В., Сулейманов А. Р.* Региональные медиаторы и их роль в обеспечении нацио-

Следуя закону этнокультурной инерции, конфликты продолжают действовать до тех пор, пока их участники не предложат ясных условий их прекращения¹.

нальной целостности: коммуникативный аспект // Коммуникология. 2014. Т. 8, № 6; *Гайдук В. В.* Роль политических медиаторов в обеспечении национальной безопасности и федеративной целостности России // *Вопр. национал. и федер. отношений*. 2014. № 3; *Его же.* Проблема политической устойчивости субъектного состава федеративной России: Республика Крым и Севастополь // *Вопр. политологии*. 2014. № 1 (24); *Высоцкий А. В.* Политическая медиация в элитарном измерении: институт «политического равновесия» // *Вопр. национал. и федер. отношений*. 2014. № 1 (24); *Его же.* Этнические процессы на Крымском полуострове: ретроспективный политико-исторический анализ // *Там же.* № 2 (25); *Его же.* Роль этнических конфликтов на постсоветском пространстве // *Евразийск. союз: вопр. междунар. сотрудничества*. 2014. № 1—2 (6—7); *Высоцкий А. В., Сулейманов А. Р.* Медиативные инструментарины современной элитологии: диалог «власти» // *Вестн. Башк. ин-та социал. технологий. Серия «Политическая регионалистика и этнополитика»*. 2014. № 3; *Аминов И. А., Сулейманов А. Р.* Региональная карта потенциальных этнополитических угроз в федеративной России: моногр. Уфа, 2014. С. 93; *Гайдук В. В., Сулейманов А. Р.* Миграционная политика через призму национальной безопасности федеративной государственности: страхи «по-российски» // *Евразийск. юрид. журн.* 2014. № 1 (68); *Их же.* Миграционные особенности современных этнических конфликтов // *Вопр. национал. и федер. отношений*. 2014. № 1 (24); *Гайдук В. В., Смирнова К. И.* Этнополитические конфликты на постсоветском пространстве // *Там же.* 2013. № 2; *Гайдук В. В.* Национальная безопасность не должна иметь этнический оттенок // *Вестн. Башк. ин-та социал. технологий*. 2013. № 5 (21); *Гайдук В. В., Зимина Е. В.* Истоки этнополитических конфликтов на евразийском пространстве // *Евразийск. союз: вопр. междунар. сотрудничества*. 2013. № 3; *Гайдук В. В., Демьяненко Ю. А.* Этнополитические инструментарины национальной безопасности Российской Федерации // *Вопр. национал. и федер. отношений*. 2013. № 3; *Гайдук В. В., Сулейманов А. Р.* Евразийские миграционные процессы через призму национальной безопасности России // *Евразийск. союз: вопр. междунар. отношений*. 2013. № 3—4 (4—5); *Гайдук В. В., Сулейманов А. Р.* К проблеме идеологического обоснования национальной безопасности федеративной России // *Этносоциум и межнационал. культура*. 2013. № 9; *Гайдук В. В.* Терроризм и культура насилия в многонациональной России: «Волгоградский синдром» // *Вопр. национал. и федер. отношений*. 2013. № 4 (23); *Его же.* Национальная политика в Российской Федерации: траектории, развилки, тупики // *Там же.* 2012. № 1 (2); *Его же.* Индекс временности власти и его роль в этнополитической стабильности российских регионов // *Там же.* № 4; *Его же.* Роль этнологического метода в научных исследованиях национальных и федеративных отношений в России // *Политика и общество*. 2011. № 4.

¹ См.: *Козер Л.* Функции социальных конфликтов / пер. с англ. О. Назаровой; под общ. ред. Л. Г. Ионина. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 34.

И одной из таких политических технологий является политическая медиация.

Политическая медиация, ставшая популярной с недавнего времени в юриспруденции, имеет самое непосредственное отношение к урегулированию этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве.

Но перед тем как перейти к рассмотрению медиативных технологий урегулирования этнополитических конфликтов, хотелось бы разграничить последние категории. Сегодня понятия межнационального конфликта и межэтнического конфликта, применяемые в этнополитологии, часто отождествляются и, с одной стороны, это позволяет экстраполировать исследования межэтнических конфликтов в область межнациональных противоречий, а с другой — приводит к терминологической путанице.

Природа межнационального конфликта вытекает из характера наций как государственно-политических, гражданско-правовых, социально-экономических, а также социокультурных общностей людей, поскольку нация (национальное) включает в себя этнический (социокультурный) компонент, пронизывающий, окрашивающий в том числе политические и другие стороны нации.

Конфликтное поле межнационального противоречия, равно как и этнического, формируется в процессе многосторонних взаимоотношений наций друг с другом и этносами в полинациональном и полиэтническом пространстве. Сами конфликты вырастают на почве противоречий между интересами этих социальных организмов. Различие здесь состоит в том, что интересы этноса формируются как интересы замкнутой групповой организации людей и мышления, где индивид не отделяет себя от группы, и для него любая иная выступает в качестве другой, «чужой» по отношению к своей; для нации же имеет место представление и выражение интересов более широкой, но все же обособленной, самостоятельно существующей, государственно оформленной или оформляемой общности, приобретшей (или приобретающей) свою социально-экономическую и гражданско-политическую основу.

Таким образом, политическая медиация может быть применена и к межнациональным, и к межэтническим конфликтам, но с той условностью, что предметом конфликтности выступает

внутригосударственный или межгосударственный интерес. При этом методология политической медиации может быть общей.

Кроме того, следует разграничивать категории «добрые услуги» и «медиация» (посредничество). Как отмечает Ю. В. Гуцева, между добрыми услугами и посредничеством есть определенное различие, которое обусловлено характером участия в разрешении спора третьей стороной и ее положением¹.

Добрые услуги (*bons offices*) и посредничество (*mediation*) регламентированы Конвенцией о мирном решении международных столкновений, принятой в 1907 г. Если в процессе оказания добрых услуг третья сторона не имеет права влиять на ход переговоров, то медиация наоборот ориентирует посредника на углубленное участие в решении спора. При посредничестве конфликтующие стороны ведут переговоры с участием третьей стороны и на основе сделанных ею предложений. Третья сторона является активным и непосредственным участником переговоров, согласовывая противоположные притязания и нейтрализуя чувство неприязни, возникшее между сторонами, находящимися в состоянии спора².

Медиация многократно усиливает преимущества и положительный эффект переговоров. Она помогает избегать задержек и решает внутренние проблемы.

Медиация обладает рядом преимуществ для деловых партнеров: во-первых, она обеспечивает привлечение независимой третьей стороны для анализа проблемы; во-вторых, создает для сторон возможность общения; в-третьих, медиаторы являются консультантами для обеих сторон; в-четвертых, стороны могут прекратить медиацию в любой момент и избежать риска, навязываемого третьей стороной решения, и в то же время (в итоге) они могут заключить соглашение, имеющее обязательную силу; в-пятых, стороны осуществляют контроль за достижением результата и имеют широкий простор для того, чтобы сделать его приемлемым и выгодным с коммерческой точки зрения³.

---

¹ Гуцева Ю. В. Примирительная процедура в праве (доктрина, практика, техника). Н. Новгород, 2013. С. 98.

² См.: Денисенко С.В. Использование медиации в сфере международных экономических отношений // Наука и образование. М., 2013. № 2. С. 35.

³ Там же. С. 37.

Основные принципы политической медиации в сфере межнациональных и межэтнических отношений можно свести к трем ключевым тезисам:

— медиатором в урегулировании конфликтов выступает научно-экспертная группа, компетенция которой признана общественностью и государством;

— медиаторы должны быть независимы от политической воли властных элитарных групп регионального, федерального или международного уровней;

— исполнение решений или рекомендаций медиатора не обязательно для сторон конфликта.

В современном мире проблема конструктивного урегулирования конфликтов настолько актуальна, что ее решение осмысливается как залог комфортного существования человека в обществе, а медиация как форма альтернативного разрешения споров выступает в качестве способа, с помощью которого конфликтующие стороны могут прийти к соглашению, осуществить взаимоприемлемое решение служебных, семейных, политических, культурных, экономических и другого рода проблем.

Медиация — это социальный способ разрешения конфликтов, который широко применяется во многих странах мира и в настоящее время проходит процесс адаптации в России.

Сама доктрина политической медиации в урегулировании межнациональных и межэтнических конфликтов и споров, по нашему мнению, базируется на следующих постулатах, характеризующих медиацию как политическую технологию.

1. Политическая медиация — есть технология глобализирующегося мира. Глобализация способствует не только стиранию социально-политических, экономических и культурных границ между странами, но и приводит к ослаблению внутривнутриполитических иерархий и расширению горизонтальных (межрегиональных) и вертикальных связей внутри государства. Политическая медиация становится продуктом и инструментом современного политического управления, опирающимся на посреднические структуры в урегулировании межнациональных и межэтнических конфликтов.

2. Политическая медиация — это многоуровневая технология урегулирования конфликта, которая реализуется на локаль-

ном (местном), региональном, федеральном или международном уровнях в зависимости от сложившейся проблемы.

3. Политическая медиация — технология самоорганизации и самоуправления. Политическая медиация в идеале протекает в следующих фазах: конфликтная ситуация-диалог-согласие. В результате этих стадий стороны межнационального и межэтнического конфликта самостоятельно, исходя из своих интересов, ценностных предпочтений и наличных обстоятельств, осуществляют взаимные уступки и на этой основе устанавливают границы и условия совместного существования и регулируют взаимоотношения. Медиация является процедурой и обладает свойством повторяемости, типизации.

4. Политическая медиация — системообразующая технология. Соединяя в себе две функции — достижения согласия и первичного конструирования отношений равенства, — медиация является одним из функциональных элементов политического поля. Медиация в рамках политического пространства является технологией достижения соглашения, получающего институциональное оформление и закрепление, действенность которого гарантируется не только доброй волей и согласием участников переговоров, но и нормативными ресурсами общества и государства. Сочетание (комплементарность) медиации и институциональных структур в рамках политического поля имеет два следствия.

5. Политическая медиация — технология постепенности и синхронности. Постепенность позволяет сторонам подготовиться к началу непосредственного урегулирования межнационального и межэтнического конфликта: выявить точки зрения, снизить напряженность в отношениях, сформировать взаимное доверие сторон друг к другу, проработать различные варианты решений и лишь затем приступить к согласованию окончательного решения. Принцип синхронности предполагает, что стороны должны находиться одновременно на одной фазе.

Существует много способов для завершения межнационального и межэтнического конфликта: устранение объекта конфликта; замена одного объекта другим; разделение объекта конфликта между сторонами; устранение одной из сторон конфликта; изменение позиций одной или обеих сторон; изменение

характеристик объекта; получение новых сведений об объекте или наложение на него дополнительных условий; недопущение непосредственного или опосредованного взаимодействия участников (например, введение в зону соприкосновения конфликтующих сторон миротворческого контингента); приход участников конфликта к единому решению или обращение их к «арбитру» при условии подчинения любому его решению. В основном они направлены на изменение самой конфликтной ситуации путем либо воздействия на участников конфликта, либо изменения характеристики объекта конфликта и др.

Межнациональный и межэтнический конфликт в своей динамике может проходить различные уровни (стадии) противостояния как в сторону эскалации противоборства, так и в сторону снижения накала борьбы. При этом важно, чтобы выбранный вариант соответствовал сложившейся ситуации и отвечал интересам и целям субъектов взаимодействия. Необходимо также помнить, что взаимодействие предполагает долговременную систему отношений. Поэтому не надо стремиться к демонстративной победе. Тактический выигрыш может обернуться стратегическим проигрышем, а демонстративная победа может даже оппонента превратить в потенциального и реального врага.

Курс новой политики в таком случае придерживается направленности в сторону гармонизации межнациональных и межэтнических отношений, укрепления единства Российской Федерации и снижения уровня социальной напряженности на этнической почве.

Согласно Указу Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (далее — Стратегия), основным принципом государственной национальной политики Российской Федерации является государственная целостность, национальная безопасность Российской Федерации, единство системы государственной власти. Этот принцип, в свою очередь, предполагает равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; предотвращение и искоренение любых форм дискриминации по при-

знакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; уважение национального достоинства граждан, предотвращение и пресечение попыток разжигания расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды.

Во многих случаях межнациональные и межэтнические конфликты вместо решения доходят либо до полиции и суда, либо подавляются, замалчиваются, что увеличивает риск сильных вспышек ненависти и демонстрации силы. Для того чтобы обычное недопонимание между людьми не переросло в экстремизм, желательно уже на первом этапе такого проявления искать способы мирного урегулирования и предотвращения конфликтов. В этом случае медиация является наиболее удобной формой альтернативного разрешения конфликтов, осуществляющей, в свою очередь, и профилактику экстремизма.

Зачастую лидерам и активистам национально-культурных объединений не хватает знаний в вопросах национальных и этнических отношений, предотвращения и разрешения конфликтов. Работа медиаторов позволит получить базовые знания тем людям, которые участвуют в реализации Стратегии, для использования их в своей работе по сохранению уважения национального достоинства граждан, предотвращению и пресечению попыток разжигания расовой, национальной и религиозной розни.

Если брать в пример конфликт, который основывается на этнокультурных и национальных стереотипах и предрассудках, то тут медиация попробует примерить людей на основе формального договора, который сможет удовлетворить обе стороны, но уже после того, как все домыслы, не имеющие под собой оснований, будут развеяны и приведены к обычным реалиям жизни общества.

Если дело касается сферы труда и начинают затрагиваться интересы мигрантов или лиц, не относящихся к «титульной нации», работодателю стоит обратить на это внимание и прибегнуть к помощи специалистов по межнациональной и межэтнической медиации, поскольку обычная ксенофобия между сослуживцами должна подавляться уже на стадии недопонимания. Конфликты, которые приводят в дальнейшем к штрафам, административным наказаниям и приводам в полиции, не упрощают

работодателю жизнь. В лучшем случае разбирательство станет замалчиваться, в худшем стороны просто останутся при своем мнении, и дело может дойти до столкновений и выйти за рамки рабочего процесса.

Таким образом, необходимость поиска новых подходов для разработки методов диагностики этнополитических конфликтов, исследования и мониторинга проявлений экстремизма в обществе актуальна, как никогда. Для решения проблем в сфере сохранения межнационального и межэтнического мира, например, на территории Российской Федерации, требуется совершенствование социально-политических методов и коммуникационных технологий.

Если вернуться к рассмотрению современного постсоветского этнополитического конфликта, то здесь все очевидно и можно разложить по полочкам.

Кто может выступать медиатором в урегулировании этого конфликта?

Самое главное, чтобы в нем участвовали незаинтересованные группы. США никак нельзя отнести к объективным медиаторам. Они скорее выступают в лучшем случае «раздражителями» конфликта, в худшем — его косвенными зачинщиками. Постсоветский конфликт должен решаться только постсоветскими государствами, которые имеют на это политико-правовое и моральное право. Возможно справедливое представительство государств в этом обсуждении, для того чтобы услышать их истинные пожелания.

Что может быть предметом медиативного урегулирования постсоветского конфликта?

Безусловно, национальные интересы суверенных государств не должны лежать в центре угла. Конфликт должен рассматриваться с позиций «не навреди». Основные цели этого урегулирования — обеспечение безопасности постсоветского региона, т. е. должна быть общая цель. И это тоже нужно понимать.

В целом ситуацию развития медиативной практики в странах постсоветского пространства можно охарактеризовать как находящуюся на этапе признания необходимости интеграции нового института в систему разрешения споров — начальном этапе формирования фундамента, на котором в будущем должно

быть построено здание медиации. Институт медиации все чаще упоминается в различных изданиях, он становится известным все большему кругу граждан и официальных лиц. Вместе с тем необходимо отметить отсутствие в большинстве стран единого пространства медиативной практики, единообразного понимания процедуры медиации, а также значительную степень разобщенности медиаторов и медиативного экспертного сообщества.

И пока не будет общего признания, что медиация нужна, и не будет общепринятых медиативных технологий на постсоветском пространстве, достичь каких-то результатов будет крайне сложно. Говоря языком Гоббса и Локка, сегодня нужен медиативный общественный договор, который бы официально признали все страны постсоветского региона. И только тогда воцарят мир и согласие. А иначе постсоветские государства будут сыпаться как «карточные домики».

Вадим Иванов

кандидат философских наук, доцент кафедры дизайна Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета

Ставрополь, Россия

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ САМОСОЗНАНИЯ РУССКОГО ЭТНОСА: ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ

В современных этнополитических процессах в России важную роль играет проблема самоопределения и самоощущения русского этноса. В связи с этим встает важнейший вопрос: как понятие «российская идентичность» соотносится с понятием «русская идея»?

Попытки конструирования «российской идентичности» наталкиваются на множество проблем. Например, возникает вопрос: если «российская идентичность» существует, то к какому типу она относится — этнической, национальной, гражданской, цивилизационной идентичности?

Другая проблема формирования «российской идентичности» заключается в неясности ее религиозной основы. Очевидно, что конструировать ее на базе православия нельзя, учитывая многоконфессиональный состав России.

Кроме того, необходимо принимать во внимание огромные размеры России и наличие существенных различий между регионами, не говоря уже об этнических и религиозных различиях. Невозможно представить, например, что поморы Русского Севера и кубанские казаки являются носителями совершенно одинаковой идентичности. Поэтому, как минимум, надо говорить о региональных различиях «российской идентичности»¹.

В этом смысле можно согласиться с утверждением, что «понятие “российская идентичность” в своем нынешнем виде больше похоже на пропагандистский штамп, используемый для

---

¹ Носков В. В. «Российская идентичность» против «русской идеи» // Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Астерион, 2006. С. 374.

создания видимости всенародного единства в расколотой стране, где наиболее устойчивыми являются традиционные этнические, культурные, религиозные, региональные идентичности при слабо развитом национальном сознании собственно русских, но где при этом напрочь отсутствует гражданская идентичность или национальная (политическая) идентичность в западном смысле этого слова. В принципе нельзя, конечно, отрицать, что может сформироваться некая интегральная российская идентичность, но это не снимает вопроса об ее этнических, культурных, религиозных и прочих особенностях»¹.

Тем не менее можно уже считать, что понятие «россияне» в качестве идентификационного термина в целом получило общественное признание и перешло в разряд актуализированных, работающих культурных понятий, причем не только на экспертном, но и на массовом уровне. Но означает ли это победу принципа согражданства над принципом принадлежности к тому или иному этносу?

Ответ на этот вопрос не может быть однозначным, так как российская идентичность все еще глубоко погружена в национальный дискурс. Причем значительно глубже, чем это в настоящее время характерно для большинства западноевропейских стран. Если в Западной Европе в условиях прогрессирующей интеграции национальная идентичность теряет мобилизующее значение и частично перекрывается идентичностями другого типа (региональной и общеевропейской), то вектор развития российского общества ориентирован как бы противоположным образом. Судя по исследованиям, проводившимся на протяжении последнего десятилетия, общероссийское реально проявляет себя не столько как приоритет гражданской идентичности над этнокультурной («общероссийскость»), сколько как комплекс близких друг другу элементов в сознании практически всех живущих на территории России этносов. Огромное значение имеет, в частности, наличие общих предметов национальной гордости (в первую очередь в качестве предмета общей гордости россияне называют совместное участие в Великой Отечественной

---

¹ Носков В. В. «Российская идентичность»... С. 376.

войне 1941—1945 гг. и общий вклад в дело освобождения человечества от фашизма).

Проблематика содержания и направленности идентификационных процессов актуализируется в современной России в связи с различными трансформациями, изменившими не только внешний каркас социальных отношений, но и внутренний мир человека. Реализация его базовых ценностей осуществляется через отождествление индивида с реальным или воображаемым человеческим сообществом, а также через процесс усвоения социальных ролей, стандартов поведения, основанный на их воспроизведении или копировании.

Современная российская идентичность (в цивилизационных координатах) разделена на общегосударственную, локально-региональную и этнонациональную. При этом четко обозначилась тенденция к переориентации русской идентичности с государственно-гражданской на этнонациональную.

Следует, вероятно, говорить о двух причинных системах, актуализировавших подобные тенденции: во-первых, наличие внутренних деструктивных процессов, которые достаточно хорошо изучены современными гуманитарными науками; во-вторых, необходимость проведения аналогии с процессами, происходящими в развитых странах Запада, где сохранение культурных идентичностей вышло в последнее время на первый план в связи с усилением глобализационных тенденций.

Поиск российской идентичности, таким образом, предполагает и в том числе исследование конкретно-исторических форм бытия общечеловеческого. Н. Гоголь уподоблял русских растопленному металлу, не отлитому еще в национальную форму¹. Здесь речь идет не о сформированности или несформированности русского характера по сравнению с характерами других европейских народов, но об ином, неевропейском, способе его формирования. И в свете этого можно задать вопрос: не связаны ли между собой пресловутая «загадка» русской души и странности развития России? И, если особенности исторического разви-

---

¹ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями. М. : Патриот, 1993. С. 255.

тия России сопряжены с загадкой русской души, с ее специфическими чертами, то каковы эти черты?

Эти вопросы особенно важны в современной ситуации, когда Россия пытается войти в мировое сообщество. Нам представляется, что попытки конструирования «русской идентичности» не могут быть увенчаны успехом без опоры на «русскую идею». Последняя в своей основе имеет слишком мощную духовную традицию, которая не прерывалась даже в советские времена и которую невозможно в одночасье заменить новыми идеологическими образованиями. При этом «русская идея» изначально базировалась на представлении о русской общности и, более того, провозглашалась как общечеловеческая. Поэтому формирование русского государства, начиная со времен Московского царства, осуществлялось не истреблением присоединившихся народов, а выглядело как собирание земель, добровольное вхождение народов под руку московского, а затем русского государя. Эту особенность подметил Л. Гумилев, подчеркивая: «поэтому этническое многообразие России продолжало увеличиваться»¹, и процесс этот осуществлялся «не истреблением присоединяемых народов, сгоном их в резервации или насилиями над традициями и верой туземцев, а комплиментарным контактом русских с аборигенами или добровольным вхождением народов под руку московского царя»¹. Отсюда колонизация земель «русскими не похожа на истребление североамериканских индейцев англосаксами; работоторговлю, проводимую французскими и португальскими авантюристами; эксплуатацию яванцев голландскими купцами. А ведь то были народы, гордившиеся своей “цивилизацией” и уже пережившие век Просвещения»². Поэтому и государство российское формировалось особым путем, не похожим на пути государственного строительства Запада или Востока. Национальным выражением такого государства, каким была Российская империя, Советский Союз и нынешняя Российская Федерация, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство (независимо от его названия), которая рассматривается как особая

---

¹ Гумилев Л. От Руси до России. СПб. : ЮНА, 1992. С. 221.

² Там же. С. 227.

многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом¹.

Долгие годы русские идентифицировали себя не с какой-то определенной социальной группой, а со страной, государством в целом, жертвуя этничностью в пользу державности. Поэтому распад СССР, утрата Россией положения великой державы переживаются очень болезненно. Однако сегодня русская идентичность способна приобрести исключительное значение как духовная основа модернизации и устойчивого развития России, осуществления перехода к подлинно демократическому, гражданскому обществу, к правовому и социальному государству.

Можно выделить следующие ключевые проблемы актуализации феномена русской идентичности в современной России²:

1. Доминантой русской идентичности является усвоение мировоззренческого содержания русской национальной идеи, утверждаемой в качестве синонима патриотической идеи, закрепляемой в массовом сознании.

2. Интегрирующим фактором русской идентичности остается этнический патриотизм, ориентированный на национальные интересы отечества. Этнический патриотизм следует отличать от его официально-идеологических и популистских вариантов (монархического, тоталитарного, современного постмодернистского), а также не стоит его сводить к культурно-историческим и природно-территориальным образам, раскрываемым в понятии «родина».

3. При рассмотрении понятий «русская идентичность», «русское самосознание» неизбежно возникает проблема «границ», фиксирующей возможность возникновения конфронтационных, конфликтогенных ситуаций. Для современной России характерны усиление имущественной поляризации, противостояние верхов и низов, увеличение численности маргинально-

---

¹ См.: *Русская идея как стержень российской цивилизации*. URL: <http://alyona.nns.ru>.

² См.: *Беркович Н. А. Русская идентичность: патриотическое воспитание и гражданская ответственность // Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Астерион, 2006. С. 379; 380.*

патриотических и левоэкстремистских групп со стратегическими установками типа «Россия для русских», «Россия — государство русского народа». В этих условиях существует опасность перехода от этнического патриотизма к этническому нигилизму и национализму, от эмпатии и солидарности к ксенофобии и расизму.

После распада Советского государства появились серьезные опасения того, что в новых условиях произойдет замещение общероссийской идентичности на этническую, которая займет ведущее место в иерархии индивидуальных ценностей граждан России. Несомненно, что в республиках Российской Федерации эти процессы происходят. Но в целом по стране этническое и национальное сосуществуют как две формы групповой идентичности. Для одной решающим элементом является культурная (этническая) общность, для другой — государственная¹.

В то же время этническая идентичность представителей титульных этносов в республиках РФ занимает значительное место в ценностных иерархиях.

Что вкладывают русские в понятие России как великой державы? Опросы показывают, что идея державности России у них не националистическая. Так, 81,3 % русских, опрошенных учеными Российского независимого института социальных и национальных проблем, убеждены в том, что не бывает «хороших» и «плохих» наций. Идея национальной исключительности и особой исторической миссии русского народа была поддержана лишь 7,3 % респондентов. Практически $\frac{3}{4}$ населения страны (73,6 %) убеждены в том, что «Россия — общий дом многих народов, оказывающих друг на друга свое влияние. Все народы России должны иметь равные права, и никто не должен иметь никаких преимуществ»². При этом только 23,1 % опрошенных видят необходимость в восстановлении СССР как единого государства, из чего следует, что идея державности для России — это отнюдь не идея России как империи. Для того,

---

¹ См.: Ачкасов В. А., Бабаев С. А. Мобилизованная этничность. Этническое измерение политической культуры современной России. СПб., [Б. г.]. С. 38.

² Шестаков Ю. Ю. В чем едино «расколотое» общество? // Социс. 1997. № 6. С. 22.

чтобы вернуть России статус великой державы, практически все опрошенные поддержали суждение: «Только подняв экономику и утвердив демократию, мы заставим мир себя уважать»¹.

Невысокая ориентация на этнокультурные компоненты самосознания у русских обусловлена тем, что именно этот срез идентичности в советский период подвергся наибольшему вытеснению (особенно процессами урбанизации и индустриализации). Эти обстоятельства актуализируют необходимость изучения культурного комплекса русского народа с целью выявления этнических символов, «работающих» в современном культурном пространстве. Сложность поиска элементов этнической культуры русских заключается в том, что они всегда были открыты к взаимообмену культурными ценностями с другими народами, как сегодня они открыты влиянию глобализации и вестернизации. Тем не менее представляется актуальным определить уровень сформированности русской этнокультурной идентичности и соотнести процесс ее развития со спецификой функционирования российской идентичности, показав их непротиворечивый характер.

Безусловно, что проблемы национального самосознания приобрели для России огромное значение. Полиэтничность страны и ее обширные пространства, общинное устройство социальной жизни усилили значимость надэтнических факторов консолидации — государства и религии. В силу этих исторических особенностей национальное самосознание явилось фактором, связывающим нацию в целое духовное и социокультурное пространство.

Русский народ исторически нес миссию не только собирателя, но и охранителя присоединяемых территорий и этносов. Поэтому рассматривая национальную идентичность русских, необходимо помнить о древних традициях государственности русского народа.

Однако в сложившейся системе федеративных отношений русские, являющиеся самым многочисленным этносом России (82 %), не имеют своей государственности, отличной от обще-

---

¹ Шестаков Ю. Ю. Указ. соч. С. 22; 23.

российской. Данное обстоятельство в современных условиях вносит объективное противоречие в государственное устройство России как Федерации и негативно сказывается на национальном самочувствии русских. Исходя из этого основным вопросом этнополитики государства в современных условиях является «русская проблема». Для ее решения необходимо осуществление комплекса практических мероприятий, призванных обеспечить возможность русскому народу сыграть геостратегическую роль по сплочению России как полиэтничного государства.

Светлана Иванова

*доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник
Южного научного центра Российской академии наук*

Ставрополь, Россия

ЭТНИЧЕСКИЙ И ГРАЖДАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В современном мире национализм, особенно его крайние проявления, представляют сложную проблему. Однако предрасположенность многих людей к той или иной форме этнического национализма зачастую не столь иррациональна, как это порой представляется его критикам, которые, иногда сами того не замечая, фактически отстаивают идеи государственного национализма. Скрытая полемика между этническими и государственными националистами была и остается одним из факторов, способствующих объективному анализу одного из центральных феноменов нового и новейшего времени.

Национализм проявляется в разных видах и с разной интенсивностью. Некоторые из этих видов относительно мирные, наподобие чешского и каталонского, другие — агрессивные и замкнутые, как в предвоенной Германии или в бывшей Югославии. Кроме того, нет однозначной связи между этническим национализмом и исключительностью, что подтверждается теми же чешским и каталонским движениями.

Как правило, при первом рассмотрении схватить сущность гражданского национализма крайне сложно. С точки зрения затрагиваемых меньшинств этот вид национализма отнюдь не столь толерантен и беспристрастен, как может показаться на первый взгляд. На деле он может быть столь же жестким и бескомпромиссным, как и этнический национализм. Ибо гражданский национализм требует в качестве цены за получение гражданства и его преимуществ капитуляции этнической общности и индивидуальности, перемещения этнической религии в приватную сферу, маргинализации этнической культуры и наследия меньшинств в границах национального государства. Именно так французский гражданский национализм отнесся к черным элитам и евреям: их культура и наследие обесценивались, религии

презирались и вытеснялись из общественной жизни либо подавлялись, а этничность была у них отобрана. Чтобы стать гражданами Франции, они были принуждены стать черными или еврейскими французами.

Поэтому не только этнический, но и гражданский национализм может требовать искоренения культуры меньшинств и общностей как таковых исходя из предположения, разделяемого марксистами и либералами, о равенстве через единообразие, большей ценности «высоких культур» и «великих наций» по сравнению с «низкими культурами» «малых наций». Назидательная история западных демократий оказывается столь же императивной и жесткой и на практике этнически односторонней, как и в незападных авторитарных государствах-нациях, поскольку предполагает ассимиляцию этнических меньшинств в пределах национального государства посредством усвоения этнической культуры господствующего большинства.

Гражданское равенство уничтожает все ассоциации и организации, которые стоят между гражданином и государством, а идеология гражданского национализма выталкивает все традиционное и неписменное на обочину общества, в сферу семьи и фольклора. Поступая таким образом, оно делегитимирует и девальвирует этнические культуры как коренных меньшинств, так и иммигрантов и делает это сознательно и преднамеренно.

Это преднамеренное и открытое подавление культур и обычаев всех групп, кроме доминирующего гражданского большинства, способствовало возникновению нынешнего кризиса национального государства. «Научное государство» не просто вторглось в какую-то сферу общества, распространяя свои законы, нормы и требования на каждый класс и регион, не считаясь с этническими и культурными различиями, но в то же время оказалось не в состоянии удовлетворить социальные ожидания бедных и меньшинств, тем самым способствуя развитию сознания и росту активности ранее молчавших слоев и эксплуатируемых регионов. Этническая гетерогенность, подъем ранее дремавших и полурасстворенных этнических меньшинств в результате социального проникновения и культурной регламентации «научного государства», управляемого элитами доминирующего этноса, а также несбывшиеся ожидания и вызванное этим нарас-

тающее давление со стороны недовольных меньшинств на политической арене центра и на доминирующую этническую группу — все это вместе привело к обострению проблемы нации-государства¹.

По мнению В. Тишкова, в рамках общепризнанного подхода также различаются две основные формы национализма: гражданский (или государственный — *civic or State nationalism*) и культурный (или этнический — *cultural or ethnic nationalism*). Первый основывается на понятии нации как политической общности или согражданства; второй рассматривает нацию как этнокультурную категорию, как общность, имеющую глубокие исторические корни, социально-психологическую или даже генетическую природу. Первый чаще всего отождествляется с патриотизмом, но в своих крайних политических формах может обретать формы государственной агрессивности, шовинизма или изоляционизма.

Второй, выходя за рамки культурной деятельности и становясь политической программой, служит для этнических предпринимателей средством обеспечения доступа к власти и ресурсам, подавляет частные стратегии и интересы и порождает попытки реализовать принцип этнической государственности через узурпацию власти представителями одной группы, через подавление меньшинств или через сецессию и создание новой «национальной» (читай: этнической) государственности².

Отечественная академическая традиция в значительной мере способствовала утверждению приоритета этнической взаимоисключающей идентичности, огосударствлению и институционализации этничности, а также политической программатике этнонационализма. Ни одно из этих понятий в мировой науке не используется в качестве категорий, а если используется, то исключительно в гражданско-политическом контексте: «национальность» как гражданство, «национальная политика» как политика государственных интересов, «межнациональные отно-

---

¹ См.: *Энтони Д. Смит*. Проблемы гражданского и этнического национализма. Этнос и политика : хрестоматия. М. : Изд-во УРАО, 2000. С. 120—121.

² См.: *Тишков В. А.* Этнология и политика. Научная публицистика. М. : Наука, 2001. С. 20—39.

шения» как межгосударственные отношения, «родной язык» как материнский или первый выученный язык и т. п.

Проблемы гражданского национализма в отечественных общественно-политических дискуссиях нет вообще из-за отсутствия самого понятия гражданской нации, хотя в реальности она вполне зримо присутствует в риторике о государственном патриотизме. В чем-то с претензиями на общегосударственный патриотизм выступают представители этнического национализма доминирующей общности русских. В данном случае грань между этническим и гражданским (государственным) национализмом в значительной мере стирается. То же самое может происходить и с периферийным типом этнонационализма, формулирующего точно такую же претензию, но не на общегосударственном, а на региональном (этнотерриториальном) уровне.

Государственная общность как более жестко оформленная территориальными границами и фиксированным гражданством коалиция имеет больше оснований называть себя нацией, чем коалиция, основанная на этнической идентификации с ее постоянно конструируемым содержанием, взаимопроникаемыми границами и множественной лояльностью. Понятие гражданской нации более приемлемо для членов многоэтнических поликультурных политических сообществ и менее конфликтно, чем понятие этнонации.

Однако государственными декретами понятие «этнонация», конечно, не может и, видимо, не должно быть демонтировано. Этнонационализм, будучи антиподом основанного на правах человека гражданского общества, в настоящее время компенсирует недостаток демократии и общегражданских лояльностей. Он может быть ослаблен или устранен только через улучшение социальных условий существования и общественного правления в рамках доктрины культурного плюрализма и принципа «единства в многообразии»¹.

Как было отмечено ранее, каждый национализм всегда очень конкретен, его доминирующее течение определяется ближайшими и долгосрочными целями прежде всего согласно ин-

---

¹ См.: *Тишков В.* О нации и национализме. Полевые заметки // *Свободная мысль.* 1996. № 3. С. 31—37.

терпретации доминирующих групп. Этим можно объяснить сложные коллизии в отношении понимания национализма и его дифференциации с патриотизмом, которые проявлялись на постсоветском пространстве. Известно, что понятие «патриотизм» в перестроечные годы стало подаваться в продемократических средствах массовой информации как сугубо негативное, если не вовсе ругательное. Но попробуем разобраться, в патриотизме ли здесь дело. Очевидно, что налицо подмена понятий. То, с чем, как правило, приходится иметь дело — обыкновенный национализм, причем зачастую в крайних проявлениях, исторически имеющий глубокие корни.

В данном контексте следует учитывать и действие механизма психологической защиты. Советская идеология утвердила в массовом сознании негативное отношение к национализму. Для большинства же признание самому себе в этом «пороке», даже если это действительно так, явно неприемлемо. Вот тогда-то в подсознании обывателя и происходит вытеснение неудобного, вызывающего тревогу понятия и замещение его более благозвучным, таким как «патриотизм».

В противопоставлении патриотизма и национализма довольно часто ссылаются на высказывания Д. Лихачева, который, разделяя эти два понятия, подчеркивает, что патриотизм, «это даже не чувство, это важнейшая сторона личной и общественной культуры духа, когда человек и весь народ поднимаются над самими собой и ставят себе сверхличные цели»¹. Национализм же, по его мнению, «самое тяжелое из несчастий человеческого рода...». «Как и всякое зло, оно скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле злобой, ненавистью к другим народам и той части своего народа, которая не разделяет националистических взглядов»².

Отсюда и выводы: во-первых, национализм базируется на чувствах неуверенности и неполноценности, а во-вторых, «сознательная любовь к своему народу не может сочетаться с нена-

---

¹ Лихачев Д. С., Самвелян Н. Г. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем, завтрашнем. М., 1987. С. 27.

² Там же. С. 28.

вистью к другим народам»¹. Но при внимательном рассмотрении возникают и определенные вопросы.

Даже в контексте русской традиционной трактовки национализма как отрицательного феномена, что, как было отмечено выше, не свойственно западной традиции, к примеру, если отдельный человек в определенных условиях способен «подняться над собой», то народ может лишь осознать себя самим собой, а значит выделить себя по известному принципу «свой — другие»; подняться же над самим собой — значит, если не прибегать к позитивной аллегории, с большой вероятностью потерять этого «самого себя». Как можно отрицать соединение любви и ненависти в одном субъекте? Человек — не электронная машина, не допускающая в своей программе столь значимого противоречия. Он куда более сложен и от природы противоречив. А противоречия лежат в основе его побуждений и действий. В определенной степени данное противоречие корректируется уровнем культуры, изредка смягчая или обостряя его проявление.

Патриотизм — феномен нравственный и обращен к той сфере ценностного мира человека, которая лежит в основе нравственной самоидентификации того или иного народа, формирования, по Д. Лихачеву, его «культуры духа»².

Иное дело национализм, который по своей природе уходит корнями в этнонациональную сферу. И если он и обретает нравственное содержание, то в связи в ней. Ярko проявившийся на рубеже XVIII—XIX вв., в эпоху становления национальных государств и опально-буржуазных революций, он сыграл определенную положительную роль, став и объединяющей силой, и союзником нарождавшейся западной демократии. Именно национализм придал устойчивость и силу социально-политическим процессам через, как замечает Э. Смит, идеологические конструкты типа «общей судьбы», но в особенности — через миф «исторической избранности», которые, как правило, обеспечивали этнической группе долгую жизнь. Кроме того, в то время только идеология национализма, выступая «от имени псевдонародной культуры... и беря свою символику из здоро-

---

¹ См.: Душков Б. А. География и психология: Подход к проблемам. М., 1987.

² Лихачев Д. С., Самвелян Н. Г. Указ. соч. С. 25.

вой, простой трудовой жизни крестьян, народа...»¹ могла солидаризировать богатых и бедных. В этом смысле, по справедливому замечанию Н. Скворцова, идеология национализма не только выполняет именно государственную функцию, она политически эффективна и пользуется ответной поддержкой со стороны широких народных масс. Ибо национализм предлагает в данной привлекательной упаковке «...ощущение безопасности и стабильности в тот период, когда жизненный мир потерял свою целостность, а люди оторваны от своих корней. Таким образом, функцией национализма являлось создание ощущения целостности и исторической непрерывности, связи со своим прошлым, преодоление отчуждения между человеком и обществом, которое несет с собой новый общественный порядок»².

Как известно, в XX-м столетии национализм, особенно в своих крайних проявлениях, приобрел преимущественно негативное значение, чаще становясь союзником (или орудием) агрессивных, тиранических режимов, что почти не свойственно патриотизму, в силу своей нравственной природы просто не способному выступать в качестве инструмента негативного воздействия. Тем не менее в определенной степени национализм сохраняет свое позитивное значение, ибо, как показывает опыт, эпоха образования национальных государств еще не завершена. Но, во-первых, восточноевропейский национализм, выполняя свою позитивную функцию, тут же проявил и крайние формы и показал свой антигуманный лик, проявившись в давлении на титульные народы по этнонациональному признаку. Во-вторых, он проявился в условиях, по справедливому замечанию многих исследователей, когда средства вооружения стали гораздо более смертоносными, а войны более разрушительными. В современную эпоху националистические побудительные мотивы (как правило, не будучи стабильно выраженными) стали намного более опасными. Поэтому можно согласиться с Р. Давидом и другими исследователями в том, что «между идеями Гердера

---

¹ Шитов Н. Ф. Социалистический интернационализм и патриотизм. М., 1971. С. 13.

² Патриотическое и интернациональное воспитание студентов: сб. тр. ученых социалист. стран. М., 1989. С. 156.

или национализмом Мадзини и Гарибальди и межнациональными конфликтами в Восточной Европе наших дней нет ничего общего»¹.

В условиях становления общероссийской идентичности следует относиться к российскому национализму как к естественному феномену, сопутствующему нациеобразующему процессу, немислимому без такового. При этом следует обращать внимание на его опасные крайности и тем самым выйти за пределы сложившейся российской традиции трактовать этот феномен исключительно в негативном духе, учитывая, с одной стороны, процесс образования российской нации на основе доминирующего русского ядра, а с другой — углубление идентификации народов нашей страны, имеющих свою исторически обретенную территорию. Россия, как все большие и великие страны, поставлена перед необходимостью эмпирически, закономерно искать свой особый путь, дабы не потерять себя. Не «третий», а свой уникальный путь, обеспечивающий самобытность и безопасность этнокультурной идентичности. Отношения между россиянами в нормальном варианте предполагаются лишь как отношения между своими, но «другими». А само существование осуществляется в трех классических формах: симбиотической (характерной тенденцией к слиянию), ксенической (означающей устойчивое сосуществование различных народов как бы в своих нишах и взаимодополняющих друг друга) и, наконец, в химерической (вызванной временными обстоятельствами, а потому весьма конфликтной и неустойчивой).

---

¹ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 397.

Марина Ковалёва

*кандидат педагогических наук, доцент,
заведующая кафедрой иностранных языков
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС*

Новосибирск, Россия

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В современную эпоху глобализации, интеграции и взаимопроникновения разных культур наблюдается рост этнического самосознания и стремление этнокультурных групп к локализации, что влечет за собой необходимость переосмысления феномена толерантности. Особую актуальность приобретает проблема повышения культуры толерантности будущего поколения, так как повышается потребность современного общества в нравственных и мобильных людях, которые могут самостоятельно принимать решения в ситуациях выбора, способны к сотрудничеству и межкультурному взаимодействию.

Социологические опросы показывают, что молодые граждане нашей страны проявляют те же чувства растерянности, возмущения, горечи и надежды, что и большинство взрослого населения; высказывают свои пожелания по улучшению профессиональной ориентации молодежи и повышению качества профессионального образования. Возросла конфликтность, напряженность как в межнациональных отношениях, так и во взаимоотношениях между молодыми людьми, между взрослыми, между всеми слоями населения страны. Как показывают исследования, каждый второй из представителей федеральной власти доволен состоянием современного воспитания подрастающего поколения, тогда как лишь пятая часть непосредственных участников, организаторов и исполнителей воспитательного процесса довольны результатом своего труда¹.

---

¹ См.: *Илюхина Г. В.* Аспекты связи качества профессионального образования и толерантности современных школьников (мониторинговое исследование) // Профессион. образование. Столица. 2008. № 2. С. 39.

Для формирования культуры толерантности необходимо понимать сущность и основные характеристики данного понятия. Толерантность является многогранным явлением, и поэтому не существует единого определения данного понятия. Как в научных, так и в широких общественных кругах нет единых подходов в понимании сущностных характеристик данного феномена.

Начнем с того, что современный анализ толерантности опирается на понимание ценности различий, в том числе этнических, конфессиональных и других, в контексте концепции мультикультурализма, в рамках которой в 1995 г. ЮНЕСКО приняла «Декларации принципов толерантности»¹. Также ее подписала и Россия.

Вопросам толерантности посвящены работы многих зарубежных исследователей, среди которых Д. Барнум, Ч. Григ, С. Стоуффер, Д. Салливан, П. Снидерман, Д. Пиерсон, М. Уолцер, Ю. Э. Умберто и др.

Следует отметить, что термин «толерантность» происходит от латинского глагола *tolero* — «нести», «держатъ», «терпеть»². Данный феномен интерпретируется в разных языках по-разному, отражая различие культур, исторического опыта и культурных традиций в странах эпохи глобализации. Например, в английском языке понятие «толерантность» означает готовность и способность без протеста воспринимать личность, вещь или явление; французский язык толкует этот термин как отношение, допускающее другие позиции и мнения; уважением свободы другого; испанский — способность понимать чужие мнения и идеи; китайский — сострадание, терпение, расположенность к другим; армянский — терпимость, допущение, дозволение; в русском — терпимость, снисходительность к чему-либо, кому-либо³.

---

¹ См., например: Цораев З. У., Бязрова Дж. Б. Толерантность как системообразующая ценность бытия современного поликультурного общества // Гос. и муниципал. упр. : учен. зап. СКАГС. 2014. № 2. С. 177.

² См.: Шустова Л. П. Феномен толерантности в философских и психолого-педагогических науках // Фундаментал. исслед. № 2. С. 4325.

³ Цораев З. У., Бязрова Дж. Б. Указ. соч. С. 178

Российские исследователи проблемы толерантности отмечают в ней противоположные качества (А. Асмолов, Л. Баева, Е. Быстрицкий, Н. Вигель, Б. Вульф, А. Гаева, Н. Круглова, Л. Шустова, М. Хомяков, З. У. Цораев и др.). Одни считают, что именно толерантность даст шанс выжить цивилизации; другие уверены, что она способствует искоренению раскола и безразличия в современном обществе.

Понятие «толерантность» трактуется как норма цивилизованного компромисса между конкурирующими культурами и готовность к принятию иных логик и взглядов, выступая как условие сохранения разнообразия, своего рода исторического права на отличность, непохожесть, инаковость¹. Существует точка зрения, что она выступает эффективным механизмом установления компромисса между общим и личным интересом² и служит для того, чтобы символически скрадывать и лечить реальный раскол и безразличие, которые демонстрирует человечество³.

На наш взгляд, значение феномена «толерантность» не синонимично понятиям «терпимость» и тем более «терпение», так как они не раскрывают сущности толерантности и не способствуют снятию социальной напряженности межэтнических напряжений. Так, толерантность отличается от терпимости проявлением одинакового уважения к другим. Ее отличительная черта состоит в том, что она не содержит чувства превосходства по отношению к ним, являясь не пассивной категорией, а активной позицией, подразумевающей расширение набора личных ценностей при помощи диалога с представителями других культур. В сущности, толерантность — императив политики мультикультурализма и показатель демократичности политической культуры.

Противоположное качество (проявляющееся в стремлении к политическому доминированию, как средству преодоления неоднородности социальных взаимоотношений, исключаящему

---

¹ См.: *Асмолов А. Г.* Толерантность: от утопии к реальности // На пути к толерантному сознанию. М., 2000. С. 6.

² См.: *Вигель Н. Л.* Толерантность как общечеловеческая ценность // Гуманит. и соц.-экон. науки. 2015. № 2. С. 35.

³ См.: *Касьянова Е. И.* Нравственные основы толерантности в современной социокультурной ситуации. СПб, 2009. С. 23.

соглашение и социальный компромисс) — показатель авторитарности или тоталитарности политической культуры¹. Многие ученые указывают на то, что в современной социальной среде распространенной практикой является интолерантность. У большинства молодых людей отсутствуют чувства уважения и терпимости.

Проявление интолерантности молодых людей происходит из-за их пренебрежительного отношения к другим и невоспитанности, в основе чего лежит отрицание ценности человеческой личности. Можно выделить некоторые симптомы интолерантности: бойкот, преследование, насмешки, предубеждения, осквернение, запугивание, сегрегация, подавление, изгнание, отчуждение, насилие и др.

Направление современных исследований, рассматривающее проблемы толерантности, непосредственно связано с признанным в России принципом гуманизации образования. Гуманистическая педагогика указывает на возможность развития личности на основе самосознания, самоопределения и саморазвития. Однако существуют факторы, среди которых можно выделить националистические настроения и экстремистские идеи молодого поколения, отсутствие традиций плюрализма в обществе и эгоцентричные установки сознания молодежи. Современные молодые люди не всегда могут понять другого человека как личность.

В наше время отсутствует целостная система формирования толерантного пространства в образовательном учреждении, что затрудняет осуществление преемственности в воспитании толерантности в процессе урочной и внеурочной деятельности. Как известно, толерантная личность формируется не сразу, не в одной конкретной ситуации. Это длительный процесс, успешность которого зависит и от базовых черт самой личности, и от заинтересованности социального окружения, поддержки, которая может осуществляться прямыми и опосредованными способами. Можно отметить, что в наше время в вузах наблюдается переко-

---

¹ См.: *Мусиенко Т. В.* Религия и гражданское общество: проблема толерантности. Материалы круглого стола (16 ноября 2002 г.). СПб.: С.-Петербург. филос. о-во, 2003. С. 12—19.

в учебных планах дисциплин на сокращение гуманитарных предметов, которые нельзя сравнить с объемами знаний об объектном мире. Многие ученые и практики в сфере образования предлагают провести гуманитаризацию образования, что позволит более эффективно формировать толерантные начала молодых людей, понимание культуры и истории, тем самым повышая возможности выживания современного общества.

Безусловно, и в образовательных учреждениях, в том числе в вузах, необходимо формировать у студентов навыки творчески и критически мыслить, вести дискуссии на разных уровнях и уважительно относиться к мнениям оппонентов, так как возрастает роль диалога с другим человеком, обществом и природой. Современные преподаватели вузов должны уметь вовремя увидеть признаки нетерпимости и предпринять соответствующие меры сразу же. В информационный век резко возрастает неопределенность, и перед молодыми людьми постоянно встает задача находить готовые решения и нести за них ответственность.

В российских вузах необходимо постоянно формировать ценностные мировоззренческие основы и обеспечивать преемственность между поколениями россиян на основе толерантности и общественного согласия¹. Одним из предметов для формирования толерантности к другим культурам является иностранный язык, чему способствует использование специальных инновационных педагогических технологий, например ролевые игры, дискуссии, обсуждение современных видеофрагментов зарубежных программ и фильмов и др. Грамотное применение вышеуказанных методик помогает преподавателям эффективно формировать у студентов толерантность к другим культурам, понимание человеческих различий и критического осмысления поступающей информации. Умение вести диалог, уважать разнообразные мнения и позиции, развивать позитивные взгляды и вносить вклад в улучшение взаимопонимания между сообще-

---

¹ См.: *Савинов Л. В.* Подготовка государственных и муниципальных служащих для поликультурного общества // *Философия образования.* 2011. № 6 (39). С. 56—63.

ствами людей — основные задачи при обучении иностранным языкам в вузах.

Итак, толерантность — основа духовно-нравственного развития будущего поколения. Анализ научной литературы и практический опыт показывают, что процесс формирования толерантности студентов становится эффективным при условии создания единого толерантного пространства образовательного учреждения; разработки и активного использования в образовательном процессе теоретико-методологические основы формирования толерантного мышления и поведения молодых людей; личностно-ориентированного взаимодействия педагогов и студентов, а также внедрения интеграции учебных и внеаудиторных форм формирования культуры толерантности.

Таким образом, основой для успешного становления цивилизованного, демократичного и экономически стабильного социума будущего может быть лишь толерантно ориентированная личность. Соотношение толерантности и идентичности в нашем обществе выступают индикаторами межэтнических отношений. Именно поэтому формирование культуры толерантности молодого поколения будет способствовать дальнейшей консолидации российского общества.

Алексей Кольба

*доктор политических наук,
доцент кафедры государственной политики и государственного
управления Кубанского государственного университета*

Виталий Кривошеев

*студент бакалавриата направления подготовки
«Организация работы с молодежью»
Кубанского государственного университета*

Краснодар, Россия

ПОСТРОЕНИЕ ИНДЕКСА СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Конструирование методики измерения любого социального процесса или явления должно в первую очередь основываться на теоретической модели формирования и развития измеряемых явлений. Отсюда следует важность теоретических подходов к определению социальной напряженности, ведь от того, что мы понимаем под социальной напряженностью, зависит что именно мы будем измерять.

На наш взгляд, необходимо трактовать данное понятие как интегративную, динамичную и неотъемлемую характеристику состояния социальной системы и сложившихся в ней социальных отношений, отражающую противоречия между потребностями социальных субъектов и мерой их удовлетворения. Социальная система в своем развитии переживает различные циклы внутрисистемных изменений, которые неизбежно сопровождаются проявлениями социальной напряженности, и одновременно социальная напряженность сама может выступать причиной общественных трансформаций.

В качестве первоисточника формирования социальной напряженности берется индивидуальный уровень психического напряжения, или фрустрации, как индикатора неудовлетворенности индивидом своего положения. Практически все исследователи рассматривают данный показатель в качестве основы формирования социальной напряженности. При этом отмечает-

ся, что он отражает субъективную характеристику, так как каждый человек самостоятельно устанавливает для себя планку приемлемого уровня удовлетворенности в зависимости от своего социального окружения и внутренних мотивов. Социальная напряженность, таким образом, является проявлением массово аккумулированной индивидуальной напряженности членов социальной группы, однако это не просто сумма напряженностей, а явление качественно нового уровня.

Для определения вероятности той или иной формы проявления социальной напряженности необходимо проанализировать ряд внутренних характеристик социальной группы и внешних условий общественной системы. В частности, внутренние характеристики — это уровень фрустрации; степень готовности к действиям; наличие образа врага и степень пассионарности, которые в комплексе формируют поведенческий тип личности. Выделяются также внешние условия и катализаторы — степень сплоченности групп, обладающих определенным уровнем социальной напряженности, сложившиеся общественно-политические или гражданские формирования, лидеры; информация в средствах массовой коммуникации, в том числе в интернете; сложившаяся общественно-политическая система, культура и традиции. Играть роль и факторы микросреды — семья, референтные группы, ближайшее окружение и прочее.

Таким образом, опираясь на данную теоретическую модель, мы получаем ряд индикаторов, измерение и оценка которых позволит определить уровень социальной напряженности и вероятные формы ее проявления. Для определения уровня социальной напряженности мы прибегнем к построению индекса на основании показаний социальной фрустрации. Отметим, что «применение индексов допускается в тех случаях, когда модель измерения предполагает, что некоторая латентная, т. е. неизмеримая непосредственно переменная может быть измерена с помощью качественно однородных показателей»¹. Различия в значимости данных показателей учитываются с помощью процедуры взвешивания. Для определения вероятности проявления той

---

¹ Толстова Ю. Н. Измерение в социологии : курс лекций. М. : ИНФРА-М, 1998. С. 101—107.

или иной формы социальной напряженности мы будем опираться на модель определения поведенческого типа личности, предложенную Ю. Н. Толстой и Н. Д. Ворониной.

Перейдем непосредственно к описанию методики, определяющей уровень фрустрации индивидов. Для данной задачи возьмем методику построения индекса социальной напряженности, предложенную в своей диссертации И. В. Пироговым¹. Ее суть заключается в изучении переменной «удовлетворенность-неудовлетворенность» по совокупности предложенных респондентам параметров. Процедура опроса заключается в получении самоотчетов респондентов по двум вопросным блокам, в первом из которых выясняется степень важности благоприятного положения в предложенных сферах жизни, а во втором — степень удовлетворенности этими же параметрами. В обоих случаях это порядковые шкалы (от 1 до 6) с вербальным закреплением границ от «совсем не важно» до «очень важно» и от «полностью удовлетворен» до «полностью не удовлетворен». Аналогичный метод используют многие отечественные исследователи, например Г. Баранова и В. Фролов².

Для использования полученных данных в математических расчетах шкала важности нормируются на интервал [0; 1], что дает нам весовые коэффициенты предлагаемых факторов (табл. 1).

Таблица 1

Шкала важности

< Не важно			Очень важно >		
1	2	3	4	5	6
0	0,2	0,4	0,6	0,8	1

Шкала удовлетворенности необходима нам для определения степени удовлетворенности-неудовлетворенности респондентов

---

¹ См.: Пирогов И. В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения : дис. ... канд. социол. наук. Иваново, 2002.

² См.: Баранова Г. В., Фролов В. А. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социол. исслед. 2012. № 3.

по предложенным параметрам, что позволяет определить индекс социальной напряженности и социального благополучия в целом по группе или по отдельным факторам. Вербально закрепленным значениям шкалы (от 1 до 6) присваиваются значения от 3 до -3 (полностью удовлетворен (3); практически удовлетворен (2); скорее удовлетворен, чем не удовлетворен (1); скорее не удовлетворен, чем удовлетворен (-1); практически не удовлетворен (-2); полностью не удовлетворен (-3) (табл. 2).

Таблица 2

Шкала удовлетворенности

< Удовлетворен			Не удовлетворен >		
1	2	3	4	5	6
3	2	1	-1	-2	-3

После получения данных опроса рассчитывается величина X_n , которая характеризует степень удовлетворенности респондента оцениваемым параметром и одновременно учитывает меру его важности:

$$X_n = B_n \cdot Y_n,$$

где B_n — индекс важности n -го параметра;

Y_n — степень удовлетворенности-неудовлетворенности n -м параметром.

Затем мы находим среднее арифметическое значение X_n , и полученная таким образом величина обозначается как $ИСН_n$, т. е. индивидуальный показатель социальной напряженности респондента, значение которого может быть как положительным, так и отрицательным:

$$ИСН_n = \frac{1}{n} \sum_{e=1}^n X_n,$$

где X_n — это значение величины X_n по одной паре параметров;

n — число пар оцениваемых параметров.

Для того чтобы определить индекс социальной напряженности в исследуемой социальной группе, необходимо сложить все ИСН_и, а затем разделить полученную величину на число респондентов:

$$\text{ИСН}_n = \frac{1}{m} \sum_{e=1}^n \text{ИСН}_e,$$

где m — фактический объем выборки;

ИСН_и — индивидуальные показатели социальной напряженности.

Как отмечает И. В. Пирогов, «индивидуальная структура социальной неудовлетворенности функционирует на основе системы взаимозачетов, т. е. неудовлетворенность одной жизненной позицией компенсируется удовлетворенностью другой позицией. Однако на социальном уровне действуют другие законы: ее уровень хоть и формируется как результат суммы индивидуальных напряженностей, тем не менее является общим для всех членов социума»¹.

Для интерпретации получаемых таким образом величин индекса социальной напряженности исследователи предлагают систему координат, рассчитываемую на основе границ колебания социальной напряженности, т. е. от минимального до максимального возможных значений. Система координат разделяется на три основные области: социальное благополучие, фоновый (латентный) уровень социальной напряженности и собственно сама социальная напряженность, которая также подразделяется на качественные уровни: повышенный, высокий и критический.

Определение данных границ и подуровней автор производит на основе математического оперирования числовыми значениями индексов важности и уровней неудовлетворенности. Подробно разбирать эти вычисления в данной работе мы не будем, а только воспользуемся предложенной формулой. Границы областей определяются на основании предложенных значений

---

¹ Пирогов И. В. Указ. соч. С. 105—106.

шкал важности и удовлетворенности с учетом общего числа параметров и рассчитываются по схеме (табл. 3).

Таблица 3

Система координат интерпретации показателя СН

Социальное благополучие	Фоновый уровень	Социальная напряженность			
		Повышенный уровень СН	Высокий уровень СН	Критический уровень СН	
1	2	3	4	5	6

Расчет границ под определенное кол-во показателей, факторов СН:

- 1) $1 \cdot 3$ — левая граница системы координат;
- 2) $0,5 \cdot 1$ — левая граница фонового уровня;
- 3) $0,5 \cdot -1$ — правая граница фонового уровня;
- 4) $0,5 \cdot -2$ — правая граница повышенного уровня;
- 5) $1 \cdot -2$ — правая граница высокого уровня;
- 6) $1 \cdot -3$ — правая граница системы координат.

Подобный метод также позволяет рассчитывать СН в отдельной социальной подгруппе или по отдельному фактору. Например, расчет по группе:

$$ИСН_{г} = \frac{1}{k} \sum_{e=1}^k ИСН_{иг},$$

где k — это количество респондентов в обследуемой группе;
 $ИСН_{иг}$ — это значения $ИСН_{г}$ в обследуемой группе.

Таким образом, предлагаемая нами методика построения индекса социальной напряженности предполагает его формирование на основе самооценки индивидом уровня удовлетворенности различными сторонами своей жизни и одновременной оценкой важности данного фактора для него в данный момент. Важное значение имеет также рассмотренная система координат интерпретации индекса социальной напряженности.

Для того чтобы измерить уровень социальной напряженности социальной группы, необходимо предложить систему факторов, которые в наибольшей степени отражали бы жизнь данной группы и потенциально могли влиять на уровень ее социальной напряженности.

Основываясь на существующих теоретических подходах к изучению молодежи как социальной группы, можно выделить ряд факторов, которые в той или иной степени могут влиять на уровень СН. В рамках данной работы мы разделили их на две большие группы:

1. Общесоциальные факторы, имеющие значение для большинства социальных групп:

- материальное положение, размер стипендии, зарплаты;
- состояние окружающей среды, чистота города, улиц;
- межэтнические отношения, отношения с мигрантами;
- отсутствие бездомных, попрошаек, животных на улицах;
- уровень преступности, безопасность улиц днем и ночью;
- состояние религиозных отношений;
- качество работы служб ЖКХ, полиции, здравоохранения;
- деятельность власти, политических партий, нко.

2. Факторы, специфические для молодежи:

- качество образования, его доступность и полезность;
- возможность трудоустройства, качество труда, перспективы;
- наличие / отсутствие жилья, его доступность и комфорт;
- состояние отношений с родителями и семьей в целом;
- отношения с начальством, преподавателями;
- личные отношения с противоположным полом;
- качество досуга, его наличие и разнообразие;
- отношения с коллегами, одногруппниками, одноклассниками;
- отношения в интернете, соцсетях, качество информации.

Далее необходимо определить поведенческий тип личности, во многом определяющий поведение индивида в условиях социальной напряженности. Для этого нами использовались методологические принципы и идеи, сформулированные Ю. Н. Толсто-

вой и Н. Д. Ворониной, которые предлагают взять за основу четыре характеристики индивида¹:

1. Уровень социальной фрустрации — неудовлетворенности реализацией своих потребностей.

2. Готовность действовать с целью изменения сложившихся социально-экономических и политических условий.

3. Определение «образа врага».

4. Пассионарность — внутреннее стремление к деятельности, направленной на изменение своей жизни, окружающей обстановки.

Измерение указанных характеристик позволит нам выявить социальные проблемы, типологизировать поведенческие установки респондентов и на основании полученных данных сделать выводы о вероятности предложенных форм проявления социальной напряженности. Таким образом, вероятность проявления той или иной формы СН основывается на доле индивидов, характеризующихся определенным поведенческим типом, входящих в одно из выделенных направлений.

---

¹ См.: *Толстова Ю. Н., Воронина Н. Д.* О необходимости расширения понятия социологического измерения // Социол. исслед. 2012. № 7. С. 66—77.

Сергей Кузнецов

*кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры информатики и математики
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС*

Новосибирск, Россия

МАТЕМАТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА В ЭТНИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Результатом любого этнического процесса является изменение ландшафта обитания и / или создание культурного образца. Информация, культурные образцы, социальное здоровье этноса и экономика, базируемая на ландшафте обитания, образуют его наследие¹. Под наследием будем подразумевать только такую наследуемую или передаваемую информацию, культурные образцы и социальное здоровье этноса, которые уменьшают энтропию у получателя наследия.

При увеличении энтропии, с одной стороны, увеличивается количество факторов, описывающих поведение этноса, т. е. размерность системы и возможность поиска более эффективных решений. С другой стороны, с ростом энтропии растет неопределенность в этносе, появляется вероятность принятия неверного решения, и происходит увеличение размеров пространства поиска.

Наследие и энтропия противопоставляются друг другу, и рост одного из них с малым изменением другого иногда приводит к трагическим последствиям для этнической системы. Взаимодействие этих двух факторов является важным показателем состояния этнического сообщества и может изучаться с помощью синергетических подходов.

Все природные процессы условно можно разделить на два класса: прогнозируемые и управляемые. Внешне уравнения, ко-

---

¹ См.: *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера земли. Л. : Гидрометеиздат, 1990. 527 с. ; *Потомский В. В.* Социальное здоровье населения как фактор индустриального развития // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2008. № 69. С. 247—250.

которые описывают эти процессы, могут быть одинаковы, но найденные решения уравнений бывают либо устойчивыми, либо неустойчивыми по начальным и граничным условиям. Начальные условия описывают состояния изучаемых объектов в момент начала наблюдения, а граничные условия указывают на границы изменения состояния объектов изучения. При устойчивых решениях процесс допускает прогнозирование, но не допускает управления извне или для этого необходимы большие затраты ресурсов. Для неустойчивых решений прогнозирование невозможно, поскольку появление даже небольших помех в начальных или граничных условиях заканчиваются значительными изменениями в развитии всего процесса. Именно это и дает инструмент управлению извне.

А. Тойнби и Л. Гумилев указывали, что в историческом процессе существуют длинные устойчивые участки (фазы) развития, которые могут прогнозироваться, и краткие кризисные этапы (межфазовые переходы), позволяющие изменять поведение этнического сообщества или цивилизации¹. Благодаря их теориям появилась основа для моделирования некоторых исторических процессов².

Согласно основным положениям в синергетике, стихийная самоорганизация является ее отличительной особенностью. Главный смысл возникающих в результате самоорганизации кооперативных процессов проявляется во внутренних причинах совершенно непредсказуемой самоорганизации этнических сообществ. Активные устойчивые центры, возникающие при различных путях эволюции системы, и обладающие свойством притяжения и организации окружающей среды называются аттракторами. Математическим выражением аттракторов являются решения дифференциальных уравнений на асимптотике. С помощью современной теории аттракторов можно объяснить процессы управления такими сложными нелинейными системами, как этнос.

---

¹ См.: Гумилев Л. Н. Указ. соч. ; Тойнби А. Дж. Постижение истории : сб. М. : Прогресс, 1991. 736 с.

² См.: Тойнби А. Дж. Если бы Филипп и Артаксеркс уцелели // Знание — сила. 1994. № 8. С. 60—65.

Воздействие на этническую систему можно считать эффективным, если в результате меняются тенденции и траектории развития этнической системы и она переходит в область притяжения соседнего аттрактора. Близость этнической системы к асимптотической стадии развития (аттрактору) увеличивает сложность «переключения» ее на иной аттрактор. Старый аттрактор «не отпускает» этническую систему, и необходимо оказать существенные усилия для того, чтобы суметь преодолеть старые тенденции и оторваться от области его притяжения. Неправильное топологическое или длительное, но очень слабое воздействие не будет иметь успеха — этническая система через некоторое время вернется на старый путь развития.

Парадигма синергетики основывается на принципе точечных слабых воздействий, но в нужный момент развития этнической системы и в нужном месте. При анализе этнической системы также важно учесть современное состояние, т. е. понять: к бассейнам каких аттракторов она может притягиваться. «Одна и та же система при различных начальных условиях может проявлять совершенно разные, даже противоположные тенденции развития, стремиться к различным «целям» — аттракторам и действовать в одном случае по аналогии с другим неэффективно или даже бессмысленно»¹.

Разработанная Манном теория управляемого хаоса направлена на то, чтобы переводить «плохо устроенные общества» в «хорошо устроенные общества». Для этого необходимо «извне организовать такой социальной системе встряску... существующий внутри нее порядок разрушится, а возникший в результате воздействия беспорядок устаканится в новой структурной форме, которая может быть более приемлемой, чем прежняя. Если это не произошло, процедуру потрясений рекомендуется повторять до достижения удовлетворительного результата»².

Смысл «управляемого хаоса» заключается в уничтожении управления и изменения наследия внутри атакуемой этнической

---

¹ *Саврасова М. Г.* Синергетический подход к политическому анализу и управления социально-политическими системами. URL: <http://www.sitnikov.com/books/work2.phtml>

² *Гордеев К.* Зубы дракона, или Сумерки человечества. URL: <http://shturmnews.info/content/kgordeev-zuby-drakona-ili-sumerki-chelovechestva.html>

системы, в результате чего происходит потеря точности и надежности системных связей, а также искажение информационной среды и ценностей в этническом сообществе. Разрушение управленческой иерархии этнического сообщества является перемалыванием и пережевыванием основ сообщества. Уничтожение наследия этнического сообщества сравнимо с перевариванием прожеванного, в результате которого от прежней системы уже совсем ничего не остается.

Если результатом управления хаосом должен быть переход от одного притягивающего аттрактора к другому с сохранением этнического сообщества, то управляющие параметры можно использовать только для изменения наследия и на конечном этапе управления подключиться к управлению энтропией. В первую очередь атакам извне подвергается культурная составляющая наследия, искажается информационная часть. Рост энтропии должен стремиться к некоторой ограниченной величине, которую этническая система в состоянии контролировать. Такое управление хаосом можно применять только в межфазовые переходы развития этнического сообщества, эти переходы очень кратковременны и чувствительны к влиянию извне. При попытках применять управление хаосом в этническом сообществе в другие периоды приводит к тому, что этническая система после схода с траектории развития через определенный промежуток времени снова возвращается к старому аттрактору. В такие периоды перевод на новый аттрактор будет требовать колоссальных затрат ресурсов «управляющего» хаосом.

Изложенное позволяет сделать важный вывод: при управлении хаосом, описываемым уравнениями, противопоставляющими энтропию S и наследие n , целесообразно выбирать такие притягивающие многообразия — оптимальные аттракторы $\psi(S, n) = 0$, движение при приближении к которым определялись уравнениями, описывающими стабилизацию процессов на асимптотике. Выбор таких многообразий $\psi(S, n)$ определяет естественный характер взаимодействия энтропии и наследия и соответствует самоподобному, самосогласованному поведению для процессов самоорганизации.

Задача управления хаосом этноса состоит в получении законов управления $u(S, n) = 0$. Законы должны поддерживать

заданные объемы наследия и хаоса, развитие наследия и изменение энтропии должны протекать в соответствии с уравнениями, отражающими естественный характер их поведения.

Для получения уравнения $u(S, n) = 0$ используем метод АКАР (аналитическое конструирование агрегированных регуляторов)¹:

$$\begin{cases} \frac{dS}{dt}(t) = f(S, n, u), \\ \frac{dn}{dt}(t) = g(S, n, u), \end{cases} \quad (1)$$

где $f(S, n, u)$ и $g(S, n, u)$ — некоторые функции, зависящие от уровня хаоса S , объема наследия n и внешнего управления u .

Сформулируем первую задачу синергетической теории управления. Необходимо найти уравнение управления:

$$u(\psi(S, n)) = u(S, n), \quad (2)$$

которое обеспечивает переход точки системы (1) из некоторого первоначального состояния (S_0, n_0) в малую окрестность решений уравнения $\psi(S, n) = 0$. Эта окрестность представляет собой желаемое состояние этнической системы. Управляющий закон (2) позволяет удержать траекторию развития нашей точки в необходимой окрестности при ее развитии вдоль заданной кривой $\psi(S, n) = 0$. На функцию $\psi(S, n)$ накладывается дополнительное условие:

$$T \frac{d\psi}{dt} + \varphi(\psi) = 0,$$

которое при выполнении неравенств $\varphi(\psi)\psi > 0$ и $T > 0$ становится уравнением Эйлера — Лагранжа относительно устойчи-

---

¹ См.: Колесников А. А. Синергетические методы управления сложными системами. Теория системного синтеза. М. : КомКнига, 2006. 240 с.

вых экстремалей. Экстремали доставляют минимум оптимизирующему функционалу

$$J = \int_0^{\infty} \left[\varphi^2(\psi) + T^2 \left(\frac{d\psi}{dt} \right)^2 \right] dt$$

на любых траекториях развития замкнутой системы.

В терминах синергетики переменная $\psi(S, n)$ — это обобщенный параметр порядка (т. е. главная переменная при описании процесса этногенеза, например функция, устанавливающая связь между ростом хаоса и наследия), отражающий коллективные свойства системы. Введенный параметр порядка является своеобразным «информатором», выступающим передатчиком информации о происходящих процессах в этнической системе. Параметр порядка указывает на состояния протекания целенаправленных процессов самоорганизации в создаваемой системе. Рассмотрение переменной $\psi(S, n)$ как некоторого обобщенного параметра порядка дает возможность сделать следующую интерпретацию, оптимизирующему функционалу. Согласно Хакену, мерой макроскопического действия для любых самоорганизующихся систем является квадрат параметра порядка¹. В нашей трактовке меру макроскопического действия условно можно назвать работой, производимой этносом по созданию наследия. Из этих рассуждений следует целесообразность введения в сопровождающий функционал J квадратичных составляющих $\varphi^2(\psi)$, отражающих меру макроскопического действия получаемых систем. Эффективностью системы в синергетике является скорость изменения введенной меры, для нашего случая это означает введение производной $\frac{d\varphi(\psi)}{dt}$ в сопровождающий функционал J . Весовой коэффициент T задает время развития

---

¹ См., например: *Хакен Г.* Синергетика. Иерархия неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах. М. : Мир, 1985. 424 с. ; *Его же.* Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам. М., 1991. 240 с.

этнической системы с момента начала управления до вхождения на аттрактор.

Предположим, что управление хаосом изменяет вид функций равновесия, которые могут возникнуть, например при замене значений параметров системы. Этому параметрическому способу управления соответствуют методы создания хаоса и уничтожения наследия. В начальной постановке задачи управления этническая система определяется дифференциальными уравнениями, в эти уравнения добавляются некоторые внешние силы, которые состоят из искомым управлений $u(t)$. Этническая система под действием этих сил совершает движение. Для возникновения явления самоорганизации необходимо, чтобы включенные в нее внешние силы оказались внутренними. Для этого нужно перейти от начальной к расширенной задаче с учетом того, чтобы внешние силы естественным образом преобразовались во внутренние взаимодействия общей системы.

Пусть $k(S, n)$ — коэффициент прироста наследия, зависящий от проблем, стоящих перед этносом, и от уровня располагаемого наследия, $L(n)$ — коэффициент амортизации наследия, $F(S, n)$ — функция, описывающая поведение энтропии.

Рассмотрим следующую модель:

$$\begin{cases} \frac{dS}{dt} = F(S, n) + u, \\ \frac{dn}{dt} = k(S, n)n - L(n)n. \end{cases} \quad (3)$$

Введем функцию, описывающую притягивающее многообразие:

$$\psi(n, S) = \beta n - k(S, n)n. \quad (4)$$

Потребуем, чтобы функция ψ удовлетворяла характеристическому дифференциальному уравнению:

$$T \frac{d\psi}{dt} + \psi = 0.$$

Из уравнения (4) найдем $\frac{d\psi}{dt}$ и получим управление:

$$u = \frac{k'_n(S, n) + \beta}{k'_s(S, n)} (k(S, n)n - L(n)n) - F(S, n) + \frac{\beta n - k(S, n)}{k'_s(S, n)T}, \quad (5)$$

которое переводит систему на многообразии $\psi(n, S) = \beta n - k(S, n) = 0$. Здесь коэффициенты $k'_n(S, n)$, $k'_s(S, n)$ являются частными производными от коэффициента прироста наследия $k'_n(S, n) = \frac{\partial k(S, n)}{\partial n}$, $k'_s(S, n) = \frac{\partial k(S, n)}{\partial S}$.

Исходная система дифференциальных уравнений под действием полученного управления хаосом преобразуется в синтезируемую систему:

$$\begin{cases} \frac{dS}{dt} = \frac{k'_n(S, n) + \beta}{k'_s(S, n)} (k(S, n)n - L(n)n) + \frac{\beta n - k(S, n)}{k'_s(S, n)T}, \\ \frac{dn}{dt} = k(S, n)n - L(n)n. \end{cases} \quad (6)$$

Эти два дифференциальных уравнения описывают развитие энтропии и наследия этнической системы на аттракторе:

$$\psi(n, S) = \beta n - k(S, n).$$

Используя программу Maple12, были проведены два вида модельных расчетов для некоторого абстрактного этноса: без внешнего вмешательства (рис. 1) и используя управление хаосом в частном случае (рис. 2). Для каждого расчета были взяты четыре различных начальных состояния этнической системы. На рисунках показаны пути эволюции этнического сообщества во времени. В первой модели развитие этноса приводит к устойчивому аттрактору с координатами $n \approx 1,2$, $S \approx 0,7$ (см. рис. 1). Управляемый хаос смещает траекторию развития этнической системы к другому устойчивому аттрактору с меньшим объемом (около

70 % от объема наследия на первом аттракторе) наследия и приблизительно тем же уровнем хаоса (см. рис. 2). На рисунках показано поведение траекторий развития этнической системы в трехмерном пространстве (объем наследия — уровень хаоса — время) и векторное поле в системе координат (объем наследия — уровень хаоса). В случае управления хаосом приближение к новому аттрактору происходит приблизительно в два раза быстрее, чем при естественном развитии этнической системы.

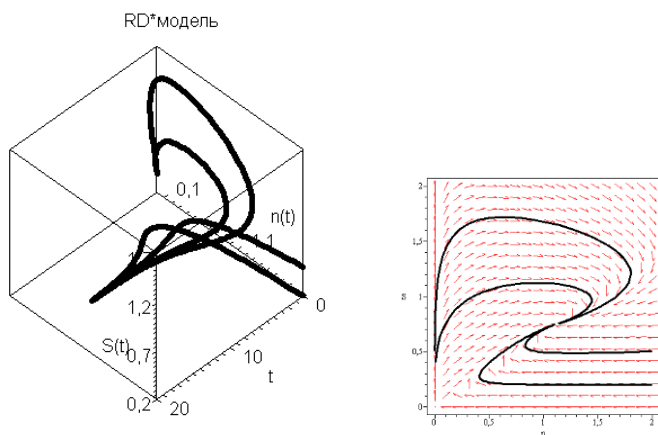

Рис. 1. Поведение этнической системы в естественных условиях

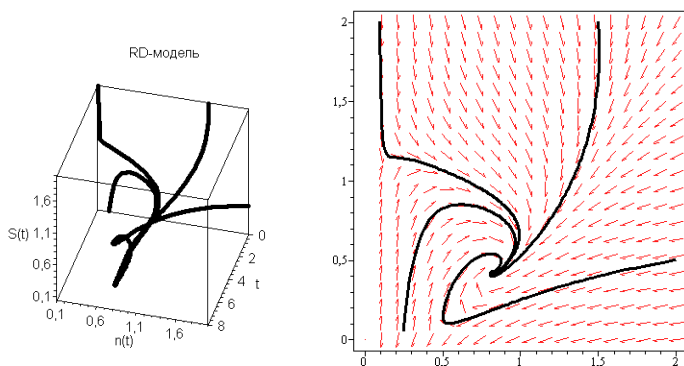

Рис. 2. Поведение этнической системы в управляемом хаосе

Анализ процессов этногенеза основывается на так называемом «мягком моделировании». При «мягком моделировании» описание функционирования этноса производится упрощенно и отражает наиболее существенные свойства этнического сообщества. Несмотря на кажущуюся простоту этого пути, «мягкие» модели показали свою эффективность в экологии, экономике, демографии и т. д. «Теория мягкого моделирования — это искусство получать относительно надежные выводы из анализа малонадежных моделей»¹.

В социальных системах, в том числе этнических, крайне сложных по своей природе, управление хаосом остается глобальной проблемой не только будущего, но и вполне актуального настоящего. Однако важно отметить как слабую научную разработанность проблематики, так и некоторые опасности эвристического характера: не откроют ли ученые «Ящик Пандоры». Использование социоинженерных знаний, связанных с управлением хаосом в этносоциальных системах (в любых социальных системах, тем более политических), требует осторожности.

---

¹ Арнольд В. И. «Жесткие» и «мягкие» математические модели. М.: МЦНМО, 2004. 32 с.

Ольга Лаптева

*кандидат психологических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС*

Новосибирск, Россия

НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В СТУДЕНЧЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Глобальные изменения, происходящие в современном российском обществе, отражаются не только на социально-экономической сфере жизни, но и на иерархии нравственных ценностей, где материальные блага предпочтительнее духовных ценностей. Подобные трансформации отражаются в первую очередь на молодежи, в частности на студенчестве. Возрастает роль образования, которое призвано содействовать формированию духовно-нравственной культуры личности. Итогом обучения в высшем учебном заведении должна стать профессиональная компетентность, в которой будут интегрированы личностная (мотивационно-ценностное отношение к своей деятельности), духовная и нравственная позиции, а также профессиональные знания, умения, навыки.

Духовно-нравственная культура отражает уровень развития нравственности, является хранилищем положительного нравственного опыта в форме ценностей и рекомендаций человеческого поведения, самостоятельным фактором нравственной жизни.

Комплексный подход позволяет анализировать нравственную культуру как неотъемлемый компонент формирования духовного мира личности студента. Исходя из этого, механизм ее функционирования можно представить в виде определенной системы: формирование нравственного мировоззрения (знания, взгляды, убеждения) влечет за собой духовное обогащение личности. Это позволяет выработать верные целевые установки и основы нравственного мировосприятия, которые в свою очередь способствуют формированию социально-ценностной мотивации деятельности. Выработка у студентов нравственной культуры как составной части процесса формирования ее духовного

мира преследует одну цель: формирование духовно развитой личности.

Если общество рассматривать как единый организм, то молодежь, в том числе студенчество, выполняет прежде всего функцию регенерации, т. е. за счет данной социальной группы происходит восстановление утраченных и деградировавших частей.

Прежде чем молодой человек займет очередное освободившееся место в структуре общества, он должен приобрести должное качество, необходимое для обеспечения общественной функциональности. То есть человек должен достичь определенного духовно-нравственного уровня развития. Только тогда он в полной мере сможет выполнить свою восстановительную функцию.

Необходимость духовно-нравственного развития личности носит объективный характер. Человек вынужден развиваться, поскольку развивается реальный мир вокруг него.

Студенческая молодежь является самой восприимчивой частью социума к изменениям жизни, включая и негативные явления. Так, подростковые нормы морали уже не действуют, а новые, «взрослые», еще не оформились, в силу чего у молодежи несколько размыты такие понятия, как «нравственно» или «безнравственно».

Многие из молодежных проблем целесообразно начинать рассматривать с причин возникновения «внутренней пустоты». В этом состоянии каждый молодой человек подвергается огромной психологической нагрузке, требующей адекватной реакции на реальность и сортировки получаемых знаний об окружающем мире. Сознание подростков и молодежи, как губка, впитывает идеалы и веяния массовой культуры, зачастую не определяя ее моральных границ. Усвоенные таким образом нормы становятся основой будущей личности и влияют на ее мировоззрение и жизненную позицию¹.

---

¹ См., например: *Садыкова Э. М.* Проблема духовно-нравственного воспитания личности студентов. URL: <http://www.rusnauka.com/> (дата обращения: 15.03.2015).

Снижение культурного и интеллектуального уровня нации вызывает необходимость возрождения традиционной духовно-нравственной иерархии ценностей. Резко усилившаяся в последние десятилетия имущественная дифференциация и борьба за элементарный уровень существования создали предпосылки для стихийного формирования нравов, базирующихся на эгоизме, прагматизме и индивидуализме.

Основными направлениями духовно-нравственного воспитания являются: формирование и развитие системы духовно-нравственных знаний и ценностей; реализация знаний, связанных с нормами нравственности и профессиональной этики в учебной, производственной и общественной деятельности; формирование у студентов репродуктивного сознания и установок на создание семьи как основы возрождения традиционных национальных моральных ценностей и т. д.¹

Нравственная активность субъектов образования занимает ведущее место среди других форм социальной активности, выражая специфическую активность сознания и воли, направленную на реализацию моральных норм. Таким образом, нравственно активной является личность студента, более устойчиво, чем другие, следующего требованиям долга, проверяющего идеалами добра свой жизненный путь, совершающего нравственные действия. Нравственная активность студентов в образовательном процессе проявляется в деятельном отношении человека к другим людям, к миру, в котором студент выступает как активный носитель и «проводник» нравственных ценностей (норм, принципов, идеалов), способный к устойчивому нравственному поведению и самосовершенствованию, ответственно подходящий к принятию моральных решений, непримиримо относящийся к аморальным проявлениям, открыто выражающий свою позицию. Нравственная активность личности способствует развитию ее нравственного сознания, что проявляется в развитии мотивационно-потребностной, эмоционально-волевой и когнитивной сфер.

---

¹ См.: *Галиев С. А., Галиева А. А.* Актуальность духовно-нравственного развития молодежи на современном этапе // Актуал. пробл. образования: теория и практика. URL: <http://konf.uiniver.ru/> (дата обращения: 15.03.2015).

В мотивационно-ценностном отношении личности студента объективное и субъективное представлены в единстве, определяя избирательную направленность, как на ценности учебной деятельности, так и на процессы самореализации. Главным противоречием мотивационно-ценностного отношения личности студента является соотношение его объективной и субъективной сторон, основной формой разрешения которого служит осознание своих отношений и действий. Единство объективного и субъективного в мотивационно-ценностном отношении личности студента состоит в том, что личностно значимое возникает на основе учебной действительности, отталкивается от реальных возможностей ее изменения, от имеющихся возможностей личности. Мотивационно-ценностное отношение характеризует нравственную направленность личности студента, если она, являясь субъектом образования, реализует гуманистический образ жизни, готовность принимать ответственность за других и за будущее общества, вырабатывать нравственную стратегию и преобразовывать себя как нравственную личность.

Нравственное воспитание, основанное на знании определенного набора норм, идеалов и ценностей, предполагает превращение их в нравственные убеждения, установки, позволяющие осуществлять саморегуляцию поведения, результатом которой становится общественно значимый и личностно ценный выбор, основанный на взаимосвязи внешнего поступка и внутренней рефлексии.

Образовательный процесс составляет реальность социального пространства, опосредованную сложившимися в вузе правилами, которые представлены в виде обязанностей и прав. В сфере индивидуальных смыслов обязанности и права могут обретать ключевые позиции для становления нравственно-ценностных ориентаций субъекта образования.

Нравственное развитие личности в студенческом возрасте осуществляется в связи со становлением идеалов и реализацией социального контроля. Высшими критериями мотивационно-ценностного отношения личности являются нравственные идеалы, проявляющиеся в осознании личностью своего долга, ответственности, готовности оказать психологическую поддержку.

Совокупность ценностных ориентаций личности студента образует иерархизированную систему, определяющую содержание его жизненной позиции и оказывающую непосредственное влияние на ее реальное поведение. Нравственно-ценностные ориентации отражают конкретное, относительно устойчивое внутреннее единство сознания и поведения личности, характеризующееся положительным отношением к некоторой системе ценностей, выражающих направленность мировоззрения.

На характер ценностных ориентаций личности студента оказывают влияние многие факторы: особенности господствующей в обществе нравственно-ценностной системы, идеи, проявляющиеся в образе жизни, способах поведения, общения; положение субъекта в студенческой группе; индивидуально-психологические, возрастные особенности личности и др. Ценностные ориентации личности студента не всегда совпадают с ценностями, выработанными общественным сознанием, так как ценности культуры воспринимаются и присваиваются личностью индивидуально и избирательно, в ценностно-смысловых образованиях личности содержатся как формы, в которых систематизируется, кодируется нравственное значение общественных явлений, так и те ориентиры поведения, которые определяют ее направленность и являются основаниями нравственных оценок.

В юношеском возрасте ценностные ориентации затрагивают всю личность, структуру самосознания, потребности и мотивы. Они оказывают воздействие на интересы студента, его потребности, цели деятельности. Ценностные ориентации обуславливают содержательную определенность ценностей, что проявляется в поведении, в отношениях к обществу, к людям, к себе.

В связи с этим, в образовательном процессе вуза важно учитывать, что ценностные ориентации способствуют самоутверждению и самовыражению личности и вызывают стремление развивать принятые ценности, достигать успеха в деятельности, выступают фильтрами, пропускающими лишь информацию, которая не требует существенной перестройки всей системы личности, способствует поддержанию внутренней целостности личности.

Важным моментом в нравственном развитии личности в студенческом возрасте является «включение» ценностной ори-

ентации в структуру значимых отношений человека. Лишь в этом случае ценностная ориентация приобретает смыслообразующую функцию и является не только средоточием смысла, но и серьезным основанием для организации деятельности (в том числе и профессиональной).

Проблема ценностных ориентаций личности приобретает особое значение в связи с решением задач нравственного воспитания. Ценностные ориентации, находясь в сложных взаимоотношениях с отношениями личности, ее потребностями, мотивами, установками и направленностью, в значительной степени определяют сущностные особенности личности, развиваются в юношеском возрасте.

В качестве причин, влияющих на нравственное развитие личности в условиях образовательного процесса в вузе, могут выступить когнитивный диссонанс (возникающий в ответ на противоречие между имеющимися и приобретенными знаниями и представлениями), защитные механизмы (оберегающие личность от некорректного вмешательства, навязывания позиций), отсутствие нравственно-ценностного «стержня» личности, изолированность ценностных позиций, переоценка ценностей, а также ситуационные факторы.

Для преодоления ценностных кризисов и формирования нравственных ценностных ориентаций в вузе следует ориентироваться на развитие нравственно значимой ценностной ориентации личности студента; на соотнесение с системой нравственных ценностей; перенос значимых ценностных ориентаций на различные жизненные ситуации; организацию самостоятельного поиска новых ценностей.

Устойчивые ценностные ориентации, как нравственные доминанты сознания и поведения, характеризуют высокий уровень развития личности студента. Ценностные ориентации, представляя собой качественную характеристику личности, выступают системообразующим фактором его социально активной позиции.

В качестве показателей нравственной зрелости выделяются: готовность самостоятельно решать ситуацию нравственного выбора, принимать ответственность за свое решение; устойчивость нравственных качеств, что проявляется в возможности переноса

сформированных в определенных жизненных ситуациях нравственных взглядов, отношений и способов поведения в новых, ранее не имевших места в жизни человека, ситуациях; проявление сдержанности в ситуациях, когда человек негативно реагирует на нравственно значимые для него события; возникновение нравственного конфликта как следствия осознания нравственной несостоятельности отдельных взглядов, поступков, действий.

Рассматривая содержание нравственного воспитания, можно отметить, что оно должно быть направлено на формирование у личности нравственных отношений к идеологии и политике страны, родине, труду, общественному достоянию, охране природы, к людям и самой себе. Но моральные отношения не возникают, не существуют сами по себе. Они органически связаны с деятельностью человека и обуславливаются ею. Это очень важное положение. Из него следует, что нравственное воспитание в студенческом возрасте — сознательно осуществляемый процесс формирования положительных моральных отношений в системе организуемой разнообразной социально-полезной деятельности и выработки на этой основе соответствующих личностно-этических качеств.

Ольга Лаптева

*кандидат психологических наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС*

Камилла Абасова

*студентка факультета государственного и муниципального управления
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС*

Новосибирск, Россия

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВА ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ НАЦИИ

Если обратиться к истории любой цивилизации, то нетрудно заметить, что основополагающим событием в оформлении того или иного государства является объединение нескольких родов под властью одного лидера, сумевшего, как правило, лишь частично преодолеть интересы собственной семьи и определить государственные приоритеты. Задача же преемников этих правителей сводилась в основном к закреплению и усилению центральной власти. Во всех великих культурах постулировались вечные неизменные ценности, предлагались такие идеалы, вокруг которых может консолидироваться общество и на основании которых культура и цивилизация способны функционировать. Приоритетными являлись идеи, непосредственно связанные с духовно-нравственными качествами.

Особое внимание следует уделить социальной ответственности. Названное качество требует от личности духовного образа жизни, максимально развитого сознания, тем более что сознание может развиваться лишь при условии следования принципам благочестия. Между тем по степени развития социальной ответственности можно констатировать вероятность выживания общества. Вне данных качеств нельзя брать на себя смелость говорить о жизнеспособности не только государства, но и какого-либо человеческого сообщества. Будучи воплощением достижений человечества в сфере права, правовая культура предполагает передачу правовых ценностей другим поколениям,

общностям и индивидам. Отсюда то исключительное значение, которое принадлежит правовому воспитанию в деле формирования и развития правовой культуры.

Современный этап развития общества характеризуется пристальным вниманием ученых и практиков к вопросам социальной ответственности. Следует выделить уровни социальной ответственности, которые должны приниматься во внимание: индивид; организация; муниципальные органы власти; региональные органы власти; федеральные органы власти.

Основными факторами, определяющими поведение личности, организации, общественных и государственных институтов, являются системы ценностей (личные, референтных групп, организаций, общества в целом); институциональные рамки (нормы поведения, законодательные требования); вероятность огласки определенного поведения или действий, ожидаемый уровень поощрения или наказания, а также оценка их значимости.

Формирование социально ответственного поведения личности следует осуществлять на общенациональном уровне по следующим направлениям:

1. Формирование и закрепление в российском обществе системы ценностей, основанной на высоких моральных нормах. Основными способами решения этой задачи являются преобразование систем дошкольного и школьного образования в целях возвращения им утерянной воспитательной функции; формирование общественного мнения по отношению к определенным ценностям и типам поведения с помощью разработки и реализации специальной государственной программы федерального уровня с широким привлечением средств массовой информации.

2. Осуществление мер по становлению правового государства в России, обеспечению действенности федеральных и региональных законодательных и нормативных актов, борьба с коррупцией.

3. Содействие развитию общественных организаций, способствующих формированию социально ответственного поведения личности.

Формирование социально ответственного поведения субъектов общественных отношений является общенациональной задачей. Для ее решения на уровне индивидов государство

должно использовать социально-психологические, образовательные, воспитательные, правовые методы; на уровне организаций — правовые, образовательные, в отношении государственных и муниципальных органов власти и учреждений — социально-психологические, правовые, образовательные. Несмотря на равную значимость работы по всем указанным направлениям, формирование социальной ответственности на индивидуальном уровне хоть и требует значительного времени, обеспечит соответствующие изменения в поведении организаций и органов власти на долгосрочную перспективу¹.

Успешное решение экономических, политических и социальных задач (сегодня это становится особенно очевидным) невозможно без повышения правовой культуры общества, воспитания у каждого гражданина глубокого уважения к закону, формирования готовности непосредственно и активно участвовать в претворении его положений в повседневную жизнь. В связи с этим правовую культуру можно рассматривать как одну из важнейших предпосылок и необходимое условие формирования правового государства. Необходимость правовой культуры обуславливается прежде всего объективными причинами существования права в обществе. Правовая система тесно взаимодействует с культурой общества, которая понимается обычно как совокупность созданных людьми материальных и духовных ценностей, признаваемых в определенной общности и передаваемых другим общностям и индивидам, а также поколениям.

Правовую культуру можно определить как обусловленную экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидность общей культуры, представляющую собой меру освоения и использования накопленных человечеством правовых ценностей, передаваемых в порядке преемственности от поколения к поколению. Правовая культура предполагает наличие правовых ценностей, без которых она невозможна. Под ценностями в литературе обычно принято понимать предметы, явления и их свойства, которые нужны

---

¹ См.: *Маринец И. Н.* Формирование социально ответственного поведения: общенациональные и региональные аспекты // Регионал. экономика: теория и практика. 2009. № 31. С. 73—78.

(необходимы, полезны) членам определенного общества или класса и отдельной личности в качестве средства удовлетворения их потребностей и интересов, а также идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала¹.

Понимание правовой культуры как меры освоения и использования правовых ценностей тесно связано с содержательной характеристикой качественного состояния правовой жизни общества, составляющих его социальных групп и индивидов. Оно определяется прежде всего социально-экономическим и общественно-политическим уровнем развития общества, наличием или отсутствием в нем реальной демократии. Правовая культура в предлагаемом понимании ее сущности рассматривается также как способ деятельности общества, личности в правовой сфере. Это такой способ деятельности служащих, сотрудников правоохранительных органов и других граждан, когда наступает ее соответствие выработанным в правовой сфере ценностям. Предполагается согласованность их поведения с правовыми нормами, включая соблюдение, исполнение, использование и применение предписаний правовых норм. В результате происходит постоянное обогащение системы правовых ценностей и дальнейшее правовое развитие как самих граждан, так и общества в целом.

Правовая культура — явление социально-психологическое и представляет собой необходимую часть общечеловеческой культуры только в социально неоднородном противоречивом обществе, нуждающемся в правовых средствах своего жизнеобеспечения. Правовая культура должна обладать своим специфическим содержанием, отличным от всех других правовых явлений: правосознания, права, правоотношений и т. д. Она не может быть и совокупностью всех правовых явлений общества. Правовая культура должна характеризовать не те или иные правовые ценности, а субъекты права и коллективных, и индивидуальных, отражать и фиксировать степень их правовой развитости, правового совершенства, уровень способности их качественно творить и эффективно использовать необходимые пра-

---

¹ См.: *Амиров К. Ф.* Понятие правовой культуры: вопросы содержания и структуры // *Право и образование.* 2012. № 8. С. 88—101.

новые средства для достижения своих правомерных целей, своих правомерных интересов и потребностей.

Говоря о самобытности российской правовой культуры, необходимо уделить внимание изучению структуры культуры, поскольку без исследования данного вопроса невозможно понять сущность национальной правовой культуры как части правовой культуры вообще, выявить факторы, оказывающие влияние на ее становление. Различные авторы интерпретируют структуру правовой культуры по-разному. Одни ученые полагают, что структурными элементами правовой культуры выступают компоненты юридической действительности: право, правосознание, правовые отношения. Другие авторы включают в число основных элементов правовой культуры также правовые учреждения, обеспечивающие правовой контроль. Однако в структуру правовой культуры, и в частности национальной правовой культуры, необходимо включить и правовой менталитет. Все вышесказанное делает необходимым изучение ментальности и правового менталитета как важнейших компонентов правовой культуры Российского государства и общества¹.

Сформировавшееся многообразие политических и правовых взглядов на становление российского общества заставляет по-новому оценить исключительность и самобытность российской государственности и российской правовой системы, которые всегда отличались особой самоидентичностью и социокультурной обусловленностью, являющихся прямым следствием существования российского правового менталитета и национальной правовой культуры. Необходимо отметить, что Россия выступает носителем самостоятельной правовой традиции и органично сочетает в себе черты западной и восточной традиции права. Вместе с тем, испытав в XX в. перелом нравственной, религиозной и традиционной преемственности в своем развитии, Россия должна опираться на особую правовую доминанту в социальном регулировании, основанную на сохранении тех правовых и интеллектуальных традиций, которые всегда были свойственны российскому менталитету и являлись сутью национальной идеи.

---

¹ См.: *Бондарев А. С.* Понятие правовой культуры // *История гос. и права.* 2011. № 6. С. 13—18.

На современном этапе развития правовой культуры России можно вести речь о поиске наиболее адекватной и близкой отечественному духовному миру концепции государственности, право- и законопорядка. Именно в данном контексте уместно говорить о взаимосвязи между правосознанием, правовым мышлением и правовым менталитетом, который дает основу для формирования и проявления правосознания, правового мировоззрения, правового мышления, в то время как те являются средствами для его внутренней жизни и функционирования. Формируя правовую культуру масс, законодателю следует ориентироваться на исторические традиции народа, его культуру, язык. Тем самым восстанавливаются прерванная связь правовых эпох, порушенные традиции.

В современном мире глобализации, когда производство одной какой-либо системы или какого-либо объекта охватывает работу целого ряда предприятий, включая подчас и зарубежные, вопрос социальной ответственности принимает масштабный характер и становится неременным условием для того, чтобы минусы глобализации не стали трагичными, а ее достоинства проявили бы себя в максимальной мере. Особенно важным предстает духовная связь людей, их сплоченность. При отсутствии сплоченности нации, осознанных общих ценностях не имеет смысла говорить о неких национальных проектах. Основа любого государственного успеха в достижении каких-либо хороших перспектив должна лежать прежде всего в заботе о людях, бережном и внимательном отношении к внутреннему миру человека, к его душе. Любое право может функционировать только в системе культурных отношений, где неизменно постулируются и максимально принципиально защищаются такие человеческие свойства, как целомудрие, доброта, любовь и социальная ответственность. Все эти качества тесно взаимосвязаны и друг друга предполагают.

По существу, социальная ответственность есть только внешнее выражение той духовной чистоты, которая хранится в самой сокровенной глубине человеческого сердца. Именно в духовной чистоте возможно рождение чувства социальной ответственности, любви к людям, к Родине и миру в целом. Русский философ И. А. Ильин, характеризуя государственную правовую жизнь

общества, справедливо отмечает: «Нормальное правосознание не только не исключает любви к ближнему, но ищет и находит пути для систематической организации ее социального осуществления, ибо принять каждый правый интерес другого как свой собственный, значит именно относиться к ближнему, как к самому себе». И наоборот, безразличие к моральным качествам и этическим принципам окружающих людей есть, в сущности, закономерный результат собственного бесчестия, беспринципности и бездуховности, потому как не дано понять, осознать ценности, истинного значения того, чего сам по причине собственной порочности не разумеешь.

Преобладающее, подавляющее влияние социальной безответственности представляет собой закономерный результат духовно-нравственного растрепания, которое предполагает прежде всего неимение у человека таких духовных качеств, как чувство собственного достоинства и умение понимать, правильно судить о мире и человеке в нем. В условиях же распространения бесчестия, выражаемого в таких явлениях, как злоупотребление спиртными напитками, наркомания, сквернословие, ни о какой любви к Родине, развитом чувстве социальной ответственности не может быть и речи.

Любовь к людям, уважение к человеку может быть только при условии развитого собственного достоинства, которое надобно развивать в человеке с раннего детства.

Для развития чувства социальной ответственности необходимо особо внимательно относиться к духовному росту граждан, к утверждению в культуре понятия чести как фундаментальной, максимально значимой категории частной и правовой жизни людей¹.

Таким образом, социальная ответственность и правовая культура имеют большое значение в формировании жизнеспособности граждан, нации. Формирование социально ответственного поведения всех субъектов общественных отношений является общенациональной задачей.

---

¹ См.: *Панищев А. Л.* Правовая культура как основа жизнеспособности нации // Социал. политика и социология. 2009. № 3. С. 249—258.

Татьяна Недзелюк

*кандидат исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС*

Новосибирск, Россия

РЕЛИГИОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Религиоведческая экспертиза является одним из видов социальной экспертизы. В соответствии с Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях», постановлением Правительства Российской Федерации от 3 июня 1998 г. № 565 «О порядке проведения религиоведческой экспертизы», целью данного вида экспертизы является установление религиозного либо нерелигиозного характера организации на основании учредительных документов, сведений об основах вероучения и соответствующей им практики. Как видим, проблема необходимости проведения религиоведческой экспертизы появилась на повестке дня достаточно давно. Необходимость формирования профессионального экспертного сообщества стала актуальной, была осознана обществом и государством в 1997¹ и 1998² гг. соответственно.

Российская Федерация — светское государство. Все религиозные объединения в соответствии с Конституцией и федеральным законом равны перед законом. Основанием для прекращения деятельности религиозного объединения может стать правонарушение, квалифицируемое ст. 282 Уголовного кодекса РФ

---

¹ *О свободе совести и о религиозных объединениях* : федер. закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.

² *О порядке проведения религиоведческой экспертизы* : постановление Правительства Рос. Федерации от 3 июня 1998 г. № 565. URL: <http://www.lawsforall.ru/index.php> (дата обращения: 18.05.2015).

«Организация экстремистского сообщества»¹. Иных оснований для запрещения деятельности религиозной организации законодатель не предусматривает.

Постановление Правительства РФ от 3 июня 1998 г. № 565 «О порядке проведения государственной религиоведческой экспертизы» утратило юридическую силу 24 марта 2009 г. с приказом Министерства юстиции РФ от 18 февраля 2009 г. № 53. Приказ Министерства юстиции «О государственной религиоведческой экспертизе» устанавливает порядок проведения данного вида экспертизы и вводит Положение об Экспертном совете по проведению государственной религиоведческой экспертизы (Приложение 2). Более того, приказом № 53 от 18 февраля 2009 г. был утвержден также образец бланка заключения Экспертного совета (Приложение 3)².

Как видим, процедура проведения государственной религиоведческой экспертизы формально определена. Она проводится по запросам Минюста России и его территориальных органов, носит комплексный характер, основывается на соблюдении права свободы совести согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, в соответствии с Конституцией РФ. В каких случаях Минюст РФ (или его территориальный орган) вправе инициировать запрос о проведении экспертизы? Перечень поводов для назначения религиоведческой экспертизы достаточно лаконичен.

1. Поступление в Минюст (его территориальный орган) заявления о государственной регистрации религиозной организации, не имеющей подтверждения, выданного централизованной религиозной организацией того же вероисповедания; если же такое подтверждение имеется — повод для назначения экспертизы отсутствует.

2. Внесение изменений в устав религиозной организации, в том числе в ее наименование, если эти изменения связаны

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г., с изм. от 16 июля 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² О государственной религиоведческой экспертизе : приказ Мин-ва юстиции Рос. Федерации от 18 февр. 2009 г. № 53 // РГ. 2009. 13 марта.

с изменением сведений о вероисповедании (отступлении от ранее зарегистрированного вероисповедания).

3. При вступлении в законную силу решения суда о признании экстремистскими материалов, изготавливаемых и распространяемых религиозной организацией, либо при вступлении в законную силу решения суда о признании гражданина, являющегося участником религиозной организации, лицом, осуществляющим экстремистскую деятельность. Иных поводов для назначения религиозведческой экспертизы нет и, дополнительно подчеркнем, даже в третьем случае экспертиза может быть назначена только после вступления в законную силу решения суда, а не на стадии расследования преступления. Срок проведения государственной религиозведческой экспертизы четко регламентирован тремя календарными месяцами и лишь в некоторых случаях может быть продлен еще на один месяц с письменным уведомлением об этом Минюста России.

Создается впечатление об узости компетенций и невозможности каким-либо образом оказывать существенное влияние на проведение этноконфессиональной политики в стране. Обратим, однако, более пристальное внимание на объект экспертной деятельности. Так, объектами экспертизы являются: «а) учредительные документы религиозной организации, решения ее руководящих и исполнительных органов; б) сведения об основах вероучения религиозной организации и соответствующей ему практики; в) формы и методы деятельности религиозной организации; г) богослужения, другие религиозные обряды и церемонии; д) внутренние документы религиозной организации, отражающие ее иерархическую и институционную структуру; е) религиозная литература, печатные, аудио- и видеоматериалы, выпускаемые и (или) распространяемые религиозной организацией»¹.

Собственно, именно в формулировках объекта экспертной деятельности и содержатся «рычаги» формирования этнокон-

---

¹ *Объект и задачи экспертизы // О государственной религиозведческой экспертизе : приказ Мин-ва юстиции Рос. Федерации от 18 февр. 2009 г. № 53. URL: <http://www.rg.ru/2009/03/13/religia-ekspertiza-doc.html> (дата обращения: 04.06.2015).*

фессиональной политики: экспертное заключение призвано дать ответы на вопросы о легитимности и непротиворечии деятельности религиозной организации законодательству Российской Федерации. Кроме непосредственно результатов экспертизы экспертное заключение обязательно состоит из информации об объектах и документах, представленных для экспертизы, изложения мотивации и доводов, положенных в основу решения, а также обоснование выводов, к которым пришли эксперты. Экспертное заключение носит для Минюста России (его территориального органа) только рекомендательный характер.

Помимо упомянутого нами вида государственной религиоведческой экспертизы, существует также экспертиза коммерческая, судебная. Совершенно типичный пример: на сайте Центра судебных экспертиз г. Санкт-Петербурга «РОСЭКСПЕРТ» религиоведческая экспертиза соседствует с землеустроительной, почерковедческой, товароведческой, трасологической, ветеринарной и т. д.¹ Задачи судебной экспертизы отличаются от той, что проводится в целях государственной регистрации религиозной организации. Так, данная экспертиза назначается на этапе следствия по делу для проверки соответствия заявленных при государственной регистрации форм и методов деятельности религиозной организации формам и методам ее фактической деятельности. Несмотря на коммерческий характер (стоимость ознакомления эксперта с пакетом документов, представленных религиозной организацией, на сайте «РОСЭКСПЕРТА» определена в 6 000 руб., равно как с любым пакетом документов ветеринарной, искусствоведческой и прочих экспертизах¹), именно такое экспертное заключение будет принято в судебном заседании и окажет практическое воздействие на формирование этноконфессионального ландшафта конкретного субъекта Российской Федерации.

Существует и третий тип религиоведческой экспертизы — общественная. Так, Консультативный совет по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэ-

---

¹ *Религиоведческая экспертиза // «РОСЭКСПЕРТ». Центр судебных экспертиз : [сайт]. URL: <http://www.rosexpert.org/vidi-ekspertiz/religiovedcheskaya-ekspertiza> (дата обращения: 05.01.2015).*

рии г. Новосибирска постановил следующее: «Совет вправе образовывать постоянные и временные экспертные и рабочие комиссии с привлечением специалистов по изучению вопросов, возникающих в этноконфессиональной сфере... Перечень и состав комиссий определяется на заседаниях Совета и утверждается решением Совета»¹. Несмотря на то, что решения Совета также имеют рекомендательный характер, они отражают не точку зрения группы экспертов-специалистов, а широкое общественное мнение, и потому степень их воздействия на дискурсивные практики и медийное пространство имеют огромный потенциал.

Итогом данного исследования является вывод о целесообразности и наибольшей эффективности комплексной религиозно-ведческой экспертизы, так как привлечение профессиональных религиоведов, государственных и муниципальных служащих, правозащитников и общественных деятелей позволит рассматривать ее не только и не столько как этап при прохождении регистрационных действий (государственная экспертиза Минюста РФ) либо «третейский суд» (общественная экспертиза), а как действенный и эффективный инструмент этноконфессиональной политики в Российской Федерации.

---

¹ *О создании* Консультативного совета по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии города Новосибирска : постановление мэрии г. Новосибирска от 22 июня 2012 г. № 6093 (с изм. на 26 сент. 2014 г.). URL: <http://www.regionz.ru> (дата обращения: 24.03.2015).

Евгений Сенюшкин

*кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры политических наук и международных отношений
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского*

Симферополь, Россия

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИМИ РИСКАМИ

Управление этнополитическими рисками — одно из наименее исследованных направлений как в отечественной, так и в зарубежной этнополитологии. В решающей степени это связано с тем, что сама наука этнополитология — относительно молодая. Она впервые заявила о себе как о самостоятельной научной дисциплине в связи с распадом колониальной системы и активизацией этнического фактора в 60-е гг. прошлого века. Второй этап актуализации этнополитических исследований связан с распадом двух крупных федеративных образований — СССР и СФРЮ, в пределах которых были образованы новые государства. Как отмечает Р. Г. Абдулатипов, в контексте новейших этнополитических изменений такие научные направления, как этнография, этнология, антропология не справляются с осмыслением изменения всей этнической мозаики. Отсюда и появление этнополитологии, изучающей сущность и закономерности проявления этнополитических процессов¹.

Проблематика, связанная с управлением политическими рисками, также не может считаться всесторонне исследованной в современных научных изысканиях. Из зарубежных исследователей, занимающихся проблемой управления политическими рисками, наиболее существенный вклад в данное направление внес американский политолог С. Кеннеди². В российской политологии исследования политических рисков представлены в работах В. В. Гришаева³.

---

¹ См.: *Абдулатипов Р. Г.* Этнополитология. СПб. : Питер, 2004. С. 9.

² *Kennedy С.* Political Risk Management. N. Y., 1987.

³ См.: *Гришаев В. В.* Риск и общество. Дискуссия о понятии риска и библиография. М., 2002.

Методология и методики управления политическими рисками стали разрабатываться в конце 1950-х гг. преимущественно крупными западными корпорациями и специализированными консультативными центрами для оценки влияния политических факторов на перспективы инвестиционной и другой коммерческой деятельности. Что же касается этнополитических рисков, в данном направлении пока еще не разработана методология, позволяющая говорить о системном видении проблемы.

В связи с вышесказанным в данной статье будет предложено авторское видение проблемы методологического обоснования управления этнополитическими рисками.

В самом общем смысле понятие «риск» может быть интерпретировано как возможная опасность¹. Этнополитические риски связаны с возможными опасными проявлениями этнического фактора. В данном случае опасность может исходить от мобилизованного радикализирующегося этноса, отстаивающего свои специфические этнические цели и интересы. В свою очередь радикализирующийся этнос может представлять опасность для государства и граждан, не принадлежащих к данному этносу. Таким образом, проблематика, связанная с этнополитическими рисками, имеет тройное измерение: риски конкретного гражданина, риски государства и риски этнической группы. С точки зрения конкретного человека или этнической группы риски связаны с ущемлением или нарушением основных прав, как индивидуальных, так и коллективных. С точки зрения государства риски связаны с возможными препятствиями или опасностями для достижения национальных интересов.

Так как этнический фактор тесно связан с религиозными, демографическими, геополитическими, социально-психологическими и другими процессами, проблему управления этнополитическими рисками целесообразно исследовать при помощи системного подхода.

Система — слово греческое, буквально означает «целое, составленное из частей». В другом значении — «порядок, опре-

---

¹ См.: *Словарь русского языка* / сост. С. И. Ожегов. М.: Гос. изд-во иностр. и национал. словарей. М., 1953. С. 626.

деленный правильным расположением частей и их взаимосвязями»¹.

Для системного метода характерно целостное рассмотрение определенной совокупности объектов — материальных или идеальных, при котором выясняется, что их взаимосвязь и взаимодействие приводят к возникновению новых интегративных свойств системы, которые отсутствуют у составляющих ее объектов².

При этом система представляет собой абстрактную схему в виде множества конкретных элементов (или их абстрактных представителей с определенным числом и видом отношений между этими элементами — структурой системы). Важно подчеркнуть, что любой предмет сам по себе системой не является, системой его делает наше моделирование в качестве такового.

Термин «системный подход» содержательно отражает группу методов, с помощью которых реальный объект описывается как совокупность взаимодействующих элементов. Эти методы развиваются в рамках отдельных научных дисциплин и общенаучных концепций, являются результатом междисциплинарного синтеза³.

В каждом конкретном случае для характеристики системы необходимо выявить механизм, с помощью которого осуществляется взаимодействие между элементами системы. Системный подход предполагает анализ как системы в целом, так и подсистем, из которых она состоит. В этом случае одной из версий системного подхода можно считать структурный функционализм, основателем которого является американский теоретик Т. Парсонс. Согласно Т. Парсонсу, общество можно рассматривать как систему, состоящую из различных подсистем, каждая из которых выполняет свою, отличную от других функцию. Выполнение этих функций каждой подсистемой обеспечивает функционирование других подсистем, благодаря чему достигается эффект когерентности и система в целом функционирует

---

¹ Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ : учеб. пособие. 2003. С. 3.

² Рузавин Г. И. Методология научного исследования : учеб. пособие для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 1999. С. 276.

³ Там же. С. 3.

в соответствии с изначально заданными параметрами. При этом главным отправным пунктом является понятие социальных систем действия, т. е. взаимодействие индивидов происходит таким образом, что этот процесс взаимодействия можно рассматривать как систему в научном смысле и подвергать ее теоретическому анализу, успешно примененному к различным типам систем в других науках¹.

Рассматривая методологические возможности структурного функционализма для изучения проблемы управления этнополитическими рисками, подчеркнем, что подсистемы встречаются в иерархически организованных системах. Связь и взаимодействие элементов таких систем обеспечивается структурой системы. В свою очередь, структура социальной системы рассматривается в контексте функционального измерения подсистем, что и позволило Парсонсу использовать для нового теоретического направления, основанного им, название «структурный функционализм».

Согласно Парсонсу, «любую систему, с одной стороны, можно представить как структуру, т. е. ряд единиц, или компонентов, со стабильными свойствами..., а с другой стороны, как события, процессы, в ходе которых «нечто происходит», изменяя некоторые свойства и отношения между единицами»¹. При этом структуру системы и ее окружения следует отличать от процессов внутри системы и процессов взаимодействия между системой и ее окружением.

Исследователи, работающие в рамках системного подхода, выделяют разные типы систем. Для нашего исследования целесообразно рассмотреть два типа — сложные и сверхсложные системы. По мнению С. Лебедева, для сложной системы характерны следующие свойства:

1. Система состоит из достаточно большого количества элементов и / или свойств, связей и отношений.

2. Структура и поведение системы не могут быть описаны имеющимися средствами полностью и / или однозначно.

---

¹ Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американ. социол. мысль : тексты. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 448—464.

3. Изменения в системе не могут быть описаны линейными математическими уравнениями¹.

Наличие первого признака характерно для онтологически сложных систем, к числу которых относят системы, имеющие либо сетевую структуру, либо уровневую организацию, либо состоящие из огромного числа элементов².

Существуют также сверхсложные системы, которые состоят из нескольких сложных систем и обладают высокой степенью организованности и самоуправления. К числу сверхсложных систем исследователи относят биосферу, общество, государство, национальные и мировые экономики, культуру и т. п. Все сверхсложные системы функционируют по своим собственным внутренним законам, обладают большим запасом энергии и способностью к эволюции.

Применение системного метода к исследованию проблематики, связанной с управлением этнополитическими рисками, позволяет наиболее продуктивно использовать возможности абстрактного мышления. Это связано с тем, что объект этнополитического исследования с самого начала строится как системный, причем системность этого объекта не дана исследователю изначально, а задается в ходе его методолого-теоретического конструирования. Благодаря этому в контексте исследования разнообразных факторов, влияющих на формирование этнополитических рисков, становятся возможными переосмысление и конкретизация методологического содержания таких понятий системного подхода, как «связь», «организация», «целостность».

Таким образом, системное видение процесса управления этнополитическими рисками предполагает целостное рассмотрение ключевых факторов, формирующих рисковое пространство этнополитики. При этом система управления этнополитическими рисками на этапе теоретического обоснования может быть представлена как абстрактная схема в виде множества конкретных элементов (структура системы). Структурирование данной

---

¹ См.: *Лебедев С. А.* Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории) : науч. изд. М. : Акад. проект, 2008. С. 251.

² См.: *Там же.* С. 251—252.

системы может быть основано на выявлении подсистем и их функционального взаимовлияния. В качестве подсистем можно рассматривать риски, возникающие в сфере культуры, религии, социально-экономической жизни, демографии, геополитики и др.

Наряду с использованием системного подхода заявленная тема в качестве дальнейших перспектив исследования может быть ориентирована на применение сетевого подхода, позволяющего проследить зависимость возникновения этнополитических рисков от особенностей обмена различными видами ресурсов между сетевыми акторами, участвующими в формировании этнополитического пространства.

Галина Солодова

*ведущий научный сотрудник Института философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук*

Новосибирск, Россия

О НЕКОТОРЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СОХРАНЕНИЯ ОБЩЕГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Одним из основных смыслов национального государства является организация всех жителей страны в единое политическое сообщество и предоставление всем им, как гражданам, политического равенства. Национальное государство основано на общегражданской идентификации, общенациональном сознании и является типичным для современного мироустройства. Сложившиеся в прошлые столетия политические системы оказались эффективными, способными обеспечить интеграцию разных этнических групп в связанное солидарное общество. Однако становление национального государства не всегда напрямую связано и основано на процессах, протекающих в этногруппах.

Чувство общегражданской принадлежности к государству — составной и необходимый элемент его благополучия и развития. Вместе с тем глобализационные процессы, детерминируя условия человеческого существования, обуславливают ослабление политических связей и чувства общегражданской принадлежности. Несуществующая и необсуждаемая ранее проблема стала одной из ключевых в современном социальном дискурсе. Государства стали нуждаться в выработке новых, дополнительных средств и механизмов поддержания социальных связей. Кардинальные изменения социального контекста на макроуровне привели к тому, что прежние способы сохранения внутрисоциального единства остались преимущественно в прошлом, возможности их применения оказались ограниченными и недостаточными.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-03-00351).

В современных условиях активного и относительно свободного движения не только капиталов и товаров, но и рабочей силы, можно длительно проживать в стране, не будучи ее гражданином, не принимая ее гражданства. Помимо очевидных следствий подобной ситуации — ограничений в политических правах, возможностях голосования и избрания — происходит и уменьшение набора обязанностей перед страной проживания. Человек частично выходит из-под юрисдикции страны-донора, принятых в ней налоговых и военных обязательств. Одновременно это может означать установку, сознательное решение на сохранение устойчивой связи с социокультурным и правовым контекстом страны-исхода.

Другим новым аспектом миграционных процессов является то, что изменение глобального контекста, быстрое и продолжающееся распространение новых информационных технологий, электронных средств коммуникаций реконструирует взаимодействия иммигрировавших людей, позволяет им сохранять культурные ценности, символы и обычаи своей страны в новых условиях. В свою очередь это означает, что даже длительно находясь за пределами родины, мигрант имеет возможность поддерживать социокультурные связи и исходную идентичность. В данном случае можно констатировать, что физическое присутствие и участие в общественных отношениях страны-реципиента не означает и не гарантирует ценностного, культурного включения. Это ведет к тому, что в целом доминирующие в обществе нормы постепенно ограничивают пространство своего влияния, оставаясь полноценно функционирующими лишь в явно и сугубо публичной сфере. Рост числа и доли иммигрантов, и не только в первом поколении, делает подобную ситуацию проблематичной. Отметим, что подобная тенденция уже получила распространение в некоторых западноевропейских странах, что в свою очередь обусловило определенную нормативную несвязность и противоречивость, культурную локализацию и частичную маргинализацию некоторых этнических групп. В этих условиях общества могут приобретать культурную несоразмерность, затрудняющую межкультурное понимание. Обращаясь к российской ситуации, отметим: дополнительным обстоятельством, несколько упрощающим адаптацию ино-

этнических мигрантов является полиэтничность страны, феномен ее культурного многообразия. Однако в то же время это может затруднять формирование общегражданской национальной идентичности.

Можно предположить, и на это есть основания, что процессы глобализации, в том числе создание единых информационных полей, средств массовой информации, способствуют существенным изменениям общественного сознания, его определенной универсализации. Тем не менее говорить о всеобщем глобальном сознании, единой системе мировосприятия и социокультурных приоритетов не приходится. Активные территориальные перемещения и межкультурные взаимодействия активизируют адаптационный потенциал человека, его восприимчивость других нормативных представлений. Однако данное замечание к трудовым мигрантам вряд ли относится. Было бы преувеличением утверждать, что приезжающие в Россию мигранты имеют большой опыт межстрановых передвижений, реально знакомы с многообразием культурной жизни разных народов. В большей степени подобный вывод можно распространить на очень небольшую часть населения. В российской действительности это преимущественно москвичи, петербуржцы, жители некоторых других крупных городов или богатых регионов. Как показывает статистика, ездят много, но ездят одни и те же. Если говорить о республиках Средней Азии, то к ним этот вывод относится еще в большей степени. Иными словами, социокультурный опыт приезжающих к нам на работу людей является ограниченным, односторонним. Экономическое, социальное, этноконфессиональное пространство их предшествующей жизни было иным и однородным. Закономерным является наличие несовпадений и несоответствий в повседневных практиках приезжающих и местных жителей. Данные обстоятельства объективно усложняют взаимные коммуникации. Как следствие создаются новые формы локального тождества, включения и исключения, основанные на этнической принадлежности и религии, что затрудняет потенциальную инкорпорацию приезжающих.

В дальнейшем при неблагоприятном развитии интеграционных процессов структурирование общества может проходить на

новых для него основаниях — объединение не на профессиональной, статусной, классовой позиции, рациональных экономических интересах, а на базе этнического и религиозного факторов, культурных символов и этнокультурной, этноконфессиональной идентичности. Это усложняет формирование объединяющей, солидаризирующей общегражданской российской идентичности. Более того, развитие подобных процессов содействует последующей социокультурной и социальной поляризации мигрантов и принимающего общества, ведет к социальной и социокультурной раздробленности и политической дезорганизации. Стоит отметить, что этноконфессиональный признак дает только толчок. В последующем он просто озвучивается и используется в соответствии с его уместностью и результативностью в выполнении конкретных инструментальных целей. В истинной основе подобных негативных событий могут лежать социально-экономические и управленческие проблемы, реальное социальное неравенство разных групп населения, а не их априорная социокультурная несовместимость.

Потребность в самоидентификации относится к базовым антропологическим характеристикам. Одним из апробированных и традиционных способов идентификации является подчеркивание принадлежности к группе, в том числе к этнической. Развитие форм этнокультурной идентичности исторически шло от привязки к роду, непосредственно примордиальной этнической группе, к нации как политическому сообществу и согражданству. Несмотря на то, что около 80 % населения России идентифицируют себя как русских, не каждый россиянин — русский, и не каждый русский — россиянин. Логично и обоснованно говорить, что в современных российских условиях более важным является развитие этнокультурного сознания, основанного в первую очередь не на чувстве единства с этнической группой, а на ощущении и понимании себя как части единого национального государства. В этом смысле трудно переоценить роль русского языка и русской культуры, ставших одним из многовековых оснований российской культуры и целостности российского общества и государства. И дореволюционная, и советская история доказывают их способность духовно объединять разные народы и народности, обеспечивать взаимодействие и взаимо-

понимание представителей разных этнических и религиозных групп. Современное доминирование русского языка и русской, российской культуры как надэтнических и кросскультурных способствует стиранию этнокультурных границ и отчуждения между мигрантами и принимающим обществом. Этнический ресурс как способ локальной интеграции и мобилизации приезжающих в этих условиях оказывается актуализированным и востребованным в меньшей степени.

Заметим, исторический экскурс не дает резонанса говорить о рафинированности, чистоте и автономности большинства национальных, как в традиционном, так и в современном понимании, культур. Зачастую национальные культуры — это мифы и идеологемы. Большинство современных государств, в том числе западноевропейских, выстроено на основе многих и разных этнических групп, культур и языков, определенные различия в которых, несмотря на длительное совместное проживание, принадлежность к одному государству и нации, сохраняются. Этнические группы и их культуры не являются непроницаемыми, неподверженными влияниям других культур и этносов. Происходит закономерное взаимопроникновение и объединяющая их социокультурная гомогенизация. Российская культура — пример продуктивного взаимного обмена и обогащения, принципиально не нарушившего отчетливости этнического колорита.

Укрепление российской целостности предполагает развитие надэтнической гражданской солидарности. Формирование общероссийской национальной идентичности может стать объединяющей идеей и условием для социальной консолидации.

Михаил Тен

*кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры истории и политологии
Новосибирского государственного технического университета*

Новосибирск, Россия

К КРИТИКЕ ВЗГЛЯДОВ Л. Н. ГУМИЛЕВА НА ПРОБЛЕМУ ЭТНИЧНОСТИ

Этнологическая литература последних десятилетий характеризуется принципиальными дискуссиями вокруг основных понятий, таких, например, как «этничность». В зависимости от того, как это понятие определяется, формируются и методологические подходы к решению различных научных проблем. В силу принципиальной значимости этого понятия остановимся на нем подробнее, поскольку от его формулировки и интерпретации зависят и подходы к истории и трансформации культур различных этносов.

Термин «этничность» (англ. «ethnicity») пришел из западной науки и является относительно новым. К настоящему времени в понимании этничности сложились совершенно противоположные взгляды. Один из них представлен направлением, который называется примордиализмом и включает в себя понимание этнической принадлежности человека как объективной данности, которая имеет свою основу в обществе или в природе. При этом этнос представляет собой общность с реально существующими и поддающимися регистрации признаками (маркерами, индикаторами). Этничность нельзя создать искусственно или навязать ее. Этническое определяется через примордиальное, то есть через то, что предшествует сознанию человека.

В примордиализме можно выделить социально-историческое (Ю. В. Бромлей) и биосоциальное (К. Гирц, П. Ван ден Берге, Л. Н. Гумилев, Ч. Кейес) направления. В СССР этничность рассматривалась, главным образом, в русле социально-исторического примордиализма.

Говоря об отечественных исследованиях проблемы этничности, можно отметить, что еще в 1920-х гг. этнограф С. М. Ши-

рокогоров определил этнос «...как группу людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличающих его от таковых других групп»¹.

В советское время в русле социально-исторического примордиализма активной разработкой понятия «этнос» занимался Ю. В. Бромлей — основатель советской теории этноса. В обоснование своей теории Ю. В. Бромлей и его последователи выделяют два основных понятия — «этнос» и «этникос». Этнос (этническая общность) трактуется им как «особый исторически возникший тип социальной группы, особая форма коллективного существования людей»². Данное определение очень абстрактно, так как в нем не выделяются сущностные характеристики этноса.

Поэтому к нему добавляется определение «этноса» в узком смысле, называемое «этникосом»: «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований, фиксированным в самоназвании»³.

То, что Ю. В. Бромлей понимает под «этникосом», в работах других авторов и называется «этносом». Исходная идея теории этноса заключается в том, что в этносе сочетаются, с одной стороны, этнические свойства и характеристики, такие как язык, народная бытовая культура, обрядовая деятельность, этническое самосознание. С другой стороны, в нем присутствуют характеристики, являющиеся условиями формирования и существования этнических элементов (природно-географические, экономико-социальные, правовые и т. п.). В соответствии с этим любой этнос имеет дуалистическую природу и раскрывается в двух смыслах — узком и широком.

---

¹ Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай : Сибпресс, 1923. С. 13.

² Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М. : Наука, 1987. С. 11.

³ Там же. С. 14.

С конца 1960-х гг. в советской литературе появилась тенденция трактовать этносы как биологические единицы. Представители биосоциального направления стали рассматривать этнос как сообщество индивидов, основанное на биологических закономерностях, и объяснять возникновение этноса, основываясь на эволюционно-генетических идеях.

Л. Н. Гумилев, представитель данного направления, разработал пассионарную теорию этногенеза. Он рассматривал этнос как биологическое сообщество существа вида *Homo Sapiens*, определяя этнос, как «коллектив особей, противопоставляющий себя всем прочим коллективам»¹.

Идеи евразийца Л. Н. Гумилева и его взгляд на проблему этничности становятся снова востребованными и находят свой отклик в трудах современных ученых. Так, К. Э. Аксенов пишет о том, что «одной из теоретических основ бурно развивающейся российской геополитики является неполитическая научная теория этногенеза Л. Н. Гумилева»².

А. Г. Дугин, называя Л. Н. Гумилева самым ярким учеником одного из основателей идей евразийства — П. Н. Савицкого, пишет: «собственно геополитические темы он (Л. Н. Гумилев — *прим. автора*) в своих трудах не затрагивал, но его теория этногенеза и этнических циклов явно продолжает линию «органицистского» подхода и отчасти «географического детерминизма», которые составляют сущность геополитики уже у Ратцеля, Челлена, Хаусхофера и т. д.»³. Сам Л. Н. Гумилев называл себя «последним евразийцем».

Стоит отметить, что классическое евразийство зародилось в начале 1920-х гг. в эмигрантской среде. Началом евразийства явилось издание книги Н. С. Трубецкого «Европа и Человечество»⁴, вышедшей 1920 г. в Софии. Помимо Н. С. Трубецкого над идеями евразийства активно работали такие ученые, как П. Н. Савицкий, Г. В. Флоровский, П. П. Сувчинский, Л. П. Кар-

---

¹ Гумилев Л. Н. О термине «этнос» // Этносфера: история людей и история природы. СПб. : Изд. дом «Кристалл», 2002. С. 40.

² Аксенов К. Э. Идеи Л. Н. Гумилева и современная российская геополитика // Этнографич. обозрение. 2006. № 3. С. 44.

³ Дугин А. Г. Основы геополитики. М. : Арктогея, 1997. С. 89.

⁴ Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София, 1920.

савин и др. В 1921 г. они выпускают сборник статей «Исход к Востоку»¹. В 1922 г. вышел новый сборник «На путях. Утверждение евразийцев»².

«Всю историю Руси с древних времен до современности евразийцы рассмотрели под углом зрения борьбы “леса” и “степи” (В. Г. Вернадский), как периоды сменяющихся ”волн” европеизации и азиатизации России и этапов их ассимиляции и гармонизации. Отсюда и гетерогенная сущность, природа России-Евразии, названная ими “славяно-туранской”»³. Л. Н. Гумилев активно отстаивал идею самобытности тюрко-монгольской истории, выступая против европоцентристской концепции, объясняющей татаро-монгольское иго в русле вечной вражды с кочевниками⁴.

В свое время представители евразийского движения пытались осмыслить роль западных ценностей в развитии русской культуры. «Евразийцы развили идею Н. Я. Данилевского о том, что ориентация на Европу, болезнь подражательности, которой страдает еще не достигшая уровня цивилизации русская культура, может привести ее к гибели»⁵. По мнению евразийцев, «одним из самых тяжелых последствий европеизации является уничтожение национального единства, расчленение национального тела европеизированного народа»⁶. Л. Н. Гумилев, обращаясь к бескрайним просторам Турана и кочевых степей, также видел бесперспективность европейского выбора русской цивилизации.

Исследуя понятие «этнос», Л. Н. Гумилев указывал на то, что «этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом времени. Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам слу-

---

¹ *Исход к Востоку: Предчувствия и свершения: Утверждение евразийцев.* София, 1921. Кн. 1.

² *На путях.* Утверждение евразийцев. Кн. 2. Берлин : Геликон, 1922.

³ *Сачко Г. В.* Евразия в мировой политике: ретроспективный и перспективный дискурсы // *Вестн. Челяб. ун-та. Серия 10, Востоковедение. Евразийство. Геополитика.* Челябинск, 2005. № 1. С. 8.

⁴ См.: *Лавров С. Б.* Л. Н. Гумилев и евразийство // *Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации.* М., 1993. С. 6.

⁵ *Хачатурян В. М.* Истоки и рождение евразийской идеи // *Искусство и цивилизация. идентичность.* М. : Наука, 2007. С. 294.

⁶ *Трубецкой Н. С.* Европа и человечество. С. 39.

чаем: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда нет. Вынести за скобку мы можем только одно — признание каждой особи «мы такие-то, а все прочие — другие». Поскольку это явление повсеместно, то, следовательно, оно отражает некую физическую и биологическую реальность, которая и является для нас искомой величиной»¹.

Я. Г. Машбиц и К. В. Чистов ставят под сомнение данное определение этноса. Они пишут: «Остается непонятым, почему «повсеместность» делает эту «реальность» физической или биологической. Напротив, антитеза «мы-они» имеет социально-психологический характер вне зависимости от того, стоят за этой реальностью действительные или иллюзорные различия... Сведя сущность этноса к «физической или биологической реальности», Л. Н. Гумилев в конечном счете отождествил его с популяцией. Такой подход существенно обедняет представление об этносах, в формировании которых, разумеется, немаловажное значение имеют и естественно-исторические факторы»².

По мнению М. Лурье, «этнос у Гумилева рождается в результате влияния окружающей среды на человеческое сообщество, но не в результате реального взаимодействия между человеком и природой. Воззрения Гумилева отмечены глубоким пессимизмом и фатализмом»³.

Л. Н. Гумилев пишет о сложности проблемы этничности как явления, которое может меняться в зависимости от условий, в которых пребывает индивид. Он является основателем пассивной теории этногенеза. Эта теория базируется на понимании исторического процесса как взаимосвязи этносов и ландшафта, на которых они проживают, а также взаимодействия этносов между собой.

---

¹ Гумилев Л. Н. О термине «этнос» // Этносфера: история людей и история природы. С. 40—41.

² Машбиц Я. Г., Чистов К. В. Еще раз к вопросу о двух концепциях этноса. (По поводу статьи К.П. Иванова) // Изв. Всесоюз. географ. о-ва. 1985. Т. 118, вып. 1. С. 29—37.

³ Ларюэль М. Теория этноса Льва Гумилева и доктрины западных «новых правых» // Этнографич. обозрение. 2006. № 3. С. 40.

Началом этногенеза Л. Н. Гумилев считал так называемый «пассионарный толчок» (некие космические излучения). Дальнейшее развитие этноса определяется территорией расселения и психобиологическими характеристиками пассионарности. Л. Н. Гумилев пишет: «Что такое этногенез? Это последствие негэнтропийного импульса, т. е. кратковременного толчка (вспышки) энергии живого вещества биосферы. В результате этого появляется пассионарность — рецессивный признак, рассеивающийся только за полторы тысячи лет»¹.

«Пассионарность — это характерологическая доминанта; это непреодолимое внутреннее стремление (осознанное или, чаще, неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели (часто иллюзорной). Цель эта представляется пассионарной особи ценнее даже собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников и соплеменников»².

По мнению критиков Л. Н. Гумилева, ему не удалось связать изменение пассионарности во времени с политической динамикой. По словам Р. Г. Сайфуллина, «уязвимость выдвинутой Л. Н. Гумилевым космической гипотезы привела к попыткам связать феномен пассионарности с действием геологических, климатических, физиологических, психологических, социологических и ряда других факторов. Однако в целом эти попытки не внесли ясности в вопрос о генезисе пассионарности»³.

Стоит отметить, что на Западе к учению Л. Н. Гумилева в целом отнеслись довольно прохладно и без особого интереса. Как пишет В. А. Кореняко, «большинству представителей западной академической среды он мало интересен. Для этого большинства Гумилев — лишь экзотическая фигура с прочно наклеенными ярлыками «примордиалиста», «русского националиста» и даже «расиста»⁴.

---

¹ Гумилев Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М. : Изд-во АСТ, 2002. С. 10.

² Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению. М. : Айрис-Пресс, 2008. С. 48.

³ Сайфуллин Р. Г. Концепция Л. Н. Гумилева и политическая динамика // Современ. исслед. социал. пробл. (электрон. науч. журн.). 2012. № 10 (18).

⁴ Кореняко В. А. К критике концепции Л. Н. Гумилева // Этнографич. обозрение. 2006. № 3. С. 22.

В дополнение к этому мнению, В. А. Шнирельман пишет: «отталкиваясь от евразийства, Гумилев пренебрег предупреждениями евразийских идейных лидеров об опасностях биологических трактовок евразийской теории культуры. Он настаивал на наследовании психологических черт и широко привлекал выдержанные в антисемитских тонах рассуждения некоторых европейских авторов конца XIX — начала XX века»¹.

Однако при всей критике концепции Л. Н. Гумилева нельзя не признать, что разработанные им теоретические подходы к пониманию этничности, являются уникальными среди прочих исследований евразийцев. Да, во многом идеи Л. Н. Гумилева не совпадают с традиционными научными подходами и поэтому являются предметом критики и дискуссий со стороны научного сообщества, но нельзя не обратить внимания на значимый вклад ученого в разработку, например, понятия пассионарности, без которого уже немыслима современная наука.

Можно с уверенности сказать, что идеи Л. Н. Гумилева легли в основу современной геополитической модели создаваемого Евразийского союза. Об особой роли ученого говорит хотя бы тот факт, что созданный в 1996 г. в г. Астане Евразийский национальный университет носит имя Л. Н. Гумилева. Вместе с тем очевидно, что идеи Л. Н. Гумилева необходимо не только исследовать, но и развивать. Именно развитие заложенных им идей позволит окончательно сформировать объективную идеологическую модель нового евразийского объединения, без которой невозможна полноценная интеграция на постсоветском пространстве.

---

¹ Шнирельман В. А. Лев Гумилев: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографич. обозрение. 2006. № 3. С. 11.

Татьяна Черняк

*кандидат социологических наук,
доцент кафедры управления персоналом
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС*

Новосибирск, Россия

**ФОРМИРОВАНИЕ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ СУБЪЕКТОВ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВУЗЕ (ОПЫТ СИБИРСКОГО
ИНСТИТУТА УПРАВЛЕНИЯ)**

Процессы глобализации, кризисные явления в международной экономической и политической сфере, а также коренные экономические и политические преобразования в российском обществе, как никогда ранее, требуют от любого выпускника вуза, вступающего в профессиональную деятельность, и особенно от специалиста в области управления в сфере экономики, государственного управления и государственной службы (выпускников факультета и специальности «Государственное и муниципальное управление» (ГМУ), специальности «Управление персоналом», «Менеджмент» и др.), углубленных знаний и умений, компетенций по организации взаимодействия между людьми в полиэтничном, межкультурном пространстве, компетенций по прогнозированию и управлению конфликтами. На прошедшем в конце 2014 г. Втором Санкт-Петербургском Международном конгрессе конфликтологов (г. Санкт-Петербург, 2014) и на 5-й социологической Грушинской конференции (г. Москва, 2015) научно-педагогическим сообществом активно обсуждались многие актуальные вопросы современного образования в свете особенностей социально-экономического состояния России и мира, в том числе проблемы конфликтологического образования в России и за рубежом, формирования конфликтной, конфликтологической компетентности будущих специалистов в вузе с позиций компетентностного подхода, реализуемого согласно стандартам ФГОС ВПО нового поколения¹, а также про-

---

¹ См.: *Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира* : материалы Второго Санкт-Петербургского Междунар. конгр. конфликтологов,

блемы в сфере геополитики, безопасности, этнических конфликтов, напрямую связанные с потребностью в конфликтологической компетентности субъектов взаимодействия¹. Анализ перечисленных статей по проблеме формирования конфликтологической компетентности доказывает, что все авторы, исследующие данную проблему, приходят к выводу, что современному специалисту в любой профессиональной сфере (сфере образования, науки и техники, технологии и т. д.), работающему в поликультурном, полиэтничном пространстве, крайне необходимо сформировать в вузе в процессе подготовки бакалавров конфликтологическую компетентность. В связи с этим возникает понимание, что для специалиста в сфере управления конфликтологическая компетентность — настоятельная необходимость.

В необходимости формирования конфликтологической компетентности в вузе нас убеждает и опыт зарубежных стран. Так, конфликтологическая подготовка специалистов за рубежом в последнее время стала крайне актуальной, и она ведется в 23 из 44 университетов США и Канады; в странах ЕС — в Финляндии, Ирландии, Шотландии, Испании, Болгарии, Польше, Литве

Санкт-Петербург, 3—4 октября 2014 г. СПб., 2014. 440 с. (Имеются в виду следующие статьи сборника материалов, посвященные теме конфликтологической компетентности: *Башкин М. В.* Конфликтологическая компетентность студентов как будущих профессионалов. С. 21—23; *Билык Е. В.* Структура конфликтной компетентности личности студентов формальных наук. С. 23—25; *Леонов Н. И.* Формирование конфликтной компетентности субъектов образовательного процесса. С. 44—47; *Крэн Г. Дж.* Краткий обзор образовательных программ в области конфликтологии в Северной Америке. С. 42—44; *Лучшева Л. В.* Актуальность конфликтологического образования студентов технологических специальностей. С. 47—50; *Певная Е. Ю.* Зарубежные магистерские программы по медиации и конфликтологии: направления подготовки. С. 52—55; *Яковлева И. П.* К вопросу о формировании конфликтологической компетентности в процессе подготовки бакалавров. С. 65—68 и др.).

¹ См.: *Вишневца Л. Н.* Идентичность и толерантность в контексте межэтнических конфликтов на Северном Кавказе. С. 197—199; *Гуриева С. Д.* Психологические причины возникновения этнических конфликтов. С. 207—211; *Денисова Г. С.* Локальные межэтнические конфликты: асимметричность причин и механизмов регулирования. С. 213—215; *Кан В. С.* Миграция как фактор межэтнической напряженности в Республике Тыва. С. 218—220; *Намруева Л. В.* Межэтнические отношения в полиэтничном обществе: диагностика и повседневность. С. 233—236 и др.

и др., а также в Израиле, Австралии и т. д. Подготовка проводится как на бакалаврских программах по дисциплинам «Анализ и управление конфликтами», «Разрешение конфликтов», так и в магистратуре¹. Подготовка в магистратуре включает изучение следующих модулей: теория конфликтов в обществе, теория и принципы урегулирования конфликтов, пятиступенчатая модель медиации и практика ее использования в различных сферах деятельности, исследование конфликтов в своей будущей профессиональной сфере².

Анализ 176 ФГОС ВПО по направлениям подготовки бакалавров непрофильных специальностей, проведенный И. П. Яковлевой³ на предмет формирования и развития конфликтологической компетентности, показал, что «понятие “конфликт” и “конфликтность” присутствуют лишь в 9,7 % изучаемых стандартов; из них только в 76,5 % случаев авторы стандартов предполагают развивать у студентов способность к регулированию или разрешению конфликтов. Об умении выявлять конфликты и знании основ их возникновения говорится в 11,8 % из них». Исследователь И. П. Яковлева делает вывод, что в 90,3 % ФГОС ВПО отсутствует прямое указание на формирование конфликтологической компетентности, что актуализирует настоятельную необходимость учитывать потребность общества в формировании конфликтологической компетентности при подготовке специалистов различного профиля в вузе при разработке образовательных программ и детализации имеющихся компетенций в матрице компетенций для эффективной профессиональной деятельности специалистов в сложной социально-экономической, политической и межэтнической ситуации в стране и мире.

---

¹ См.: *Крэн Г. Дж.* Краткий обзор образовательных программ в области конфликтологии в Северной Америке // *Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира : материалы Второго Санкт-Петербургского Международ. конгр. конфликтологов, Санкт-Петербург, 3—4 октября 2014 г.* СПб., 2014. С. 42—44.

² См.: *Певная Е. Ю.* Зарубежные магистерские программы по медиации и конфликтологии: направления подготовки // Там же. С. 52—55.

³ См.: *Яковлева И. П.* К вопросу о формировании конфликтологической компетентности в процессе подготовки бакалавров // Там же. С. 65—68.

Еще более актуальным данный тезис становится для подготовки специалистов в сфере управления.

Проблема конфликтной и конфликтологической компетентности, а также ее содержания по-разному трактуется исследователями. Эти различные подходы, по нашему мнению, и находят отражение в ФГОС ВПО. Кратко остановимся на основных подходах. Так, Н. В. Гришина рассматривает эффективное поведение в конфликте как компонент общей коммуникативной компетентности личности и обозначает это конфликтной компетентностью¹, а Л. А. Петровская рассматривает конфликтную компетентность как составную часть коммуникативной компетентности в контексте задач по совершенствованию общения². Другой исследователь Б. И. Хасан формулирует понятие конфликтологической компетентности специалиста как «умение разобраться, насколько точно в конфликте представлены именно те противоречия, которые в этом процессе могут и должны быть разрешены, т. е. как умение удерживать противоречия в продуктивной конфликтной форме, способствующей его разрешению»³ и считает это психологической характеристикой личности. Исследователь М. М. Кашапов считает, что «конфликтная компетентность — это способность личности оптимальным способом преодолевать возникающие противоречия, противостоять деструктивному влиянию конфликтов и умение их конструктивно разрешать»⁴. Исследователь выделяет структуру конфликтной компетентности из трех компонентов: когнитивный (включает информационный и креативный компонент); мотивационный (отражает доминирование в поведении личности мотивации стремления к успеху); регулятивный (включает эмоциональный, волевой и рефлексивный компонент)⁴.

---

¹ См.: *Гришина Н. В.* Давайте договоримся. Практическое пособие для тех, кому приходится разрешать конфликты. СПб. : Питер, 1999. С. 54.

² См.: *Петровская Л. А.* К вопросу о природе конфликтной компетентности // Вестн. Моск. ун-та. Серия 14, Психология. 1997. № 4.

³ *Хасан Б. И.* Конструктивная психология конфликта. СПб. : Питер, 2003. С. 23.

⁴ *Кашапов М. М.* Психология конфликтной компетентности : учеб. пособие. Ярославль, 2010.

Как показал анализ, исследователи (М. В. Башкин, М. М. Кашапов, Т. Г. Киселева, Л. М. Митина, Л. А. Петровская, Б. И. Хасан), изучающие проблему конфликтологической и конфликтной компетентности, пока не разделяют эти понятия и рассматривают конфликтную (конфликтологическую) компетентность как составляющую коммуникативной компетентности, что в данном случае является, по сути, психологическим подходом к изучению конфликта (психологии конфликта).

По нашему мнению, для современного понимания природы социальных конфликтов при изучении конфликтологии необходимо рассматривать конфликт как социально-психологический феномен, не ограничиваясь знаниями только психологии конфликта. И именно социологический и социально-психологический подход лежит в основании понятия «конфликтологическая компетентность», данного Л. Н. Цой, который выделяет пять специфических блоков в основе формирования данной компетенции: теоретические знания в области конфликтологии (международной, политологической, юридической, психологической, этнической, семейной и т. д.); владение социальными технологиями профилактики, управления, минимизации деструктивных форм конфликта; формирование профессионального типа мышления, включающего: рефлексивность, методологичность, саногенность, объемность, креативность; владение технологиями психогигиены и стрессоустойчивости; этическую и правовую компоненты; умение осуществлять взаимодействие, не выходя за границы разумного и в рамках правового поля¹. Именно данный подход позволит рассматривать конфликты в профессиональной деятельности будущего специалиста в контексте и в связи со всеми социальными конфликтами в обществе, и в мире в целом.

В Сибирском институте управления накоплен значительный опыт по изучению социальных конфликтов и методическому обеспечению процесса формирования конфликтологической компетентности. Дисциплина «Конфликтология» была введена в 1997 г. заведующей кафедрой социологии Сибирской академии государственной службы Н. Д. Вавилиной для обучения

---

¹ См.: Цой Л. Н. Практическая конфликтология. М. : Знание, 2001. Кн. 1.

студентов специальности «Государственное и муниципальное управление» (ГМУ) на очной и очно-заочной форме обучения, а также на факультете повышения квалификации.

Автор статьи к этому моменту защитила кандидатскую диссертацию по теме: «Социологический анализ факторов социальной напряженности в специфическом городе и методы ее оптимизации (на примере научно-производственного комплекса «город-космодром Байконур»)» (МГУ им М. В. Ломоносова; г. Москва, 1996)¹. В ней анализировались все типы конфликтов, происходившие на данной территории в период с 1991—1996 гг. (межгосударственные, межтерриториальные, межведомственные, межэтнические, межгрупповые, межличностные и внутриличностные, конфликты между властью и населением и т. д.), с позиций социологии конфликта. Так, в ходе исследования была выдвинута гипотеза о том, что в период распада СССР, при неурегулированности статуса космодрома, расположенного на территории Казахстана, в ситуации большого наплыва мигрантов из регионов Средней Азии и Казахстана, при ухудшении социально-экономической ситуации в городе-космодроме, в рейтинге всех факторов социальной напряженности именно неудовлетворенность населения межэтнической напряженностью отношений с мигрантами, вероятно, будет наиболее высокой. Но по итогам опроса жителей города данная проблема вызывала недовольство только у 9 % населения, а главным фактором социальной напряженности в городе-космодроме было недовольство жителей города бездействием местной власти по наведению порядка в социально-экономической сфере города (97 % населения). Данные исследования были переданы администрации города, что позволило оперативно решать наиболее острые проблемы горожан. Понятно, что все эти типы социальных конфликтов невозможно было изучать с позиций психологии конфликта. В связи с полученным практическим и исследовательским опытом для автора было совершенно очевидным, что для подготовки выпускников по специальности ГМУ, а затем и по

---

¹ См.: *Черняк Т. В.* Социальная напряженность как фактор дестабилизации системы городских отношений (на примере города-космодрома Байконур) // Науч. зап. Сиб. акад. гос. службы : в 3 т. Новосибирск, 2000. Т. 3. С. 83—95.

специальности «Управление персоналом» (HR-менеджеров) необходимо получение теоретических знаний по всем типам конфликтов, развитие умения их прогнозировать, анализировать и управлять ими. Автор в рабочую программу, а затем и в учебные пособия по дисциплине «Конфликтология» заложила подход к изучению конфликта как социально-психологическому феномену¹. Эти положения были отражены в рабочей программе учебной дисциплины. Дисциплина «Конфликтология» играет важную роль в становлении мировоззрения менеджера. Дисциплина должна дать теоретические представления о конфликте, причинах его возникновения, типологии, структуре и динамике его развития. Она должна быть ориентирована на получение практических навыков, таких как проведение методологического анализа конфликта, управление конфликтом и конфликтным поведением; применение эффективных средств предупреждения и разрешения конфликтов. В соответствии с пониманием назначения дисциплины, целей и задач курса, необходимо дать студентам систему теоретических знаний о конфликтах в общественной и индивидуальной деятельности (внутриличностных, межличностных, внутригрупповых и межгрупповых); национально-этнических конфликтах, конфликтах в сфере государственного управления; мировоззренческих и нормативно-ценностных конфликтах.

Цель данной учебной дисциплины заключается в приобретении студентами навыков работы по использованию конфликтов в разрешении проблем; получению навыков конструктивного поведения в конфликте, бесконфликтного общения; использования переговоров и посредничества в разрешении конфликтов» (выдержка из рабочей программы «Конфликтология», 1998).

Как видим, уже в 1998 г. программа была нацелена на формирование комплекса знаний и умений, лежащих в основе конфликтологической компетентности, согласно подходу, разработанному Л. Н. Цой.

---

¹ См.: *Черняк Т. В.* Конфликты в организации и технология их разрешения: учеб. пособие. Новосибирск, 1998. 121 с.; *Ее же.* Конфликтология: учеб.-метод. комплекс. Новосибирск, 1999. 102 с.

Изучение конфликта как социально-психологического феномена и современных технологий его урегулирования (переговоры и посредничество) было отражено в комплексе учебных пособий, электронных учебниках и схемокурсах, а также в практикуме и хрестоматии по дисциплине разных лет издания¹.

В 2000 г. в Санкт-Петербургском университете в программе обучения будущих управленцев факультета ГМУ появились новые дисциплины по выбору: «Современные технологии коммуникации (переговоры и посредничество)» и «Основы медиации», которые логически завершили полный курс формирования конфликтологической компетентности выпускников управленческих специальностей². Отдельно необходимо остановиться на практикуме по дисциплине «Конфликтология»³, структура которого следующая: 90 % составляют кейс-стади, тренинги, упражнения, деловые, ролевые игры; 10 % — тесты на выявление уровня конфликтности личности. Использование методов интерактивного обучения позволяло формировать навыки и компетенции конструктивного поведения в конфликте. Кроме этого использовались и авторские разработки игр, актуальные для социально-экономической ситуации в определенный период времени. Так, в 1997—2000 гг. автором для формирования навыков анализа и управления межэтническими конфликтами студентов ГМУ использовалась ролевая игра «Чеченский конфликт». Проведению игры предшествовала глубокая теоретическая подготовка студентов по теме «Межэтнические конфлик-

---

¹ См.: *Конфликтология* : хрестоматия / авт.-сост. Т. В. Черняк ; СибАГС. Новосибирск, 2000. 171 с. ; *Черняк Т. В., Меньшова В. Н.* Технологии разрешения конфликтов : учеб.-метод. комплекс. Новосибирск, 2002. 127 с. ; *Их же.* Технологии разрешения конфликтов : учеб. пособие для дистанц. обучения. Новосибирск : СибАГС, 2005. 251 с. ; *Черняк Т. В.* Конфликтология : учеб. пособие для дистанц. обучения и самост. работы студентов. Новосибирск : СибАГС, 2007. 206 с.

² См.: *Черняк Т. В.* Современные технологии коммуникации : учеб. пособие. Новосибирск, 2001. 162 с. ; *Ее же.* Современные технологии коммуникации : учеб.-метод. комплекс для дистанц. обучения и самост. работы студентов. Новосибирск, 2007. 99 с.

³ См.: *Черняк Т. В.* Конфликтология : практикум. Новосибирск, 2001. 220 с.

ты»¹. Кроме учебного пособия использовалась дополнительная литература, согласно списку, предоставленному преподавателем кафедры ГМУ Л. В. Савиновым, уже в то время изучавшим проблемы межэтнических отношений. В ходе игры было разработано проведение переговоров сторонами-участниками конфликта (команда чеченской делегации, команда российской делегации) в присутствии третьей стороны — ОБСЕ. До проведения переговоров стороны должны были в группах по схеме анализа конфликта обсудить и выявить причины конфликта и представить свое мнение другой стороне — участнице переговоров. По итогам игры стороны чаще всего приходили к соглашению по основным вопросам повестки переговоров (в отличие от реально конфликтующих сторон). Важным было следующее: до проведения игры мнения студентов о причинах конфликта были краткими и категоричными: «во всем виновата чеченская сторона» (90 %), после игры мнения студентов изменялись и стали более глубокими, системными: «конфликт имеет сложные и взаимосвязанные причины», «на данной территории сплелись многообразные интересы, которые не учитывают потребности населения в мире», «этот конфликт сложен и трудноразрешим» и т. д.

Занятия по конфликтологии всегда вызывали большой интерес студентов и слушателей, что также было мотиватором для формирования конфликтологической компетентности.

Таким образом, опыт изучения и преподавания дисциплины «Конфликтология» в Сибирском институте управления в течение более 18 лет показывает, что изначально преподавание было направлено на формирование конфликтологической компетентности выпускников управленческих специальностей, а в настоящее время в свете требований ФГОС ВПО идет переработка и совершенствование курса и учебных пособий.

---

¹ См.: Черняк Т. В., Меньшова В. Н. Межэтнические конфликты и способы их урегулирования // Технологии разрешения конфликтов : учеб.-метод. комплекс для дистанц. обучения. Новосибирск, 2002. С. 132—144.

Сергей Чудинов

*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и истории Сибирского государственного
университета телекоммуникаций и информатики*

Новосибирск, Россия

НЕУСТОЙЧИВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И УЛЬТРАНАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В ОБЩЕСТВЕ РИСКА¹

Современное состояние общества отражается в отрerefлексированном виде во множестве частично пересекающихся научных концептов: постмодерн, или поздний модерн, радикализированный модерн, глобальное общество риска, текущая современность и пр. Все они так или иначе сходятся в одном общем, но различаются в деталях. Единое, в чем они согласны друг с другом, — это фиксация неопределенности, неустойчивости и поливариантности жизни индивида на фоне разрыва социума с традицией и консервативным укладом жизни. Неопределенность и отсутствие стабильности также означают широкое распространение рисков, связанных с современным уровнем цивилизационного развития, когда эффекты от производственной и трансформирующей природу материально-преобразующей деятельности становится практически невозможно просчитать.

Социолог У. Бек, который ввел понятие «общество риска» в научный оборот, в ряде своих публикаций и выступлений обосновал идеал космополитического общества как варианта если не преодоления, то по крайней мере, минимизации негативных проявлений глобального общества риска. В объективных условиях той стадии цивилизационно-технологического развития, когда риски (техногенные, экологические, экономические, террористические и пр.) становятся глобальными, модель национального государства, согласно Беку, отжила свой век. С глобальными рисками, грозящими привести мир к полному апока-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (МК-530.2014.6).

липтическому коллапсу, можно справиться только совместными усилиями различных государств. Поэтому отказ от части национального суверенитета, который был непререкаемой политической ценностью в предыдущую эпоху, стал объективной необходимостью. Космополитический идеал — это движение от национальных государств к транснациональному космополитическому объединению человечества. По мысли Бека, такое решение только усилит национальную безопасность отдельных государств, тогда как попытка справиться с глобальными рисками (такими, например, как транснациональный терроризм) в изоляции друг от друга становится неэффективной стратегией¹.

Это решение, предлагающее выход из патовой ситуации общества риска, онтологически неустойчивого и неопределенного социального бытия, имеет своим следствием переопределение понятий этнической и национальных идентичностей. В первую очередь, это предполагает разрушение связи между так называемыми «титульными нациями» и государством. Государства, становящиеся «открытыми миру», должны опираться на «принцип национальной индифферентности государства». Вот что говорит Бек по этому поводу: «Подобно тому, как Вестфальский мир, отделив государство от религии, положил конец гражданским войнам XVI в., принявшим форму конфессиональных войн, ответом на национальные мировые и гражданские войны XX и начавшегося XXI в. может послужить — таков мой тезис — разделение государства и нации. Подобно тому, как только лишь в арелигиозном государстве появляется возможность исповедовать разные религии, открытые миру государства должны обеспечить трансграничное сосуществование этнических, национальных и религиозных самосознаний на основе принципа конституционной терпимости»².

Похожую теорию можно обнаружить у З. Баумана, который определяет состояние современного социума как «текущую современность». «Твердые тела», или социальные структуры, паттерны и конфигурации общества модерна подвергаются «плавлению», как когда-то сам модерн «расплавил» кар-

---

¹ См.: Бек У. Политическая динамика в глобальном обществе риска // Междунар. отношения и мировая экономика. 2002. № 5. С. 10—19.

² Там же. С. 14.

кас сословно-иерархического общества. Бауман считает, что мрачные прогнозы XX в. о наступлении тотальной репрессивной системы, где уделом человека станет абсолютное прорабование диктаторским государством (сценарии антиутопий), не сбылись. Наоборот, приватное «колонизировало» публичную сферу, принцип индивидуализации усилился и разрушил прежние устойчивые связи человека с какими-либо принудительными референтными сообществами, будь-то этническими или какими-либо другими. Более того, «твердые тела», которые находятся в «плавильном тигле» в настоящее время, «это связи, соединяющие индивидуальные действия в коллективные планы и действия — паттерны коммуникации и координации между индивидуальными линиями поведения, с одной стороны, и политическими действиями коллективов людей, — с другой»¹. Ученый оценивает данную ситуацию оптимистично — как либерализацию социальной жизни, освобождение индивида от любых пут, навязывающих ему готовую стратегию поведения и жизненный путь. Отныне у человека возникает свобода выбора между различными паттернами и моделями жизни, часто противоречащими друг другу и не имеющими привилегированных статусов.

Какова же судьба этничности и национальной идентичности человека на фоне таких тенденций?

Бауман одинаково критикует как национализм, так и национальный патриотизм, которые следуя его мысли, устарели в эпоху «легкой и текучей современности». По сути, это стороны одной медали, и различаются они только степенью мягкости / жесткости по отношению к иноэтническим сообществам и не ассимилированным социальным группам на территории своего государства. Патриотизм, в отличие от национализма, применяет более гуманную риторику и следует дискурсу «становления» (человек воспринимается как «изменяемый» и позиция по отношению к нации есть его свободный выбор), тогда как национализм выступает за более жесткие методы («извержение» из общества «неспособных быть нами», вплоть до этнических чисток) и исходит из дискурса «существования»

---

¹ *Бауман З.* Текучая современность : пер. с англ. / под ред. А. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. С. 12.

(человек судьбой предопределен быть принадлежащим к национальной общности в биологическом или же культурном смысле). Однако, как утверждает Бауман, «есть все основания сделать вывод, что между национализмом и патриотизмом нет других различий, кроме нашего восхищения их проявлениями или их отсутствием, степенью смущения или чувства вины, с которыми мы принимаем или отвергаем их»¹. И тот, и другой тип дискурсивного и идеологического оформления национального чувства имеют общее основание — единство воспринимается как априорное условие совместной жизни, построенное на подавлении и удушении различий².

Далее ученый возводит на пьедестал тот же самый нелиберальный идеал, к чему склоняется и Бек, — это модель общества, которое построено на разнообразии, где единство есть не изначальное условие, но результат совместного достижения различных «людей, преследующих цели самоидентификации» через переговоры и согласование. Он называет эту модель «единственным вероятным и реалистическим вариантом единства... в условиях жидкой современности»².

Двигается ли современность «позднего модерна», «текучая» и «неопределенная» к тому идеалу, который обрисован выше?

Первые полтора десятилетия XIX в., несмотря на прогнозы авторитетных социологов, демонстрируют неожиданно резкий подъем национализма, причем не только на территории постсоветских государств и стран третьего мира, но и в самом сердце «текучей современности» — Западной Европе. Партии с праворадикальной и националистической платформой за последние десятилетия достигли (во Франции, Германии, Италии, Норвегии, Австрии и др.) определенного электорального успеха (хотя он и не был стабилен, а истоки его восходят к 1980-м гг.) и превратились из маргиналов в полноценных политических игроков на сцене публичной политики. При этом, как отмечают авторы некоторых исследований, подъем легальных праворадикальных партий не измерим только электоральным успехом, более важно их влияние на умонастрое-

---

¹ Бауман З. Текучая современность. С. 188.

² Там же. С. 191.

ние широкой публики¹, что можно обозначить как популяризацию и распространение националистического дискурса. Другие ученые бьют тревогу, что если к началу XXI в. националистический дискурс был под абсолютным запретом, то теперь наблюдается привыкание общества к нарушению привычных табу не только на сцене экстремистских правых движений, но и в самом сердце демократических институтов².

Более консервативные народы Востока (в частности, представители мусульманской цивилизации) сохраняют приверженность устойчивой этноконфессиональной идентичности. Менее модернизированные и потому в меньшей степени индивидуализированные (а у себя на родине зачастую поглощенные родовой стихией) при переселении на территорию развитых стран Запада мигранты структурируются по принципу землячеств и диаспор, создавая этническую «сетевую структуру» с более или менее выраженным иерархическим началом. Эта структура сама себя воспроизводит через заданные социокультурные коды, создавая атмосферу социальной солидарности и этнокультурного своеобразия, не поглощаемого принимающей культурой.

В условиях размывания национальной идентичности в постмодернизирующейся Европе и политики «мультикультурализма» этноконфессиональные диаспоры из стран Азии и мусульманского Востока лишь приобрели некоторые преимущества. Высоко индивидуализированный, свободный от многих пут социальных обязательств, но утративший общие «паттерны и конфигурации» и потому предоставленный самому себе человек «позднего модерна» ощутил, что социальная система не приходит к спонтанно самоорганизованному балансу, общественный организм утрачивает функцию ассимиляции инокультурного элемента. С другой стороны, более устойчивая этническая идентичность мигрантов (часто, представителей исламской культуры, где этническая самоидентификация тесно

---

¹ См.: Goodwin M., Ramalingam, V., Briggs R. The New Radical Right: Violent and Non-Violent Movements in Europe. L. : Inst. for Strategic Dialogue, 2012. P. 22.

² См.: *Is Europe on the "Right" Path? Right-wing extremism and right-wing populism in Europe* / ed. N. Langenbacher, B. Schellenberg. Berlin : Bonner Univ.-Buchdruckerei, 2011. P. 29.

переплетена с религиозной) создала определенные «конкурентные» преимущества для диаспор, которые создали свои жизнеспособные анклав, не способные и не желающие ассимилироваться.

Бытовой стихийный национализм и националистический политический проект как ответ на социальный запрос — реактивные феномены в сложившихся обстоятельствах. Национализм и националистический экстремизм вырастают из чувства экзистенциального риска, утраты чувства стабильности и уверенности в будущем и своем месте в социальной структуре. Многие националистические экстремистские движения можно охарактеризовать как риск-сообщества, или, в терминологии О. Н. Яницкого, риск-солидарности. Риск-солидарности бывают различных разновидностей (сообщество производителей риска; сообщества жертв риска, вырабатывающие стратегии противостояния), в данном случае имеется в виду тот тип сообщества жертв риска, который складывается на основе негативной солидарности. По словам Яницкого, такая солидарность носит противоестественный характер: «Противоестественная потому, что она основана на вынужденной (в целях самосохранения) взаимной поддержке людей с противоположными интересами и ценностями, равно как и различным социальным статусом»¹. Объединительный принцип этих движений — общее чувство страха за свое будущее. Это скорее не общность интересов, оторванных друг от друга индивидов, но общность ощущения угрозы своему социальному и культурному существованию.

На негативную идентичность, соединенную с той или иной степенью патриотизма, опираются в своей риторике праворадикальные политические партии. Не зря в их дискурсе обязательно присутствуют следующие темы — возрождение национальных ценностей (как позитивная часть программы), проблема инокультурных мигрантов и исламофобия (угрозы, консолидирующие разрозненных избирателей).

Ярким примером риск-солидарностей выступают экстремистские ультранационалистические движения (марги-

---

¹ Яницкий О. Н. Социология риска. М. : Изд-во LVS, 2003. С. 40.

нальные группировки, как правило, не встроенные в публичную политику). Акции национал-экстремистов, таких как скинхеды, неонацистские группировки, зачастую не имеют далеко идущего стратегического расчета, они часто сводятся к нападению на случайно (или ситуативно) избранную жертву как символический объект, олицетворяющий собой принципиально чужеродного и потому отторгаемого «Другого». Они подобны громкому выстрелу вхолостую, поскольку их значение сводится к «выпусканию пара» и фиктивной репрезентации «реального» действия, что в действительности объективно служит лишь повышению степени внутригрупповой сплоченности, но не приближает к номинально декларируемым политическим целям (изгнание из общества инокультурных и иноэтнических мигрантов, повышение «чистоты расы» и пр.). Все это говорит о требующей немедленного удовлетворения потребности в фиксации неустойчивой, ускользающей социокультурной идентичности, склеивания «разорванного» самосознания через публичную манифестацию позиции или суррогатную квазиполитическую и квазиреволюционную деятельность.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что прогноз С. Хантингтона, утверждавшего, что с усилением глобализационных (и модернизационных) процессов в цивилизационных единицах и регионах будет укрепляться тенденция к индигенизации (что включает в себя, прежде всего, переопределение и попытку возврата к прочной национально-культурной идентичности), оказался более реалистичным. Национальная (этническая) идентичность — все еще более чем актуальный и прочный параметр общественного и личного самосознания, чем думают идеологи неolibерализма. Ее фактор следует учитывать при анализе современного социума, в котором наравне с тенденцией к рефлексивной модернизации (по выражению У. Бека) — пересмотра и отказа модернизированного общества от ценностного фундамента эпохи национальных государств (модерна), нарастают тенденции к обретению вновь прочных метанарративов (если использовать терминологию Ж.-Ф. Лиотара), облеченных в национально-патриотический, консервативный или же националистический дискурс.

Елена Шевцова

*кандидат политических наук,
доцент кафедры менеджмента,
начальник научно-организационного отдела
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС*

Новосибирск, Россия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТИПОВ ДИАСПОР С ПОЗИЦИИ КРИТЕРИАЛЬНОСТИ

В настоящее время остается крайне важным вопрос государственной политики в отношении диаспор, находящихся на территории государства. Диаспоры, становясь все более активными в проведении политики страны исхода в принимающей стране, расширяют свои масштабы деятельности как на региональном, так и на федеральном уровнях, что ведет к усилению межэтнической напряженности. Эти процессы способны инициировать мигрантофобию, выливаясь в конфликты на этнонациональной почве.

Процессы глобализации усиливают миграционные потоки из развивающихся стран с низким уровнем жизни в развитые страны, приводя к образованию мигрантских сообществ, в которых впоследствии возникают процессы диаспоризации. Формирование новых диаспор, отличных от классического понимания данного феномена, ставит вопрос о выделении их качественных, ключевых отличий. В представленной работе предлагается рассмотрение сравнительного анализа трех типов диаспор: классической диаспоры, транснациональной диаспоры и диаспоры как таклизма.

Изначально термин *diaspora*, в переводе обозначающий рассеивание, рассыпание, применялся к одной диаспоре — еврейской. Позже термин также стали применять к армянской, реже к цыганской диаспорам. Как следствие, возникло классическое трактование термина в отношении крайне узкого количества этнических групп. Ряд зарубежных и отечественных исследова-

телей (Дж. Клиффорд¹, У. Сафран², А. Ашкенази³, Х. Тололян⁴, Р. Козн⁵, В. Д. Попков⁶, М. А. Членов⁷) на протяжении многих лет анализировали характеристики и критерии диаспоры, чтобы выработать их традиционное понимание.

Выделим основные характеристики классической диаспоры (*classical diasporas*), которая определяется следующими параметрами:

— после переселения (часто насильственного и травматичного) в два или более региона идет возникновение взаимодействия трех акторов отношений: первоначальной родины (даже если родина не существует как государство, является мифической), этнической группы и принимающей страны;

— в месте вселения у этнического сообщества складываются сложные отношения с принимающим сообществом. Вследствие сохранения понимания, что принимающее сообщество не сможет до конца ее принять, этническая группа находится в состоянии политического конформизма, без притязаний на власть, постоянно доказывая свою «нужность» и «полезность». Как результат — невозможность ассимиляции как по причине собственного противодействия этнической группы, не приветствующей межэтнические браки, так и по причине противодействия принимающего сообщества, предпочитающего сохранение этнокультурных границ данного этнического сообщества;

---

¹ Подробнее: *Clifford J. Diasporas // Cultural Anthropology. Washington, 1994. Vol. 9, N 3. P. 302—338.*

² Подробнее: *Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora. 1991. N 1. P. 84—99.*

³ Подробнее: *Ashkenasi A. Diaspora: Identitätsbewahrung, Akkulturation und die Enttäuschung in der Diaspora // Identität in der Fremde / M. Dabag, K. Platt (Hrsg.). Bochum, 1993. S. 110.*

⁴ Подробнее: *Tölölyan K. Rethinking Diaspora(s): Stateless Power in the Transnational Moment // Diasporas 5. 1996. N 1. P. 3—35.*

⁵ Подробнее: *Cohen R. Global Diasporas: an Introduction. L. : UCL Press, 1997. P. 17.*

⁶ Подробнее: *Попков В. Д. Феномен этнических диаспор : моногр. М. : ИС РАН, 2003. 340 с.*

⁷ Подробнее: *Членов М. А. Еврейство в системе цивилизаций (к постановке вопроса) // Диаспоры. 1999. № 1. С. 34—56.*

— сохраняется стремление к дальнейшему переселению в поисках лучшей работы, более высокого уровня жизни, в результате чего этническая группа находится на грани демографического порога выживаемости;

— присутствует постоянное чувство принадлежности к исторической родине, тоски по ней, коллективное знание об истории этноса, самоидентификация с исторической родиной, идея единства исторической судьбы, сильное этническое самосознание;

— иницируется и поддерживается непрерывное желание вернуться в страну исхода, историческая родина идеализируется и мифологизируется;

— идет осуществление процесса транскомуникаций среди общин данной этнической группы, поддерживается существование межобщинных сетей, поддерживается укрепление связей со страной исхода.

В основе понятия «классической диаспоры» лежит идея вынужденного отрыва от родины, часто тяжело и травматично переживаемого, жизнь на чужбине, часто в недружественном окружении, в угнетенном состоянии, с ощущением тоски по идеальной родине-стране обетованной, куда обязательно необходимо вернуться. Необходимо отметить, что классическое определение диаспоры и основные ее критерии являются крайне узкими. Применять перечисленные характеристики целесообразно только к еврейской, армянской и цыганской диаспорам, соответственно формируя адекватную диаспоральную политику. Перечисленные параметры классической диаспоры не позволяют применять их к другим этническим сообществам.

Вследствие изменения геополитической обстановки, усложнения этнокультурной структуры обществ возникла необходимость в теоретическом переосмыслении основных характеристик и критериев диаспор, появилось определение «новые» и/или «современные» диаспоры. Теоретическое осмысление «современной» диаспоры, получившей название в ряде источников «транснациональной диаспоры», было осуществлено та-

кими авторами, как Г. Шеффер¹, Р. Коэн², Р. Хеттлаге³, Т. Файст⁴.

Таким образом, обратимся к характеристикам транснациональной диаспоры (*transnational diasporas*):

— после переселения, которое носит добровольный характер и происходит вследствие ряда причин социально-экономического характера, возникает многогранник взаимодействия акторов отношений: правительство принимающей страны, организации гражданского общества в принимающей стране, правительство страны исхода, группы гражданского общества в стране исхода, этническое сообщество;

— происходит построение трансграничных, транснациональных сетей, которые охватывают социально-экономические, языковые, культурные, религиозные связи посредством создания различного рода социальных институтов;

— этническое сообщество выступает как важное связующее звено между личностью и обществом, выполняет функцию адаптации и интеграции в принимающее сообщество, в то же время, противодействует ассимиляции;

— этническое сообщество сформировано главным образом из трудовых мигрантов, осуществляющих географическую транснациональную мобильность, что приводит к формированию двойного, субнационального самосознания;

— появляется стремление к политическому представительству в принимающей стране с целью лоббирования интересов этнического сообщества и страны исхода как на внутреннем, так и на международном уровне, что может проявляться в ирредентистских тенденциях;

---

¹ Подробнее: *Шеффер Г.* Диаспоры в мировой политике // Диаспоры. 2003. № 1. С. 163—184; *Sheffer G.* *Diaspora Politics: At Home Abroad.* Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2003.

² *Cohen R.* *Global Diasporas: An Introduction.* Second Edition. N. Y., 2008. P. 154—155.

³ Подробнее: *Hettlage R.* *Diaspora: Umrisse zu einer soziologischen Theorie // Identität in der Fremde / M Dabag und K Platt (Hg.), 1993. S. 75—105.*

⁴ Подробнее: *Faist Thomas.* *Diaspora and transnationalism: What kind of dance partners? // Bauböck Rainer, Faist Thomas* *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods* Amsterdam: Univ. Press, 2010. P. 14—16.

— осуществляется создание и в дальнейшем поддержка деятельности различного рода ассоциаций внутри этнического общества: предпринимательских, культурных, политических, что инициирует социальную сплоченность.

Основой понятия «транснациональной диаспоры» является трансграничная и транснациональная мобильность ресурсов: человеческих, финансовых, информационных, способность выживаемости этнического сообщества на территории принимающего государства путем встраивания, без растворения, сохранения своей уникальной идентичности, оказание влияния как на принимающую страну, так и на страну исхода.

Однако нужно отметить, что не все диаспоры создавались путем переселения или депортации, часть диаспор была создана вследствие территориального и политического распада государств, в связи с чем возникло понятие «диаспора катаклизма».

Понятие «диаспора катаклизма» (*accidental diasporas*) было предложено профессором социологии Калифорнийского университета Р. Брубейкером¹ в 2000 г. и прочно вошло в научную риторiku. Похожая точка зрения встречается у П. Колсто² и Н. Космарской³. Далее диаспоры катаклизма не раз упоминались в научной литературе скорее как альтернатива классическому понятию диаспоры, не заслуживая глубокого изучения и анализа, что, на наш взгляд, является методологически не верным. В современных условиях развития международных отношений диаспоры катаклизма играют все большую роль в вопросах геополитических притязаний государств на ведущую роль в макрорегионах.

Таким образом, к основным характеристикам диаспоры катаклизма можно отнести следующие:

— образование диаспоры идет посредством изменения границ, происходит мгновенно вследствие политических катаклиз-

---

¹ Подробнее: Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинami (на примере Веймарской Германии и постсоветской России) // Диаспоры. 2000. № 3. С. 6—32.

² Подробнее см.: Колсто П. Укореняющиеся диаспоры: русские в бывших советских республиках // Там же. 2001. № 1. С. 6—38.

³ Подробнее см.: Космарская Н. «Русские диаспоры»: политические мифологии и реалии массового сознания // Там же. 2002. № 2. С. 110—156.

мов — распада государств, нередко драматического и травматического для участников процесса вопреки их желанию¹;

— после изменения границ этническое сообщество становится этническим меньшинством (даже если в демографическом плане это не соответствует действительности) и возникает взаимодействие отношений: этническое сообщество — внешняя родина; этническое сообщество — страна проживания; внешняя родина — страна проживания;

— этническое сообщество компактно, тесно связано с территорией проживания, самовоспроизводимо в демографическом плане, члены этнической группы — граждане той страны, где их застал политический катаклизм;

— страна проживания этнического сообщества проводит по отношению к нему политику дискриминации; происходит столкновение национализирующего национализма страны проживания и национализма внешней родины. Данные процессы способны усиливать напряженность между двумя странами, дестабилизировать политическую обстановку на международной арене;

— внешняя родина проводит политику поддержки и защиты членов этнического сообщества, что часто выражается в содействии переселению соотечественников.

Основным базисом понятия «диаспора катаклизма» является идея формирования диаспорального сообщества путем перемещения границ государств вследствие политических катаклизмов, что крайне травматично переживается членами образовавшегося сообщества, так как они впоследствии чаще всего подвергаются определенной политике дискриминации со стороны страны проживания. Данные тенденции провоцируют столкновение интересов внешней национальной родины и интересов страны проживания, что может приводить к политическому охлаждению отношений и международным конфликтам.

Для понимания качественных отличий проведем сравнительный анализ ранее рассмотренных типов диаспор по ряду критериев (таблица).

---

¹ См.: Брубейкер Р. «Диаспоры катаклизма» в Центральной и Восточной Европе и их отношения с родинami (на примере Веймарской Германии и постсоветской России). С. 7—8.

Сравнительный анализ типов диаспор

Критерий	Классическая диаспора	Транснациональная диаспора	Диаспора катаклизма
Характер и причины образования диаспоры	Насильственное, травматичное переселение путем изгнания, депортации	Добровольное переселение вследствие социально-экономических причин	Посредством изменения границ государств вопреки желанию участников процесса
Взаимодействие акторов отношений	Треугольник взаимодействия: страна исхода (даже мифическая), этническое сообщество, принимающая страна	Многогранник взаимодействия: правительство принимающей страны, организации гражданского общества в принимающей стране, правительство страны исхода, группы гражданского общества в стране исхода, этническое сообщество	Взаимодействие: этническое сообщество — внешняя национальная родина, этническое сообщество — страна проживания, внешняя национальная родина — страна проживания
Отношение к родине	Родина — земля обетованная, как некий идеал, мифологизация родины, чувство единой исторической судьбы	Родина-дом, куда периодически необходимо возвращаться, поддерживать	Родина-мать, поддерживающая и контролирующая; чувство этнокультурной принадлежности родине
Самосознание	Этническое самосознание	Субнациональное, транснациональное самосознание	Национальное самосознание
Политическая активность	Политический конформизм без притязаний на власть	Активное политическое представительство с целью лоббирования интересов этнического сообщества и страны исхода	Столкновение национализирующего национализма страны проживания и национализма внешней национальной родины, как следствие — противодействие и ограничение политического представительства этнического сообщества

Критерий	Классическая диаспора	Транснациональная диаспора	Диаспора катаклизма
Уровень демографического представительства	Рассеяние на грани демографического порога выживаемости	Стремление к объединению нескольких этнических сообществ (часто ирредентистские тенденции), к демографическому преобладанию	Компактность проживания, изначально демографическое большинство
Коммуникации	Построение сети коммуникаций между общинами	Построение сети трансграничных и транснациональных коммуникаций	Построение сети коммуникаций: внешняя национальная родина — этническое сообщество, что обрывает связи со страной проживания
Мобильность	Желание вернуться на родину, передаваемое через поколения	Трансграничная мобильность, круговая	Стремление к переселению на родину вследствие притеснений
Адаптивные возможности	Чувство отчуждения, изоляция, частичная адаптация	Адаптация и интеграция в принимающее сообщество, помощь в адаптации и интеграции членам общины	Противодействие адаптации и интеграции со стороны страны проживания, стремление к изолированию и ограничению прав членов этнического сообщества
Ассимиляция	Резкое противодействие ассимиляции самого этнического сообщества, невозможность ассимиляции	Мягкое противодействие ассимиляции самого этнического сообщества, возможная ассимиляция части общины при сохранении ядра	Противодействие ассимиляции со стороны внешней национальной родины
Время* существования	Десятки поколений (длительное время)	Два-три поколения	Одно-два поколения
Примеры диаспор	Еврейская, армянская	Курдская, турецкая	Немецкая, русская

* Вопрос времени существования диаспор является дискуссионным и требует дополнительных исследований.

Таким образом, выделяя различные критерии сравнения, мы можем обозначить их качественное отличие. В то же время качественное понимание отличительных признаков формирования и развития различных типов диаспор должно инициировать в свою очередь дифференцированные подходы к проведению диаспоральной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Наталья Шпак

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС*

Вера Лихтенфельд

*студентка факультета государственного и муниципального управления
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС*

Новосибирск, Россия

ВОЗДЕЙСТВИЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ НА ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖИ

Духовно-нравственное развитие и воспитание личности гражданина России является ключевой задачей современной государственной политики Российской Федерации. Согласно Концепции государственной политики в области духовно-нравственного воспитания детей и учащейся молодежи Российской Федерации, сейчас нужно более активно и широко привлекать средства массовой информации, культуры, использовать возможности сети Интернет для решения задач патриотического воспитания¹.

В связи с этим задача духовно-нравственного развития учащейся молодежи является одной из приоритетных в деле патриотического воспитания и обеспечения национальной безопасности страны. Состояние российского общества и государства определяется духовно-нравственным здоровьем народа, бережным сохранением и развитием его культурного, духовно-нравственного наследия, исторических и культурных традиций и норм общественной жизни.

Российское общество переживает сейчас духовно-нравственный кризис. Российское государство лишилось официальной идеологии, а общество — духовных и нравственных идеалов.

---

¹ *О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011—2015 годы»*: постановление Правительства Рос. Федерации от 5 окт. 2010 г. № 795 (с изм. и доп.). ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/199483/#ixzz3gliCunGp> (дата обращения: 18.07.2015).

В результате мы видим, что массовому сознанию присущи ценностные установки, которые во многом деструктивны и разрушительны с точки зрения развития личности, семьи и государства.

Современных ученых тревожит процесс активного внедрения западного потребительского отношения к жизни и насаждение ценностей западной культуры в сознание других народов, что в свою очередь не имеет ничего общего с равноправным диалогом и уничтожает культурное наследие стран, попавших в сферу влияния Запада. В результате сейчас по всему миру все больше обсуждаются вопросы человеческого общения и непосредственно связанная с ними проблема воспитания терпимости к чужим культурам, пробуждения интереса и уважения к ним, преодоления в себе чувства раздражения от непохожести других культур.

Очевидно, что в современных условиях наблюдается снижение толерантности, духовно-нравственного потенциала молодежи. В декларации ЮНЕСКО о принципах толерантности отмечается, что толерантность — это уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявления человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений¹.

Антиподом толерантности выступает интолерантность, под которой понимается неравенство, неприятие другого за то, что он выглядит, думает, поступает иначе. Началом интолерантного поведения может служить проявление категоричности в суждениях, действиях, поступках без учета мнения других людей.

В условиях глобализации молодым людям необходимо уметь проявлять терпимость по отношению к мнениям и поступкам других людей, вести открытый и честный диалог, ценить человеческую жизнь, а также проявлять такие качества, как сострадание, доброту и порядочность. Все это придает молодым людям уверенность в себе и способствует профессиональному

---

¹ Декларация принципов толерантности. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=633 (дата обращения: 19.07.2015).

самоопределению, самоутверждению и самореализации во взрослой жизни.

В современном мире пользователям сети Интернет представлен большой объем информации, в распространении которой они осознано или неосознано принимают участие. «Мир научился информировать себя сам. Миллионы событий фиксируются ежедневно на камеры телефонов и камеры слежения. Миллионы людей размещают информацию о том, что происходит вокруг, в своих блогах и социальной сети»¹.

Люди по всему миру самостоятельно ищут информацию и размещают различные новости и свои комментарии в блогах, зачастую ставя под сомнения новости СМИ. Опасение вызывает также и то, что количество распространяемой в сети информации растет в глобальных масштабах, а ее качество не успевает контролироваться. Много онлайн-сплетен тесно связано с политикой, что становится, действительно, опасным из-за роста массовой агрессии в обществе. В наше время люди склонны резко высказывать свое мнение, и никого не волнует, что только одно неверно используемое слово в сети может уничтожить тысячи жизней. Люди должны понять, что главная цель любого сообщения — рассказать правду вместо того, чтобы привлечь внимание людей, предоставляя им сенсационную, на их взгляд, но недостоверную информацию.

Очевидно, что Интернет оказывает огромное влияние на формирование духовно-нравственных ценностей у молодых людей, вовлекая их в активную деятельность. Однако информация, выложенная в сети, может не только направить энергию молодых людей на преобразование мира, но и на его разрушение.

На сегодняшний день мощный бесконтрольный информационный поток оказывает пагубное влияние на неокрепшие души молодых людей, ищущих духовно-нравственные ориентиры. Молодые люди открыты миру, но не подготовлены правильно отбирать нужную для развития информацию. Из всего, что предлагается западной культурой, важно научиться перенимать положительный опыт и трансформировать его в российскую

---

¹ Лосева Н. Мир научился информировать себя сам // Журналист. 2011. № 11. С. 42.

среду с учетом культурных традиций и русского менталитета. Нам сейчас, как никогда, нужно учиться взаимодействовать с другими культурами, быть толерантными, уметь вести конструктивный диалог¹.

В современном обществе назрела необходимость изучить воздействие информации в сети Интернет на духовные и нравственные ценности молодежи. Проблема заключается в том, что молодые люди не думают о качестве получаемой и распространяемой ими информации и о том воздействии, которое они оказывают на политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь людей.

Свобода выражения мнений и убеждений, свобода массовой информации составляют основы развития современного общества и демократического государства. Вместе с тем осуществление названных прав и свобод может быть сопряжено с определенными ограничениями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе.

Русская православная церковь полагает, что СМИ должны нести ответственность за публикации в Интернете, в том числе за содержание комментариев своих читателей. Председатель Синодального информационного отдела РПЦ Владимир Легойда считает, что возлагание ответственности на СМИ за комментарии на их сайтах не будет «ужесточением цензуры или закручиванием гаек, нарушением свободы интернет-пользователей», а сможет способствовать повышению культуры сетевого пространства. С сайтов СМИ он требует убрать «клевету, экстремистские высказывания, сеющие раздор и рознь», поскольку «невыносимая легкость комментариев», характерная для большинства интернет-дискуссий, действует разрушительно и ведет к ненормативному общению и оскорблениям².

---

¹ См.: Шпак Н. О. Формирование гуманистических ценностей у молодых специалистов сферы управления // Общество и этнополитика : материалы Седьмой Междунар. науч.-практ. Интернет-конф., 1 мая — 1 июня 2014 г. / РАНХиГС, Сиб. ин-т упр. ; под науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. С. 224—229.

² См.: Интернет-СМИ должны отвечать за комментарии читателей, считают в РПЦ. URL: <http://ria.ru/media/20110603/383737830.html#ixzz3f16h5BGQ> (дата обращения: 20.05.2015).

Главный признак русской культуры — ее соборность. Это проявление христианской склонности к общественному и духовному началу. Но соборность — не только религиозная категория. Для русского самосознания во всей своей полноте проявлений она представляет собой единение человека с миром и единение людей с пространством и временем. Этим объясняется терпимость в национальных отношениях¹.

Однако в современном обществе происходит отчуждение человека от самого себя и себе подобных. Утрачивается сострадание, гуманность, толерантность, поскольку исчезает культура взаимоотношений между людьми. Именно в отсутствии взаимной помощи заключается главная причина современного мирового кризиса, имеющего не материальное, а духовное значение. Некоторые ученые определяют его как бытие без культурной ориентации².

Мы полагаем, что в сложившейся ситуации не только Правительство Российской Федерации, но и сами пользователи должны контролировать поток онлайн-информации, учитывая, что с 1 августа 2014 г. в силу вступила новая редакция закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которому все интернет-пользователи, выкладывающие информацию в сети, должны нести ответственность наравне с представителями СМИ³.

Российские блогеры и пользователи соцсетей опасаются, что свобода слова в Рунете находится под угрозой, связывая свои тревоги с несением ответственности за комментарии в интернет-СМИ. Однако эксперты считают, что принятие такого

---

¹ См.: *Стеблецова Т. Б.* Воспитание «экологии души»: философско-нравственный аспект // *Образование и культура России в изменяющемся мире: материалы междисциплинар. семинара для молодых ученых и аспирантов.* Новосибирск, 2007. С. 253.

² См.: *Мельчагова С. Е.* К вопросу развития культуры будущего инженера в эпоху глобализации // Там же. С. 39.

³ См.: *О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: федер. закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации.* 2014. № 19. Ст. 2302.

закона, напротив, защитит интересы онлайн-СМИ и снимет с редакций ответственность за действия читателей. В Интернете станет меньше клеветы, сплетен, экстремистских лозунгов, и их авторов будет легко определить с помощью специального реестра для блогеров, имеющих более трех тысяч уникальных пользователей в день. Таких блогеров при необходимости можно заблокировать или даже привлечь к уголовной и административной ответственности.

С целью выявления вовлеченности студентов к распространению информации в Интернете мы провели опрос мнений студентов Сибирского Института управления. Студенты должны были ответить на следующие вопросы: как часто они пользуются глобальной сетью, как предпочитают узнавать новости, знают ли и пользуются ли Твиттером, пишут ли сами твитты, отражают ли они правду в Интернете и доверяют ли другим блогерам.

Опрос показал, что 100 % респондентов входят в сеть каждый день и 75 % из них выкладывают оперативную информацию. Кроме того, большинство молодых людей считают, что они выкладывают только правду, и ни один из них не признается во лжи. Данный опрос также выявил, что большинство респондентов участвуют в обмене онлайн-информацией без проведения каких-либо оценок ее качества.

С целью выявления готовности нести ответственность за распространение информации и определения умения воспринимать и обрабатывать получаемую информацию тем же самым респондентам была предоставлена для опроса вторая анкета. В новом опросе студенты сообщали о том, знают ли они о новом законе об ответственности за выкладываемую информацию в сети (поправки к Федеральному закону от 1 августа 2014 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»); готовы ли они нести ответственность за распространение информации; хотят ли они получать достоверную информацию в сети Интернет; считают ли они, что умеют критически воспринимать, анализировать и давать объективную оценку информации.

Опрос мнений по второй анкете показал, что 40 % студентов знают о новом законе об ответственности за публикуемую ими информацию в Интернете, а 60 % заявили, что не знают;

75 % готовы нести ответственность за распространение информации, а 25 % затрудняются ответить; из опрошенных все 100 % хотят получать достоверную информацию; 60 % считают, что умеют критически воспринимать информацию, 15 % не умеют, 25 % затрудняются ответить; 80 % считают, что умеют анализировать информацию и давать ей объективную оценку, 8 % — не умеют, 12 % — затрудняются ответить. Очевидно, что большинство респондентов уверены в том, что они умеют правильно воспринимать и обрабатывать получаемую информацию и готовы нести ответственность за ее распространение.

Для выявления уровня влияния онлайн-информации на духовно-нравственное развитие молодежи было проведено третье анкетирование, где студенты должны были ответить на вопросы: считают ли они, что информация в Интернете сильно влияет на их духовно-нравственное развитие; что они сами могут защитить себя от негативного воздействия Интернета; что в Российском обществе необходимо повышать уровень культуры через формирование духовно-нравственных ценностей (через любовь, милосердие и сплоченность); а также студенты должны были выбрать для себя три жизненно важных показателя из перечисленных (комфортность, сострадание, карьеризм, патриотизм, справедливость, честь, индивидуализм, человеческая жизнь).

Последний опрос показал, что 30 % респондентов считают, что информация в Интернете сильно влияет на их духовно-нравственное развитие, 50 % заявили, что не влияет, 20 % затруднились ответить; 75 % уверены, что могут защитить себя от негативного воздействия Интернета, 5 % думают, что не могут, 20 % затрудняются ответить; 85 % считают, что в российском обществе необходимо повышать уровень культуры через формирование духовно-нравственных ценностей; 5 % заявляют, что не надо, 10 % затрудняются ответить. Что же касается выбора трех жизненно важных показателей, то большинство респондентов проголосовало за слово «честь» (55 %), на втором месте — «справедливость» (50 %) и «индивидуализм» (50 %), на третьем — «человеческая жизнь» (40 %), на четвертом — «комфортность» (35 %), на пятом — «сострадание» (20 %) и «патриотизм» (20 %), а на последнем месте — «карьеризм» (10 %).

Следовательно, большинство студентов уверены, что могут защитить себя от негативного воздействия сети Интернет, не видя в нем угрозы для общества, и только одна треть из всех опрошенных респондентов полагают, что Интернет оказывает сильное влияние на их духовно-нравственное развитие. Большинство опрошенных осознают необходимость повышения уровня культуры общества через формирование духовно-нравственных ценностей, хотя не все из них различают положительное и отрицательное воздействие онлайн-информации на формирование духовно-нравственных устоев личности. Однако важно отметить и то, что среди молодых людей больше всего ценится честь и достоинство человека, а стремление сделать карьеру стоит на последнем месте.

Примечателен тот факт, что молодые люди хотят развивать и формировать в себе духовно-нравственные ценности, но работать над собой они предпочитают в одиночку, так как приоритетным для них является индивидуализм, а не коллективизм. Это говорит о том, что в российском обществе за последние десятилетия укоренился западный стиль жизни — стиль потребителя, удовлетворяющий свои индивидуальные потребности. А ведь это идет вразрез с исторически свойственным русскому человеку коллективизму и соборности.

На основе проведенного исследования мы делаем вывод, что, находясь в сети Интернет, молодые люди хотят получать достоверную информацию и готовы нести ответственность за размещаемые комментарии и распространяемую информацию, однако не все из них осознают силу воздействия Интернета на свое мировоззрение и поведение. Поэтому мы считаем, что учебным заведениям и будущим работодателям необходимо давать молодежи духовно-нравственные ориентиры и помогать им выбирать позицию активного гражданина, патриота своей страны, для которого важным делом будет накопление и сохранение духовно-нравственных ценностей и осуществление толерантного общения с представителями других культур.

Никита Яраполов

*студент факультета государственного и муниципального управления
Сибирского института управления — филиала РАНХиГС*

Новосибирск, Россия

МОДЕЛИ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

Экстремизм — приверженность к крайним взглядам и радикальным методам достижения своих целей. Экстремисты стремятся к немедленному разрушению существующей государственно-правовой системы и созданию общества на их идеологической основе. По направленности выделяются этнический экстремизм, религиозный экстремизм, политический экстремизм, социальный экстремизм, экстремизм в молодежных субкультурах.

Религиозный экстремизм — это теоретическое обоснование и практическое использование деконструктивных, «крайних» методов для достижения радикальных религиозно-политических целей.

Религиозно-политический экстремизм — это религиозно мотивированная или прикрытая религиозными положениями деятельность, направленная на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, а также возбуждение религиозной вражды и ненависти, стремление к замене действующего законодательства нормами шариата и построению в перспективе исламского халифата.

Религиозный экстремизм в большей степени, чем все остальные формы экстремизма, способен порождать террор, так как исполнителями в данном случае являются фанатики, для которых ценность жизни отодвинута на второй план.

Политический экстремизм определяется как специфичный метод в борьбе за политическую власть. Основной отличительной чертой политического экстремизма всегда является наличие политических целей, присутствие борьбы за власть и политическое влияние.

Этнический экстремизм — это приверженность крайним взглядам и мерам в вопросах межэтнических отношений, он представляет собой феномен, при изучении которого должны объединять свои усилия ученые различных специальностей. Эт-

нический экстремизм — один из самых распространенных видов экстремизма в XXI в., поскольку обладает огромной властью и непредсказуемостью и превратился в реальную проблему для многих стран и регионов. В основе этнического экстремизма лежит противоречие между признанием естественного права народов самим определять свою судьбу и принципом национального единства и территориальной целостности государства.

Национально-религиозный экстремизм, разновидностью которого можно считать расизм, основан на ксенофобии, то есть на ненависти, нетерпимости к чему-либо чужому, незнакомому, непривычному. Таким образом, основой для данного вида экстремизма может являться нетерпимость, например, к представителям другой расы.

Различные виды экстремизма тесно взаимосвязаны. Религиозный экстремизм, как правило, блокируется с этническим, и наоборот. Тем не менее, этнический экстремизм имеет свою специфику. Она обусловлена спецификой межэтнических отношений, на противоречиях внутри которых этот экстремизм паразитирует.

В формировании национального, политического и религиозного экстремизма особая роль принадлежит национальным, политическим и религиозным элитам, играющим главную роль в формировании политического облика.

Для Российского государства, исторически сложившегося как многонациональное и многоконфессиональное, особую опасность несут национальный экстремизм, ксенофобия, этнический негативизм и другие формы проявления экстремизма. Они вносят раскол в российское общество и нарушают международное и гражданское согласие.

В последние годы в различных странах мира активизировалась противоправная деятельность экстремистских организаций, приобретающая все более широкие масштабы и дерзкий характер.

Экстремизм во всех его проявлениях выступает одной из основных проблем, дестабилизирующих устойчивое развитие любого современного общества, в том числе и российского. Адекватным ответом на вызов экстремизма является принятие целевых программ противодействия экстремизму.

Сегодня молодые граждане пополняют ряды экстремистских и террористических организаций, которые активно исполь-

зуют российскую молодежь в своих политических интересах, активизировались также неформальные молодежные «антифашистские» группы, объединяющие представителей различных молодежных субкультур, основанных на увлечении каким-либо музыкальным течением или разными альтернативными видами спорта, основная деятельность которых заключается в проведении силовых акций и организации массовых общественно-политических мероприятий. Заметно активизировались попытки иностранных неправительственных некоммерческих организаций и международных организаций по использованию молодежи для осуществления деятельности, направленной на трансформацию политической системы России.

При организации системной работы по профилактике молодежного экстремизма необходимо учитывать, что непосредственная, прямая профилактика не дает практически никакого эффекта. В этой связи необходимо выстраивать систему этой деятельности с опорой на косвенные, «мягкие» методы и формы работы, оптимизирующие и среду, и личность. Главное внимание должно быть сосредоточено на особой социально-психологической ситуации в жизни любого человека, которая приходится на возрастной период от 14 до 22 лет. В основе организации системы профилактической работы, особенно с группами лиц, пребывающими в кризисном возрасте, должна лежать идея управляемой социализации, когда социально-психологические процессы, происходящие с подростком, профессионально сопровождаются соответствующими специалистами, причем не всегда являющимися представителями официальных институтов.

Можно выделить две модели, направленные на профилактику экстремизма:

1. Модель профилактики, основанная на усилении роли традиционных институтов социализации. В основе данной модели лежит идея рационального сокращения свободного, неконтролируемого пространства социализации молодого человека.

2. Модель профилактической работы, ориентированная на снижение деструктивного потенциала молодежных субкультур. В основе данной модели лежит деятельность государства и местного самоуправления по разработке механизмов, направленных на оптимизацию функционирования разнообразных мо-

лодежных сообществ, являющихся носителями тех или иных субкультур, существующих в современной России¹.

Необходимо разработать и реализовать с участием национальных диаспор комплекс мероприятий по развитию межнационального диалога и интернационализма в студенческой среде, включая создание клубов интернациональной дружбы. Рекомендуется ввести в учебные программы образовательных учреждений преподавание основ межнационального общения и интернационального воспитания учащихся, разработать механизмы специальной системы подготовки кадров из числа представителей различных национальностей, обладающих общероссийским государственным самосознанием и менталитетом, в целях формирования нового поколения региональных элит. В этих целях необходимо организовать тщательный отбор состава участников целевых наборов в вузы и создать систему поиска наиболее одаренных молодых людей в образовательных учреждениях с целью направления их на дальнейшее обучение в престижные вузы страны.

Сотрудники органов внутренних дел должны владеть целым комплексом юридических, психологических, религиоведческих, исторических знаний, которые помогут им принять верные решения.

Противодействие исламскому экстремизму не может ограничиваться административно-политическими методами «кнута и пряника» или «разделяй и властвуй». В диалоге с исламскими организациями важно выделять именно духовные, богословские аспекты, влияющие на принятие политических решений. Тем более, что это верно для западного мира, имеющего многомиллионное, нелояльно настроенное по отношению к западным ценностям мусульманское население и внешних противников в лице оснащенных современным вооружением экстремистских исламских режимов.

---

¹ См.: *Савинов Л. В.* Этнополитика и этнобезопасность : моногр. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2009. 184 с. ; *Его же.* Региональная этнополитическая безопасность: пример Сибири // *Правовая политика и правовая жизнь.* 2009. № 4 (37). С. 41—48 ; *Его же.* Смыслы и концепты этнополитической безопасности // *Изв. высш. учеб. заведений. Социология. Экономика. Политика.* 2010. № 1 (24). С. 35—38.

**СЕКЦИЯ
«ВЛАСТЬ И ЭТНОПОЛИТИКА»**

Эльдар Аетдинов

*доцент кафедры социальных наук
Набережночелнинского института Казанского (Приволжского)
федерального университета, PhD*

Набережные Челны, Россия

Федерико Занонни

*научный сотрудник Департамента педагогики
Болонского университета, PhD*

Италия

ETHNOPOLITICAL SITUATION IN RUSSIA: LEGISLATION AND SOME ASPECTS OF REALITY

Abstract

This article analyzes some of the elements of ethno-political situation at the federal and regional levels in Russia¹. The analysis is based on the approach proposed by the authors, in which there are three complementary elements (aspects) of the concept of “ethno-political situation”: the institutional dimension, namely the ethnic (cultural) factors in the structure and in the activities of the government; law aspect (federal and regional legislation); the practical aspect, that is, the daily practice of interaction between the different ethnic groups and perception of it in the mass, group and individual consciousness. Considering the relationship these three elements, the authors examines the ethnic policy of the state as the central political actor and proclaims the priority of the adequacy of the state ethnic policy to the situation prevailing in the society.

---

¹ The authors of the present article are involved in the common research project ALLMEET (Actions of Lifelong Learning addressing Multicultural Education and Tolerance in Russia), in the framework of the European programme Tempus IV. The project involves seven Russian and four European institution and it is aimed to support the modernisation of higher education in Russia, developing the capacity building of higher education institutions in promoting actions of lifelong learning, in particular on topics not usually debated in society such as migration, intercultural education, and Human Rights in order to increase the level of tolerance toward people with migrant background and minorities groups.

By analyzing the elements of ethno-political situation in Russia at the federal and regional levels, the authors come to the conclusion that the ethnic factors are insufficiently considered in governmental activities in the Russian Federation, and there is present not always clear, but the latent conflicts in the ethno-political relations at the federal and regional levels both.

Ethnopolitical situation in Russia: federal and regional measurements

Ethnopolitics means “kind of activity connected with participations in power-administrative relationships which are realized on behalf and / or apropos of ethnic groups”¹. Also it is a sphere of social life aroused from the overlap of the two social characteristics (which are ethnic and politic), when political actors authorize to act on behalf and / or apropos of ethnic community. In this case ethnic as a social characteristic means any social differences in society conditioned by cultural, religious, linguistic and anthropological characteristics, but ethnic relations are any political interaction on behalf and / or apropos of community of such type of groups. At the same time the connotation of the political phenomenon as a social phenomenon involves in it a wide range of social groups and institutions of political power.

The ethnopolitical situation will be considered the prevailing condition of sphere of interaction between ethnic groups in politics, the position in the sphere of relations where and when activities of social subjects concerning the interests of great number of people are dependent on the ethnic characteristics of a social community.

The task of this article is to analyze the correspondences between the Russian state ethnic policy and the ethnic situation in Russia. With this purpose we are retracing some details of evolution of Ethnopolitics of Russia's State; we are scrutinizing the essence of modern discussions and reaction to them in ethnically differentiated regions of Russia and we are focusing on the Republic of Tatarstan which has become, admittedly, a pioneer in the construction of a genuine Federation in Russia.

---

¹ *Курс лекций по политологии* : учеб. пособие / под ред. М. Х. Фаррукшина. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1994. С. 197.

Tatarstan is one of 85 subjects of Russian Federation, it is located in the middle of the European part of Russia and it is actively included in all Russian's domestic policy's process. The ethno-political processes in this republic are not exception. They have their own logic, patterns and features; but also they are affected by nationwide Russian process including Ethnopolitics process.

Tatarstan presents a specific ethno-cultural situation. Population is basically divided into two major indigenous ethnic groups: Tatars represent a slight majority in Tatarstan (52,9 %) and Russians are slightly less than half of the Republic's population (39,5 %) ¹, but they are the ethnic majority in whole Russia (80,9 %) ². At the same time Tatars, that are the majority in the Republic, are minority (near 4 %) from all Russian's population. By the way, Tatars live relatively dispersed; more than 60 % of Tatars live in Russia abroad Tatarstan.

Due to their ethnic and cultural uniqueness, the ethno-political processes in this Republic have their own specificity despite the serious influence of all-Russian political processes.

Since the beginning of 1990, when they largely determined the vector of political events in the country, the dynamics of ethno-political processes in Russia have seriously changed. However the primordialist understanding of the nation's nature, which is traditional for Russia, was saved in day-to-day communication and in political and official documents, where "nationality" means "ethnic", "ethnicity". For example in English "Russian" means 1) "Russian" as ethnicity and 2) "Russian" as citizenship, but there are clear traditional differences of pronunciation and sense in Russia.

Since the middle-1990, the main document which defined the relations into the sphere of Ethnopolitics in Russia was the "Conception of the State National Policy of the Russian Federation" which was approved by Government of Russia in May 1996 and endorsed by the Decree of the President of Russia № 909 of June 15, 1996.

---

¹ *Национальный* состав населения Республики Татарстан. URL: <http://www.an-tat.ru/natsionalnyi-sostav-naseleniia-rt/>, свободный (дата обращения: 16.02.2012).

² *Вот* какие мы — россияне: Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. URL: <http://www.rg.ru/2011/12/16/stat.html>, свободный (дата обращения: 17.02.2012).

Many specialists often estimate this document as a great achievement¹.

Particularly the Conception declared the main principles of the State Ethnic Policy:

equality of human's and citizen's rights and freedoms regardless of his race, ethnicity, language, attitude to religion, belonging to social groups;

prohibition of any form of restrictions on the rights of citizens on social, racial, ethnic, linguistic or religious affiliation;

preserving the historical integrity of the Russian Federation;

equality of all subjects of the Russian Federation in relations with federal bodies of state authority;

guarantee of the rights of the small groups of indigenous people, in accordance with the Constitution of the Russian Federation and with the generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation;

promoting every citizen's right to determine and indicate his ethnic affiliation without coercion;

promoting the development of ethnic cultures and languages of peoples of the Russian Federation;

timely and peaceful resolution of contradictions and conflicts;

prohibition of activities aimed to undermine security of the state, inciting social, racial, ethnic and religious strife, hatred or enmity².

Despite its declarative nature, the concept was based on the assumption of the polyethnic Russian society as a reality to be reckoned and supported. The concept was intended to create opportunities for ethnic groups to preserve their own ethnic identity (along with the All-Russian), religion, language, education, ethnic culture and rights in some relevant issues for ethnic groups.

However, the concept has been criticized from all sides. A little later, the scientists noted "the doctrinal vulnerability of Conception", due to the weakness in the theoretical development of the correla-

---

¹ *Кокшаров Н. В.* Современная национальная политика России. URL: <http://credonew.ru/content/view/336/55/>, свободный (дата обращения: 17.02.2012).

² *Концепция* государственной политики Российской Федерации : утв. указом Президента Рос. Федерации от 15 июня № 909 1996 г. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/up/909/2051/>, свободный (дата обращения: 16.03.2012).

tions between the main identities — ethnic, civil, and each of them with the religious”¹.

The defenders of the ethnic rights noted that the provisions of the Conception were declarative and uncorroborated into practice, while the opponents led by Valery Tishkov, Director of the Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences, pointed the principal dangers inside the entitlement of ethnic groups, considering them as merely “statistical aggregate”. Thus, among the participants of the constituent congress of the Assembly of people of Russia in July 1998, only 5 % said that “The conception of the state national policy gives every reason for the consistent policy decision on the interethnic relation's problems,... 56 % think that what the document declared, is not implemented in the practical activities led by authority structures at various levels in the Center and in the periphery”².

Nevertheless, thanks to the influence of the Conception, several laws were adopted, including the federal law “On national-cultural autonomy” (№ 74 — FL of 17.06.1996 was). Law № 82 — FL of 30.04.1999, “On the guarantees for the rights of small indigenous people of the Russian Federation” (along with “The united list of small indigenous people of the Russian Federation”) put in the Russian legal field the concept of indigenous people and designated their status.

On the whole, the Conception declared respect for the ethnicity. Of course, this approach looks promising, and we hope that the development of the formation of a supra-ethnic education model in the “Russian nation” will be aimed to the achievement of inter-ethnic harmony.

However, the status, role and place of ethno-political processes in Russia and in the world has changed. And the attitudes towards them by the authorities are changed. Despite the new Russian government, formed after the victory of Vladimir Putin in the presiden-

---

¹ Губогло М. Н. Новая этническая политика России в XXI в. URL: <http://www.kazanfed.ru/actions/konfer6/doklad4/>, свободный (дата обращения: 29.03.2012).

² Иванов В. Н. Российская Федерация (кризис и пути его преодоления). М. : ISPI RAN, 1999. С. 7.

tial election in March 2000, declared the continuity of the old politics, in facts it changed its approach to this sphere.

In February 2001, parliamentary Hearings were first held on the draft federal law “On State National Policy of the Russian Federation”. This law was discussed many times in different circles, but has not been adopted.

In political practice, it has prevailed the approach that, in our opinion, cannot be called strictly scientific, even if the exponents of this view have often used primordial terminology and sometimes discussed with the chauvinist positions to demonstrate commitment to the ideas of instrumentalism and constructivism. V. Tishkov, for example, in 2000, pointed out that “special measures are needed for humanitarian intelligentsia of republics and for the non-Russian intelligentsia at the Centre, which are the major “unmasked imperial policy” of their own government on the territory of their own country. One of these emergency measures is the re-orientation of training of non-Russian young people towards professions that should be more useful for the society and its modernization (less philologists, historians, archaeologists, anthropologists and philosophers and more managers, social workers, psychologists, lawyers, administrators and others¹)”.

The English political scientist R. Sakva allocated four principles as the basis of the concept of the state construction of V. Putin; one of them is important for our study: the pragmatism supra-ethnic patriotism according to which the regionalism and aspiration to isolation should be prosecuted².

At the same time, in terms of rhetoric of “Renaissance of Russia”, in the absence of a conceptually thought over ethnic policy (which is sort of manifestation of a certain political position), throughout 2000 to November 2010 the ethno-political issues were forced out to the periphery of practical policy of the Russian central authorities. The authorities emanated from pseudo-scientific representation that the roots of problems of interethnic interactions are in

---

¹ Тишков В. А. Межэтнические противоречия и конфликты: перспективы нового тысячелетия // Тишков В. А. Этнология и политика. Научная публикация. М. : Наука, 2001. С. 144.

² См: *Саква Р.* Путин: выбор России : пер. с англ. М., 2005. С. 310—311.

economic problems¹, and the solution of the last, respectively, will lead to settlement of ethno political problems. Possibly, the statement of this tendency was based on the assumption of the circumstance that “the discourse of distinction acts as a distinction source”² which, considering aspiration of the authorities to consolidate society, was considered as stimulating multiculturalism and, respectively, disintegration. Actually this practice and impulsiveness led to ignoring of ethnic features and cultural distinctions, deterring ethno cultural and ethno political development of communities and societies as a whole.

The federal law № 309 caused big resonance in society; according to it, all the entrance examinations at the university should be accepted only in Russian language, what makes uncompetitive graduates from the schools who had learned in non-Russian languages. Still earlier, in November 2002, the Russian parliament added Art. 3 of the RF Law “On languages of the peoples of the Russian Federation”, the following paragraph: “In the Russian Federation, the alphabets of the state language of the Russian Federation and the official languages of the republics are constructed on the basis of the Cyrillic graphics”³ in reply of the Republic of Tatarstan Parliament’s decision about the gradual transfer of the Tatar language to Latin graphics.

Another unsuccessful attempt to find consent in a question of the state approach to ethno political affairs was undertaken in 2007 when the updated draft of the Conception of the state national (ethnic) policy of the Russian Federation was offered. However experts, including the deputy plenipotentiary envoy of the Russian Federation President in the Volga federal district V. Zorin, have criticized the project. The main direction of criticism concerned also a difference of

---

¹ См., например: *Интервью* с руководителем депутатской группы «Народовластие» Государственной Думы РФ. Н. И. РЫЖКОВЫМ // Этнополитология : учеб. пособие-хрестоматия / сост. и автор вступ. ст. В. А. Тураев. М. : Ладомир, 2001. С. 394—395.

² *Малахов В. С.* Культурный плюрализм versus мультикультурализм. URL: <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/5multcult.htm>, свободный (дата обращения: 03.03.2012).

³ *О внесении* дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации»: федер. закон от 11 дек. 2002 г. № 165-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 50. Ст. 4926.

practiced approaches and impossibility of application of purely constructive paradigm in the conditions of Russia: “If we have to speak about a scientific and methodological paradigm of the Conception, it should be noted that it is written within a constructivist paradigm. The constructivist paradigm in its pure look means completeness of processes of modernization in all social groups, including ethnic. Speaking about Russia, we can't observe it. Specifics of the Russian Federation is just that in its territory are presented the Russian nation (that now it is accepted to call Russian ethnic group) and a conglomerate of the various ethnic groups being at different steps of modernization that very complicates the definition of the object of national policy from the point of view of this concept. Thus, to some ethnos (the peoples of Far North) this Conception can't be applied purely methodologically. At this stage, in many members of the Russian Federation the realization of the state national policy (in the Volga federal district — in the republics) is based on the primordial paradigm, therefore the combination or coordination of this concept with an already continuing programs of ethno cultural development in regions are excluded by definition, because the implemented approaches to definition of a phenomenon of ethnicity start from opposite views”¹.

There are a lot of examples of the domination of the primordial approach when declaring commitment to ideas of constructivism and an instrumentalism; it is observed in the statements of federal officials of high level and scientists, including the director of the authoritative Institute of ethnology and anthropology of the Russian Academy of Sciences.

The result is this interpretation of the national (supra-ethnic) integration in modern Russia, when it actually turns into the integration of Russian ethnic groups and the assimilation of non-Russian ethnic-profit groups (including indigenous ethnic groups) on the basis of Russian language and Russian ethnic culture, with possibilities of obtaining the education for all in Russian language only.

---

¹ Зорин В. Оценка проекта Концепции государственной национальной политики Российской Федерации. URL: <http://forum.tatar.info/index.php?showtopic=4681>, свободный (дата обращения: 17.02.2012).

This approach was confirmed by Vladimir Putin as well, on March 4th, 2012, when he had been elected for the third time as a president of the Russian Federation. After a decade of “oblivion”, ethno-political contradictions in Russia have expressed themselves very clearly in open conflicts on ethnic grounds in Moscow and in other Russian cities in December 2010. The government recognized the urgency of the problem and also the lack of thoughtful options for resolving the situation. In one of his last program articles Putin says: “We need a strategy of ethnic policy, based on civic patriotism. Any person living in our country, should not forget about his faith and ethnicity. But he must, above all, to be a citizen of Russia and be proud of it”¹.

In a situation of lack of well thought concept of the state ethnic policy the statements by Vladimir Putin are full of contradictions. He tries to equate the Russian ethnic identity with the Russian civil identity, noting: “Self-determination of the Russian people: a multi-ethnic civilization, fastened by the Russian cultural core. This civilization identity is based on the preservation of Russian cultural dominance, which is based not only on [ethnic] Russians, but also on all the vehicles of such identity, regardless of nationality [ethnicity]”. And also: “The core, the pivot on which this unique civilization revolves is Russian people and Russian culture. Russian people are a State-constituent — in fact of the existence of Russia. The Great Russian mission is to unite, to bind civilization”¹.

This attempt to interpret the Russian identity as based not on ethnicity but on a national (civil) basis is not perceived by neither Russian “patriotic” movements, nor by many defenders of the interests of the other people of Russia.

Thus, D. Rogozin, leader of the “national-patriotic” organization “Rodina — The Congress of Russian Communities” supported care and concern about the problems of ethnic Russian, but wanted “to supplement and develop Putin’s article”, stating in this regard: “Today the Russian people live in the largest divided nation in Europe. In many countries where our fellow countrymen live, they are still subjected to discrimination based on ethnic and linguistic grounds. We must stop the ethnic degradation and encourage the Russians to

---

¹ Путин В. Россия: национальный вопрос // Независ. газ. 2012. 23 янв.

the national reunion. And to cope with this task only Russian patriots being an integral part of the authorities can feel and be aware of this problem and passionately desire to solve it. Today, the great Russian language, Russian history and Russian culture need protection from attacks by aggressive Russophobes both abroad and in Russia itself¹.

At the same time, the supporters of the ethnic interests are worried that the integration is proposed and realized by Russia's political elite on the basis of the Russian ethnic culture. It has been noted that this approach once again (as in Soviet times) constructs a hierarchy of ethnic groups, contradicting the Constitution of 1993 regulations and the current legislation on equal rights of citizens regardless of ethnicity, religion, language. For example, Rashit Akhmetov, founder and chief editor of the newspaper "The Volga Area Star" in Kazan, capital of the Republic of Tatarstan, in response to quoted Putin's article writes: "This is the imperial program. Putin defends... in fact, the concept of soft assimilation" and refers to these calls as "a direct violation of the Constitution of the Russian Federation", when to representatives of non-Russian people that make up the numerical and political minority in Russia, "once again is gently offered in exchange for the career to refuse their own religion and even culture, because cultural domination entails the suppression of the weaker culture"².

It should be noted that the party that was used to implement the ethno-nationalist rhetoric (Liberal Democratic Party of Russia, the electoral bloc "Rodina"³) has always enjoyed some support among voters, but it never had the majority in the Russian parliament. However, on the eve of parliamentary elections in December 2011, ethno-nationalist statements of some government officials and prominent

---

¹ *Рогозин Д.* Русский ответ Владимиру Путину. URL: <http://www.izvestia.ru/news/513702>, свободный (дата обращения: 23.03.2012).

² *Ахметов Р.* Нация // Звезда Поволжья. Казань. 2012. 26 янв. — 1 февр.

³ См., например: *Михайловская Е.* Фракция «Родина» в контексте националистического дискурса в Государственной Думе // Русский национализм: социал. и культур. контекст / сост. М. Ларуел. М.: Новое лит. обозрение, 2008. С. 33—72.

politicians, claiming positions in the Russian political establishment began to appear more frequently¹.

The simultaneous presence in the social, political and scientific discourses in Russia of primordial, on the one hand, and instrumentalist, and constructivist approaches, on the other hand, confirms the opinion of A. Akhiezer that the contemporary Russian society, “has expanded beyond traditional, but so far hasn’t been able to transcend the boundaries of liberal civilization”². On the other hand, perhaps this reflects the specific of Russia or “the consistent pattern of our time”, given that the issues of intercultural interaction have become topical in recent times in many countries that have been considered in this regard “prosperous”.

Other authors emphasize the diversity of Russia's population, “representing the entire range of the presently known types and levels of economic development — from a purely agrarian to near post-industrial”³. The regions of the Russian Federation have very different levels of economic development and, given the availability of the traditional settlement of many ethnic groups, sometimes the social divisions coincide with ethnic ones. Obviously, this situation requires to take into consideration the diversity of the characteristics of the different groups.

Despite the inclusion of Tatarstan in the national process, the situation in republic is markedly different from the rest of Russia, not only in the specific ethnic and cultural composition of the population, but also in the state of affairs in the sphere of ethnic policy. This is often referred to the merits of Tatarstan's leadership, which has been likely to make full use of the few opportunities that the Russian legislation provided in this sphere. In particular, in the republic in May 1992 the First Congress of the Republic of Tatarstan Peoples was convened and the Association of National Cultural Societies of

---

¹ Павлова С. С приближением парламентских выборов количество националистических высказываний на российской политической арене возросло. URL: <http://www.svobodanews.ru/content/article/24327392.html>, свободный (дата обращения: 29.03.2012).

² Ахиезер А. Российский либерализм перед лицом кризиса // Обществен. науки и современность. 1993. № 1. С. 12.

³ Исаев Б. А., Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2008. С. 383.

the Republic of Tatarstan was established, in 2004 renamed as the Association of national-cultural unions, and in 2007 converted to the Assembly of the people's representatives living in the territory of the Republic of Tatarstan (Assembly of the People of the Republic of Tatarstan)¹.

Despite this, in the course of our empirical research in the Republic (which will be discussed below) in November 2011 respondents repeatedly stated that they have managed to maintain interethnic peace in many ways not because of but in spite of the efforts of some politicians.

The concerns of the inhabitants of multi-ethnic regions of Russia about the state of interethnic relations in their republics had testified the results of representative surveys in the recent years. In the spring of 2002 concerned people in the republics of Bashkortostan and Tatarstan were almost two-thirds of the adult population, and in the republics of Mari El and Udmurtia — almost half².

After 10 years, as the results of surveys, the tension in this sphere has only grown; we believe that this is a peculiar result of a current policy of “ethnic nihilism”, but this is an insufficient and one-sided consideration of the ethnic factor in practical politics. According to the All-Russian representative survey conducted by the Yuri Levada Analytical Center 24 on January 31, 2011, 58 % of Russian citizens in one or another form supported the slogan “Russia — for the [ethnic] Russian” and only 24 % are openly against it, considering it a manifestation of fascism; a wide number of Russian citizens (68 %) responded that they considered duty of government to limit the arrival of immigrants, 54 % of the respondents admitted the possibility of mass bloody inter-ethnic clashes and conflicts in Russia at present³.

Inter-ethnic clashes in Moscow and in other major Russian cities which took place in December 2010 have shown the failure of the

---

¹ *Ассамблея народов Татарстана*. URL: <http://www.an-tat.ru/?id=3>, свободный (дата обращения: 27.03.2012).

² См.: *Губогло М. Н.* Новая этническая политика России в XXI в. URL: <http://www.kazanfed.ru/actions/konfer6/doklad4/>, свободный (дата обращения: 29.03.2012).

³ *Национализм в современной России*. URL: <http://www.levada.ru/press/2011020407.html>, свободный (дата обращения: 02.03.2012).

pursued policy of ethnic nihilism and silence of the existing problems in this sphere. The authorities and society are faced with obvious serious problem, but noted the lack of ready-made its decision. The policy has changed, and the first result of such rethinking was the appearance of new “Strategy of National Policy of the Russian Federation” (hereinafter — the “Strategy...”). On this basis adopted other normative documents.

Currently, the key legal documents regulating the sphere of ethnic policy in Russia are:

1) Presidential Decree of December 19, 2012 № 1666 “On the Strategy of the state national policy of the Russian Federation until 2025”;

2) Order of the Government of the Russian Federation of July 15, 2013 № 1226-p approving the action plan for implementation in the 2013-2015 Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period until 2025;

3) Resolution of the Government of the Russian Federation dated August 20, 2013 № 718 “On the federal target program “Strengthening the unity of the Russian nation and the ethnic and cultural development of the peoples of Russia (2014 — 2020)””.

“Strategy...”, adopted by the Decree of the President of the Russian Federation in December 2012, replaced the “Concept of the state national (ethnic) policy of the Russian Federation 1996”, and declares its succession.

Compared with the “Concept of a national policy ... 1996”, “Strategy... 2012” is a more holistic in its content, but it does not mean its better quality. It reflects the will of the modern Russian political elite, but it don’t evidence of conceptual elaboration of inter-ethnic relations problems in Russia. The required scientific basis of this document absent, primordialist and constructivist approaches alternate.

The dynamics of ethno-political processes in Russia currently has changed much compared with the early 1990’s when they determined the vector of political events in the country. However, the traditional Russian primordial understanding of the nation saved. Very often in everyday life, in politics and official documents the “nationality” means “ethnicity”, “ethnicity”.

The internal division of the Russian society into ethnic groups, confirming the inability of Russia to the pure constructivist approach, has been proved by the results of our study in Naberezhnye Chelny — large provincial Russian town with 500.000 inhabitants.

Ethnic relationships beyond young people in the city of Naberezhnye Chelny: our research

Everywhere in the world it is complex to study the interethnic and interreligious relationships between different groups. It is difficult to define clearly the differences between believing, attitudes and behaviours, to distinguish the interaction between the personal and the collective spheres, to evaluate the intensity of an attitude or a behaviour and its consequences.

Many times the ethnic or religious conflicts are hidden: people don't admit them, or at least they are not aware to act them. The difference generates conflicts, and the structure of the society can manage them in different ways. In Tatarstan, in the city of Naberezhnye Chelny, ethnic and religious conflicts don't seem an emergency. Walking in the streets, you can see people from different ethnic groups living together peacefully, and rarely you can read on the newspapers about dramatic happening or clashes. Starting from the consideration that a situation of stability and peace doesn't mean that the conflict is absent, our aim had been to have a deeper understanding of the interethnic and interreligious relationships between young people in the city of Naberezhnye Chelny.

How big is the influence of nationality and religion in the life of young people? How much do religion and nationality influence the building of their identity, the friendships, the sentimental life? How much do the young people perceive that ethnicity and religious affiliation can play a role in the school and working careers? What do they think about the interethnic and interreligious relationships in the city? Do they recognise some discriminations? Do they feel discriminated?

The research sample

We have tried to find some answers to these questions asking directly to young people, submitting a questionnaire to a sample of 266 university students in Naberezhnye Chelny, aged from 19 to 21 years old. The composition of the sample tries to reflect, even if not

exactly, the demographic situation of the city, and so we have the two big groups of the Tatars (69 males and 67 females: 25,9 % and 25,2 %) and of the Russians (40 males and 54 females: 15 % and 20,3 %), and smaller groups of people with a different nationality (10 males and 6 females: 3,8 % and 2,3 %) and of people with parents from two different nationalities (9 males and 11 females: 3,4 % and 4,1 %).

We have discussed the main finding of the questionnaire in focus groups with some of the students, with the aim to put qualitative elements on the quantitative data, to obtain a deeper understanding of the complexity of the reality.

The results

In the following lines we are presenting the main findings from the questionnaires and the most meaningful remarks expressed during the focus groups, collected in some big sub-themes:

Religion and atheism.

National and religious identity.

Influences of ethnicity and religious affiliation on the choice of friendships and partners.

Influences at school and at university.

Influences on the working career.

Perception of inter-ethnic and inter-religious relationships in the city.

Perception of inter-ethnic and inter-religious discriminations in the city.

Personal experiences of inter-ethnic and inter-religious discriminations.

Religion and atheism

The most impressive data is the high number of Russian males (17,5 %) that consider themselves atheist, almost the double than the females' percentage (9,4 %). The number of atheists is smaller in the Tatar group, but in any case meaningful: 10,7 % males, 7,6 % females; it's also interesting to note that a few of Tatars males (4,5 %) and females (3 %) are Christian Orthodox.

Also a wide number of people from mixed marriage is atheist (44,4 % males, 18,1 % females).

During the focus groups, people admitted that most of the young people consider themselves Christian or Muslim, but they don't prac-

tice and don't respect the religious rules. In the opinion of some Russian girls, religious education is stronger in Tatar families:

Russian female: "The religious attitude comes from childhood. In Tatar families religious education is stronger, in Russian families is more free and bland".

National and religious identity

For 54,7 % of the sample national identity is very important (for 34,7 % absolutely important); only for 13,6 % it is not important. National identity is very important for most of the Tatars (52,9 % males, 70,1 % females) and of the Russians (50 % males, 46,3 % females), and for people from other minority groups (50 % males, 66,7 % females); it's more important for females than for males. It is less important for people from mixed marriages (only 11,1 % of males and 36,3 % of females consider it very important). During the focus groups, Tatar people confirmed the importance of their national identity and recognised some elements that strengthen such identity in the policies of the local governments, in the Tatars schools, in the Tatar holidays, in Tatar language.

For 47,5 % of the sample religious identity is very important (for 25,1 % absolutely important), but for 20,5 % is not important. Religion is very important mostly for Tatars (41,5 % males, 66,7 % females) and for Russians males (47,5 %, compared to the 39 % of the females), but for 20 % of Russian males and 24,1 % of Russian females it's not important. Religion is not so important for 77,8 % of males and 27,3 % of females from mixed marriages. During the focus groups, people confirmed that religious identity is not so strong as ethnic identity and found some reasons in the secularisation and in the hostility against religions during the Soviet age.

Friendships and partners

Russians have stronger friendships with Russians (72,5 % of males and 65,7 % of females have Russian best friends), and Tatars with Tatars (68,8 % of males and 65,8 % of females have Tatar best friends). Most of the Tatars have Tatar boyfriend/girlfriend (72,5 % males, 74,1 % females); most of the Russians have Russian boyfriend/girlfriend (83,3 % males, 76,1 % females). People from mixed marriages have mostly Russian boyfriend/girlfriend (83,3 % males, 70 % females).

Boys and girls liked to speak about friendships and love:

Tatar female: "I have studied in a Tatar school, so it's normal that my friends are Tatar. We can speak Tatar or Russian".

Russian female: "I haven't got Tatar friends because it's easier for me to communicate with Russian people. I don't know why, but this is true".

Tatar female: "It's easier for me to have Tatar friends because we receive the same education from our parents".

Tatar female: "I'm Tatar, my boyfriend is Russian, but I would like to have a Tatar boyfriend in the future, because my parents are Tatar, they will have a better relationship with him".

Russian female: "If you are Russian, your partner must be Russian; if you are Tatar, your partner must be Tatar. We have to keep the family traditions".

Russian female: "Religion is more important than nationality. Muslim parents want they sons in love with Muslims. I know some Russian families where the parents don't want for the children Muslim partners".

Tatar female: "At school I had stereotypes, I thought that Tatar boys were more polite and Russian boys more funny. When I was at school I wanted a Tatar husband, but now I prefer Russian boys. Tatar boys have particular behaviors, they are too jealous".

Influences at school and at university

National identity hasn't influenced the career at school and university for most of the people (80,3 %), but, in their opinion, it has been a positive factor for 18,2 %, more for Tatars (26,1 % males, 25,4 % females) than for Russians (12,8 % males, 9,3 % females); in the focus groups, some Tatars talked about the importance of attending Sunday schools to develop their moral attitude.

For 81,1 % of the sample the religious affiliation hasn't influenced the career at school and university, while for 18,9 % it has played a positive role, above all for Russian males (27,5 % compared with 7,4 % of Russian females) and Tatar males (24,6 %) and females (22,7 %).

Influences on the working career

Nationality will not influence the working career for most of the people (79,4 %), but it is going to be a positive factor for 18 % of the

sample, mostly for Tatar males (24,6 %; 16,4 % females) and males from minority groups (30 %): so, mostly for males.

For 82,2 % religion won't influence the working career, while for 17,8 % it will play a positive role (above all for Russian males: 30 %; Russian females 9,6 %; Tatar males 21,2 % and Tatar females 16,9 %): so, again mostly for males. It will have a positive influence also for people from minority groups (30 % males, 20 % females).

During the focus groups, people discussed vivaciously on the themes of the employment:

Russian female: "If you are Russian and you study political sciences, it will be harder for you to find a job because most of the employers in the administrative offices are Tatar. Tatars can easily find a job".

Tatar female: "Tatars are stronger only in Tatarstan. In Russia they meet many difficulties to find a job in the political departments, because in Russia Russian people have dominant positions. Russia will never have a Tatar President. There is only a Tatar minister in the Russian government".

Moldavian/Tatar male: "If a Tatar is the chief of some office, he usually calls relatives or other Tatar people to work in his office. Tatar people do in this way more often than Russian people".

Perception of inter-ethnic and inter-religious relationships in the city

About half of the people (55,5 %) considers excellent (11,3 %) or positive (44,2 %) the inter-ethnic relationships in the city, but 43,4 % says that there are some problems.

Mostly the females (40,9 % Tatars, 63 % Russians, 50 % from minority groups, compared with males: 37,7 % Tatars, 32,5 % Russians and 30 % from minority groups) declare that there are some problems. 55,6 % of males and 36,4 % of females from mixed marriages declare some problems. 5 % of Russian boys declare many problems.

For 72,2 % of the sample the inter-religious relationships in the city are positive (60,1 %) or excellent (12,1 %), but for 27,4 % there are some problems. Females recognise problems more than males, and Tatar males recognise problems more than Russian males (27,5 % Tatar males, 33,8 % Tatar females; 7,5 % Russian males, 35,9 % Russian females).

During the discussions in the focus groups, ethnic and religious elements were often together:

Moldavian/Tatar male: “In Kazan many Russian people are getting more nationalistic, maybe because in Tatarstan most of the people are Russian, but the leaderships positions belong to Tatar men and women”.

Russian female: “My brother is married with a Tatar woman, and they have a son. The nationality of the son must be the one of the father, but their son is registered as a Tatar, it had been a mistake. My brother is very angry because his son speaks Russian, he’s Russian”.

Tatar female: “There aren’t religious problems in the city, we respect each other”.

Moldavian/Tatar male: “On Internet there are many forums about this subject. Many people disagree with the building on new mosques, they say that there are more mosques than churches”.

Russian female: “Last summer a church had been burnt and we thought at the Tatar nationalists, but nobody knows the truth”.

Russian female: “Tatars are sometimes discriminated because there are terroristic organizations and we think that some Muslims have the leadership”.

Perception of inter-ethnic and inter-religious discriminations in the city

For 68,9 % of the sample no ethnic groups are discriminated, but for 18,4 % some minority ethnic groups (different than Tatars and Russians) are discriminated. Some Russians (7,3 % males, 7,4 % females) think that Russians are discriminated, and a smaller percentage of Russians (4,9 % males, 5,6 % females) think that Tatars are discriminated. Some Tatars (8,7 % males, 13,4 % females) think that their group is discriminated, and some (1,4 % males, 7,5 % females) think that Russians are discriminated. Males are more convinced that there aren’t ethnic discriminations (71 % Tatar males, 73,2 % Russian males, 80 % other groups males, 66,7 % males from mixed marriages; 68,7 % Tatar females, 64,8 % Russian females; 66,7 % other groups females and 54,5 % females from mixed marriages). During the focus groups, almost everybody said that people from Caucasus are the most discriminated in Tatarstan and in the whole Russia:

Russian female: "They are everywhere in Russia".

Tatar female: "Somebody thinks that they smell bad, because they do hard and dirty jobs".

Russian female: "Girls in Russia are more independent, while Caucasian girls are slaves of their husbands, they are very different and difficult to understand".

Moldavian/Tatar male: "People from Caucasus usually don't do anything wrong, but we don't like them also because they are more religious than us. They are more Muslim than Tatar people. Tatar people are not discriminated in Tatarstan, but they are discriminated in Russia. If you look like a Caucasian man or woman, you can be discriminated".

For 77,1 % of the sample there aren't religious groups that are discriminated, but for 12 % some religious groups, different from Christian Orthodox and Muslims, are discriminated. Similar percentage of Tatars and Russians (and a bigger one between people from mixed marriages) think so. Christian Orthodox and Muslims are discriminated for 4,5 % and 6,4 % of the people. Only 2,6 % of Russian males and 1,9 % of the females think that Orthodox are discriminated; also 5,7 % of Tatar males think so, and 3 % of the females. 10,6 % of Tatar females, and 8,6 % of males, think that Muslims are discriminated. 9,1 % of the males and 8,3 % of the females from mixed marriages think that both (Muslims and Orthodox) are discriminated.

Personal experiences of inter-ethnic and inter-religious discriminations

11,7 % of the people admits to have suffered discrimination because of their nationality (6,8 % of them rarely, 4,9 % sometimes). Tatars have been discriminated more than Russians (Tatar males: sometimes 7,2 %, rarely 5,8 %; Tatar females: sometimes 4,5 %, rarely 10,6 %; Russian males: sometimes 0 %, rarely 2,5 %; Russian females: sometimes 3,7 %, rarely 3,7 %). More people from minority ethnic groups declare to have been discriminated (20 % males and 16,7 % females), and also people from mixed marriages (11,1 % males, 27,3 % females). Most of the discriminations (62,2 %) happen in different places than school (18,9 %) and streets (18,9 %). Most of the discriminations are characterised by verbal violence (78,1 %; 0 %

physical violence, 21,9 % other kinds of violence) and are carried by young people (51,4 %; 42,9 % adults, 5,7 % old people).

95 % of the people has never been discriminated because of religion; 4,6 % rarely, 0,4 % sometimes.

7,5 % of Russian males, 6,1 % of Tatar females and 4,4 % of Tatar males have been rarely discriminated (0 % Russian female). 1,5 % of Tatar females are sometimes discriminated. 22,2 % of males from mixed marriages have been discriminated (0 % females). Religious discriminations happen in the street (26,7 %) and in other places (60 %), rarely at school (13,3 %). They manifest with verbal violence (86,7 %) or in other ways (13,3 %), never with physical violence. They are carried by young people (64,7 %) or by adults (23,5 %), rarely by old people (11,8 %).

Interpretation of the results and discussion

Our research evidences two big results. The first one is that national and religious identity is very strong in many young people and influence their social, familiar and sentimental life. The second one is that students perceive some ethnic and religious conflicts in their city and in their region.

Ethnicity and religious attitudes are often mixed in the speeches and in the believes: the two bigger groups (Tatars and Russians) represent the two bigger faiths (Islam and Orthodox Christianity), even if their behaviors reflect a strong secularization. National identity is very important for a wide number of Russians and Tatars, for girls more than for boys. On the Russian side, we can interpret the data as the will to manifest the difference from the majority group in Tatarstan and the belonging to the bigger country of Russia. On the other side, Tatar people look pride to be the leading group in their own ethnic republic, but in the same time they feel themselves as citizens of the whole Russia. Some elements seem to strengthen the Tatar national identity: the existence of a Tatar parliament, with a Tatar president and most of the politicians that are Tatar; the policies of the local municipalities, that validate and enhance Tatar culture and Tatar belongings; the Tatar calendar of holidays and folk manifestations; the existence of the Tatar language, that can be learnt at school and mostly inside families, and that is strictly connected with Tatar culture and tradition.

It's interesting to note that national and religious identities are not so important for many of the boys and of the girls that have parents from two different ethnic groups and have been grown up in an atmosphere of mediation and contamination between the different national and cultural models.

National and religious identities exert big influences on the social relations: Tatar boys and girls have mostly Tatar friends and boyfriends/girlfriends, while Russian boys and girls have mostly Russian friends and boyfriends/girlfriends. This fact allow us to put some questions on the role of schools and family education. Some of the Tatar parents decide to send their children to Tatar schools, where they meet mostly Tatar classmates and study Tatar culture in a deeper way. The contact with children and teenagers from other ethnic group is very rare during the school time and, when family friends are also Tatar, in the whole day. The absence of contact make harder the building of friendships between children from different nationalities, and some stereotypes can grow.

Many Russian boys and girls considers Tatar families more closed and reserved, with a different family education. Despite the secularization process, they consider some Muslim tradition as an obstacle for the relationships, above all for the choice of a Tatar partner. Our impression is that Russian people don't know very much about the cultural and religious education in Tatar family and, on the other side, Tatar people don't understand deeply the Russian and Christian education (if it can be possible, nowadays, to talk about Christian education). Russians and Tatars live together in peace, some of them are friends, maybe best friends, and spend a lot of time together, but there is not enough understanding of the neighbors' expressions and culture. Our impression is that in Tatarstan every different ethnic group has the possibility to express its own culture and tradition, but there aren't enough moments of dialogue and discussions about the respective positions. The conflicts exists, they are not so violent, but people prefer not to talk about them.

Almost half of the boys and girls admit that there are some interethnic and interreligious problems in the city of Chelny, and most of the conflicts remain at the level of the attitude and personal beliefs. Some of them involve the working sphere: some Tatars ad-

mit, and some Russians accuse, that to be Tatar and to speak Tatar language can help to find a better job in Tatarstan, but the situation is the opposite in the rest of Russia. Even if some Russians and some Tatars perceive their own group as discriminated, and Tatars more than Russians tell to have been personally suffered discrimination, above all verbal violence, almost everybody considers Caucasian immigrants as the most discriminated in Tatarstan and in the whole Russia.

Conclusion

Our research suggests the following conclusions.

Ethnic and religious identity in Russia as a whole and its regions continues to be an actual issue, and this circumstance should be taken into consideration in the political practice.

On one hand, the current Russian government recognizes the high importance of social diversity and the state of interethnic relations and, according to Russian ex-President and current Prime Minister Dmitry Medvedev, the solution of problems of social stratification is considered a criterion to evaluate the effectiveness of government policy¹. On the other hand, Russia does not have a contemporary and adequate concept of the state ethnic policy.

In modern Russia, the debate about the nature of multiculturalism is usually accompanied with criticism (often, in our opinion, unfounded) by the foreign policy practices of multiculturalism. In this context, multiculturalism is often presented as a political practice that occurred in the past and proved to be unsuitable. In this case, we think that the importance of correspondence of any policy to the social reality is often ignored; speaking about the Russian Federation it means the need to consider in the practical the politics of multicultural nature of Russian society and the assumption of multiple identities.

In contrast, within the current political course exhibited by some politicians and researchers the specifically “ethnic nihilism” only serves the actual increase of the ethnic factor in the political con-

---

¹ *Христенко А.* Медведев: мы должны развиваться гармонично и постепенно. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=563887&cid=5>, свободный (дата обращения: 23.03.2012).

science of the multi-ethnic population in Russian Federation. Most clearly repolitization of ethnicity with the most powerful mobilization potential takes place in the North Caucasus republics. Coupled with the lack of adequate federal government policy in other spheres the experts have evaluated the scenario evolving in this region of Russia as a moderately negative¹.

The lack of ethnic representative organs in the power in a analyzed cannot be considered as an effective deterrent of ethnopolitical mobilization, which can occur even now in out-institutional activities and should be institutionalized in the medium-term and long-term prospective.

The effective management of multicultural Russian society requires an adequate consideration of the established and stable, objectively existing social identities (such as nationwide, as well as ethnic, cultural). It is also necessary the political participation of cultural groups, as collective actors, without which the regard to their interests is impossible. In its turn, it requires a recognition in the political and law theory, and the practice of the social and political subjectivity by the ethnic groups as corresponding of their nature.

At this moment the underestimation of positive potential of ethnic groups in improving the legislation and practical implementation of the declared principles and purposes of the state ethnic policy is obvious. The reasons of this phenomenon are underestimating (or negative evaluation) of legal subjecthood of ethnic groups in various areas of public life, including politics. The lack of adequate consideration of the interests of ethnic groups during the practical ethnic policy leads to lack of channels to meet them and to the growth of dissatisfaction and social tensions.

One way to overcome the negative effects are proportional representation of ethnic groups in the government, the involvement of the ethnic groups themselves and their representatives to make decisions that directly affect their interests.

---

¹ См.: *Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа* / отв. ред. Г. Г. Матишов, В. А. Авксентьев. Ростов н/Д : Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 334.

Disregarding the objective realities, not based on the stable ethnic and cultural identity in Russian society, the manipulative potential of the constructivist political technologies is very limited and it will inevitably lead to failures in practical politics and in the formation of a national (supra-ethnic) identity.

Дина Аманжолова

*доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Института российской истории Российской академии наук*

Москва, Россия

СОВЕТСКАЯ ЭТНОПОЛИТИКА ГРАЖДАНСКОЙ КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВА

Споры по поводу реалистичности и реализованности проекта полиэтничной общности «советский народ» не утихают. Особенно показательны они в связи с украинским кризисом, который вслед за «цветными революциями» в других постсоветских республиках и оживлением националистических настроений в среде квазилиберальной интеллигенции этих стран и России показывает: отрицание исторического факта жизнедеятельности поликультурной гражданской общности в СССР подталкивает к отрицанию и возможности использования нашего общего наследия как сильного преимущества в развитии новых интеграционных связей между народами и странами Евразии.

В истории складывания социально-культурной целостности «советский народ» пересекаются два основополагающих принципа — территориальной целостности государства и самоопределения народов. Национальная политика включала в себя политизацию этничности и этническое картографирование, социально-экономическое развитие и спонсирование национальностей для их всесторонней модернизации, большевизацию бюрократии и «коренизацию», идеологию, пропаганду, образование и культпросвет как инструменты прогресса народов и межкультурной интеграции.

Этническое картографирование оказалось достаточно сложным и имело неоднозначные последствия, в том числе обусловило «матрешечный» каркас федеральной организации территории страны. Формы политического самоопределения народов СССР в определенной степени содействовали институционализации этнических общностей, давая импульс форсированной перестройке этносоциальных структур и отношений, обновлению и интеграции этнополитических элит в общесоюзную систему власти. Одним из важных факторов межэтнических отно-

шений и роли этнических компонентов в самосознании граждан был постоянный рост кросс-культурных контактов¹.

В конце 1930-х гг. в паспорте была введена графа «национальность» и проведена перепись населения, основанная на новых подходах. Число национальностей с учетом ускоренной аккультурации и стремления к искусственно упорядоченной структуре сократилось до 120². По мере развития и укрепления государства общая линия на унификацию административно-территориального устройства страны и гомогенизацию социальной жизни при объективно огромном этнокультурном разнообразии населения СССР должна была привести к необходимости отказа от этнического принципа территориальной и управленческой организации регионов.

Объективная потребность в целостности страны понуждала укреплять, развивать хозяйственные связи, транспортные коммуникации. Техническая взаимопомощь и сотрудничество усиливали межкультурную интеграцию представителей разных республик и национальностей³. Одновременно происходил рост мультикультурности регионов и смешанных браков (1959 г. — 10,2 %, 1979 — 14,9, 1989 г. — 17,5 %) ⁴. Готовность многих людей селиться и жить на территории других республик вместе с представителями других народов, активные миграционные процессы укрепляли навыки позитивного взаимодействия в учебных заведениях, трудовых коллективах, армии. Важную роль играло владение русским языком представителями других

---

¹ *Котов В. И.* Межэтническое взаимодействие // Рос. многонационал. цивилизация: Единство и противоречия. М.: Наука, 2003. С. 206. Автор достаточно подробно показал влияние изменений в национальном составе этнополитических образований в СССР на межэтническое взаимодействие и взаимообогащение народов в районах совместного проживания.

² См., в частности: *Кадио Ж.* Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897—1939 гг.) // *Ab imperio*. 2002. № 4. С. 177—206.

³ Подробнее см.: *Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия*. М.: Наука, 2003. С. 158—181.

⁴ *Котов В. И.* Указ. соч.; *Вдовин А. И.* Русские в XX веке. М., 2004. С. 249; *Уманский Л. А., Шаболдин С. С.* Годы труда и побед. 1917—1987: Полюяр. справ. М., 1987. С. 291.

национальностей: 1970 г. — 48,7 %, 1989 г. — 81,9 %¹. В 1979 г. 16,3 млн представителей разных народов назвали родным русский язык, 61,3 млн одинаково свободно владели родным и русским языком². В целом рост вертикальной и горизонтальной мобильности, наряду с господством общекультурных практик, усиливали межэтническое взаимодействие. Социально-экономическая модернизация национальных регионов обусловила изменение внутриэтнической социальной структуры. Интернационализация при централизации государственного устройства и унификации в 1960—1980-е гг. не остановили развитие этнического самосознания.

Административный аппарат в его высшем звене сразу складывался как многонациональный³. Укрепление позиций местных элит определялось ее значением в конструировании «позитивной этничности» в регионах, которая выражалась в поддержке власти при сохранении собственной культуры и местных традиций⁴. В обучении партийно-советской бюрократии и управленцев в целом для республик и автономий основное внимание уделялось идеологической подготовке. Этносоциальная специфика в программах обучения чиновников трактовалась как неотъемлемая часть учения о классовой борьбе и позже в рамках принятого тезиса о том, что национальный вопрос успешно решен. Контроль за этническим балансом в руководстве национальных регионов в 1960—1980-е гг. был одним из важных элементов набора установок для ежедневного функционирования советского общества.

Этносоциологи констатировали сокращение доли русских во всех республиках во 2-й половине XX в., с увеличением доли

---

¹ *Полынов М. Ф.* Проблемы и противоречия в развитии национальных отношений в СССР в 1970-х — первой половине 1980-х гг. // *Общество. Среда. Развитие (TERRA HUMANA)*. 2008. Вып. № 2. С. 12.

² *Уманский Л. А., Шаболдин С. С.* Годы труда и побед. 1917—1987. С. 283.

³ *Сахаров А. Н., Жиромская В. Б.* Облик народа к началу Великой Отечественной войны // *Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг.* М., 2010. С. 37.

⁴ См.: *Чеботарева В. Г.* Сталин и партийно-советские национальные кадры // *Вопр. истории*. 2008. № 7. С. 3—25; *Северный Кавказ в национальной стратегии России / под ред. В. А. Тишкова.* М., 2008. С. 116.

коренного населения, снижением численности русских в целом (1970 г. — 52,4 %, 1989 г. — 50,8 %). Принципиальным был рост доли занятых умственным трудом¹. Производственная интеллигенция стала самой многочисленной у большинства народов союзных республик, вместе с научной и гуманитарной она формировала мораль и нравственность, умонастроения народа. В партийно-государственном аппарате республик участие русских снижалось, особенно в Закавказье и Прибалтике². В докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии в 1981 г. был выделен раздел о межнациональных отношениях, где республиканским парторганизациям рекомендовалось учитывать культурно-бытовые интересы лиц некоренных национальностей и их представительство в органах власти³. Однако именно партийные органы республик, приобретая все большее ощущение самодостаточности, не смогли одновременно приобрести необходимую ответственность за сохранение межэтнического согласия и недооценили скопившийся к середине 1980-х гг. на местах конфликтный потенциал.

Жесткое социальное структурирование советского общества обуславливало приоритет именно общих установок и ценностей, нежели этнических, которые должны были вписаться в «негомогенное целое» согражданства и в то же время оставаться выделенными. Гарантией «расцвета и сближения» народов, их спонсором и руководителем выступали облеченные властью институты. Государство одновременно решало две стратегические задачи: укрепление советского единства, нивелирующего национальные различия, и возвышение этничности.

Развитие языков, создание письменности, обучение на родном языке и этнокультурный компонент в содержании образования были важнейшей частью национальной политики. Политико-массовая и культурно-просветительная работа, создание

---

¹ Дробизева Л. М. Этнодемографические и социальные изменения в жизни национальностей в 1970—1980 гг. // Этничес. и религиоз. факторы в формировании и эволюции рос. государства. М.: Новый хронограф, 2012. С. 346, 348.

² Там же. С. 350, 352.

³ XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М., 1981. Т. 1.

национальных СМИ и библиотечного дела прочно включали этнокультуры в общесоветский контекст. В целом все народы обрели новое, востребованное в конкретно-исторических условиях качество социально-культурного развития. Формирование негомогенного целого через относительно гомогенное образовательное, культурное, информационно-коммуникативное пространство, наряду с общими параметрами социальной стратификации, независимо от национальности и последствиями миграций, служило укреплению советского полиэтничного единства.

До войны выражение «советский народ» уже использовалось¹. 19 марта 1935 г. в Правде была опубликована передовая статья «Советский патриотизм». Традиционная национально-государственная духовная ценность наполнялась новым содержанием, было восстановлено историческое образование, без чего нельзя вести широкое патриотическое воспитание. Образ Родины формировался на представлении об СССР в целом, а не «малой родине», причем традиционная метафора державности стала важным компонентом официального дискурса о советском патриотизме. Он дополнялся образом «Большой семьи» с ее лучшими сыновьями и дочерями — передовиками и воинами разных национальностей, гордостью за армию и воинскую славу Отечества. Советский патриотизм предполагал политическую лояльность, а в коммуникативной практике коллективная идентичность формировалась на основе представлений об особых ценностях, образе жизни как предмете общей гордости. Политическое и географическое пространство объединялось в образе советской Родины, включавшем этническое разнообразие.

Конституция 1936 г. сыграла важную роль в кристаллизации новой коллективной идентичности — «советский народ», которая активно развивается в 1935—1939 гг. «Советский народ» упоминается в песне 1938 г. В. И. Лебедева-Кумача «Если завтра война», в докладах и резолюциях съезда ВКП (б) в

---

¹ По мнению Н. Н. Константинова, идею «советской нации» как аналога «евразийской нации» Н. С. Трубецкого впервые использовал Н. И. Устрялов, а Н. С. Трубецкой использовал термин «советская нация». См.: *Константинов Н. Н. Советский Союз 1944—1991 годов в историографии. Репрезентация полиэтничного политического сообщества*. Екатеринбург, 2012. С. 110; *Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана*. М., 2000. С. 493—505.

марте 1939 г., в передовице «Правды» от 21 декабря 1939 г. «Родной Сталин», многочисленных советских произведениях, в годы Великой Отечественной — в приказах И. В. Сталина. Создание гимна СССР (1943 г.) также служило формированию общесоветской гражданской идентичности людей. Само понятие «советский народ» в официальном дискурсе предполагало социально-политическую консолидацию, прежде всего единство рабочих и крестьян, создавших государство советов. Поликультурное наполнение советского гражданства было реальностью, которая постепенно прочно утверждалась в массовом сознании при обращении к понятию «советский народ».

Летом 1944 г. на совещании историков в ЦК КПСС при обсуждении «Истории Казахской ССР» М. В. Нечкина сказала: «Мы совсем не занимаемся одной очень важной темой, еще не поставленной в науке проблемой — проблемой формирования советского народа. ... Советский народ — это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой, несмотря на множественность языков. ... Это совершенно новое явление в истории человечества. Оно должно иметь свою теорию»¹.

Великая Отечественная война показала новое качество гражданской консолидации. Примеров тому немало². С 1945 г. в пропагандистской практике в понятии «советский народ» акцент делается не только на братство народов, но и на их гражданское единство³. Но вплоть до 1960-х гг. ведущую роль играло описание процессов интеграции в рамках концепции «многонацио-

---

¹ Цит. по: *Тишков В. А.* Российский народ. История и смысл национально-го самосознания. М. : Наука, 2013. С. 293—294.

² *Патриотизм* — составляющая государственной национальной политики России: теория, практика / кол. авторов ; сост., авт. и рук. авт. кол. Н. Ф. Бугай ; Ин-т рос. истории РАН. М. : Голден-Би, 2010. С. 143—190.

³ *Панкратова А. М.* Великое прошлое советского народа. М., 1949 ; *О советском патриотизме.* М., 1950 ; *Шатагин Н. И., Осипов Ж. С.* Великая победа советского народа: к пятой годовщине разгрома гитлеровской Германии. М., 1950 и др.

нального советского государства» и соответствующей ему «дружбы народов». Выражение «советский народ» использовалось для характеристики граждан СССР как политического целого, а идея советского патриотизма соотносилась с национальной лояльностью¹.

На XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев определяет СССР как «многонациональное государство трудящихся, добровольный союз социалистических наций», говорит об идеологической задаче укрепления советского патриотизма и интернационализма². Впервые на официальном уровне в 1959 г. он заявил, что в процессе строительства коммунистического общества «успешнее будет идти процесс слияния народов в единую коммунистическую семью». Но при обсуждении проекта Программы КПСС в Президиуме ЦК КПСС 14 декабря 1959 г. Б. Н. Пономарев, А. И. Кириченко и М. А. Суслов не смогли разделить, говоря современными терминами, примордиальное и конструктивистское понимание нации, что свидетельствовало о методологическом тупике, связанном с неспособностью найти адекватное новой ситуации определение взамен сталинского.

Тем не менее, реальные процессы интеграции требовали нового концепта, и в докладе о программе КПСС (1961 г.) отмечалось: «...в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие черты — советский народ». В программу партии это положение включено не было, а в разделе «Задачи партии в области национальных отношений» подчеркивалось: «У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР»³.

---

¹ См.: *Константинов Н. Н.* Указ. соч. С. 114—115.

² *Комсомольская правда.* 1959. 28 янв.

³ *Программа КПСС.* Принята XXII съездом КПСС. М., 1965; *Двадцать второй Съезд КПСС // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.* М., 1972. Т. 8. С. 206—207; *Продолжение доклада товарища Н. С. Хрущева // Правда.* 1961. 19 окт. С. 2; См. также: *Брежнев Л. И.* Великая победа советского народа // Там же. 1965. 9 мая. С. 3; *Константинов Н. Н.* Указ. соч. С. 116.

Концепция развивалась на XXIV и XXV съездах КПСС. Ее официальная трактовка была изложена в 1972 г.¹ Конституция СССР 1977 г. зафиксировала складывание «новой исторической общности», соединив социально-политическое единство с межэтнической интеграцией. Появление формулы было отражением настроений части общества, а также попыткой в рамках советского дискурса ввести политическое понятие нации как гражданства — полиэтничной общности². Советский народ рассматривался как результат и социальных трансформаций («сближение всех классов и социальных слоев»), и достижения юридического и фактического равенства, а также братского сотрудничества всех наций и народностей³.

Система общих социально-политических и культурных институтов и коммуникаций, единая идейно-политическая интерпретация и мифология, общегосударственные символы и ритуалы, сблизившиеся параметры политико-правовой культуры наряду с полиэтничным составом населения многих регионов обеспечивали единство советского народа как политической нации. Это не исключало поощрения этнокультурного разнообразия в установленных идеологических и политических координатах. В результате происходила не ассимиляция, а межкультурная интеграция народов СССР.

От 60 до 80 % населения разных республик называли родиной СССР. Наибольшую приверженность надэтнической общности испытывали русские⁴. В декабре 1990 г., по данным ВЦИОМ, от 70 до 80 % русских в России и других союзных республиках воспринимали себя прежде всего как граждане СССР, тогда как представители титульных этносов в союзных

---

¹ *Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях*. М., 1972. С. 227—228.

² *Бугай Н. Ф., Зубкова Е. Ю.* Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941—1960-е гг.) // *Этничес. и религиоз. факторы в формировании и эволюции рос. государства*. С. 300.

³ Подробнее см.: *Дробижева Л. М.* Указ. соч. С. 337—344.

⁴ См.: *Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В.* и др. *Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов*. М., 1996. С. 305—306.

республиках на 1-е место ставили свои республики¹. В идентификации советских людей усиливаются критерии общегосударственного единства, восприятие страны как единого пространства общей Родины, обладающего принципиальной ценностью. Это не противоречило сохранению этнического самосознания и возрождающейся тяге к этнокультурной самобытности. Исследования этнологов 1972—1982 гг. показали, что формирование советского народа ни в коей мере не означает нивелирования национальных особенностей, вариативно проявлявшихся в разных сферах социальной жизни и по национальностям². Для большинства советских граждан хорошие отношения между людьми разных национальностей были реальностью, но чувство общности все больше подвергалось испытаниям — в разных республиках и регионах с разной степенью напряженности и остроты. Таким образом, взаимодействие политики и этничности не было вертикально однонаправленным. Однако устаревшая интеллектуальная культура и инерционная модель поведения руководства страны, неготовность учиться управлять новыми рисками и учитывать качественные изменения, обусловленные проводимой им самой политикой, привели к кризису идеологии, политики и самих институтов власти.

---

¹ Дробизева Л. М. Мифы и реальность многонациональной семьи народов // Этничес. и религиоз. факторы в формировании и эволюции рос. государства. С. 356 ; *Русские* (Этносоциологические очерки). М., 1992. С. 400, 415.

² См.: *Социально-культурный облик наций*. М., 1986. С. 433.

Ахмед Ахмедов

*кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой экономики, финансов и учета,
декан факультета среднего профессионального образования
Воронежского экономико-правового института*

Максим Шаталов

*кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики, финансов и учета,
начальник научно-исследовательского отдела
Воронежского экономико-правового института*

Воронеж, Россия

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ КАК ФАКТОРА УСТРАНЕНИЯ ИХ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Россия всегда была многонациональной страной, однако в современном обществе остро стал вопрос о воспитании в подрастающем поколении чувства толерантности. Несомненно, данную проблему нужно рассматривать еще среди школьников, но и среди студентов среднего профессионального образования должны активно пропагандироваться данные вопросы.

Формирование у молодежи толерантного сознания и развитие межкультурных коммуникаций остаются актуальными вопросами для нашей страны, так как российское общество неоднородно, наполнено представителями разных социальных групп, культурных ценностей и интересов.

В последнее десятилетие тема толерантности стала одной из широко востребованных не только в нашей стране, но и во всем мире. Она является объектом обсуждений на различных уровнях, в различных аспектах, включает совокупность проблем, связанных с отношениями людей. Благодаря усилиям ЮНЕСКО в последние годы понятие «толерантность» стало международным термином. В Декларации принципов терпимости, которая была принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО, содержа-

ние принципов терпимости раскрывается следующими характеристиками:

— уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, форм самоуважения и проявления человеческой индивидуальности;

— единство в многообразии;

— достижение мира, переход от культуры к культуре мира;

— активное отношение, которое формируется на основе признания универсальных прав и основных свобод человека, обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма, демократии и торжеству права.

Толерантность по своему значению шире, чем такие понятия, как «терпимость» и «терпимое отношение». Толерантность подразумевает способность человека выйти за пределы своего мира, понять и принять другой мир, отличный от его собственного по многим признакам: национальным, культурным, религиозным и другим. Приведем некоторые аспекты толерантности (рис. 1).

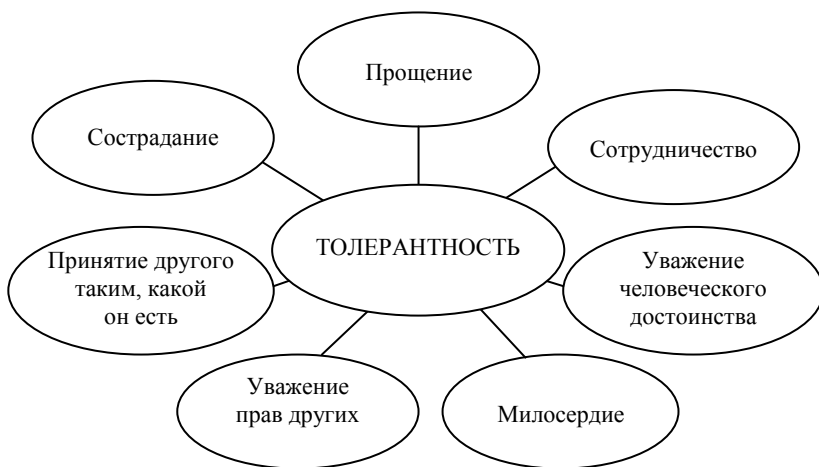

Рис. 1. Некоторые аспекты толерантности

Из рисунка видно, что человек толерантный должен, в первую очередь, не считать себя лучшим, выше других, а на

равных принимать других людей, с отличной культурой, верой, традициями, обычаями и т. д.

В настоящее время принятие молодежью представителей других наций, терпимое отношение к отличиям между людьми, проявление уважения к этим отличиям зависит от множества аспектов, в частности, от ближайшего окружения человека, воспитания, семейных ценностей, жизненной позиции личности, ценностей общества и т. д. Не мене важным фактором принятия других в их естественном виде, такими, как они есть, бесспорно, является менталитет народа, страны, где человек вырос и воспитывался.

Можно отметить, что нынешняя молодежь склонна к принятию и осознанию различий между людьми, так как фундамент толерантности был заложен еще предками, поэтому на бессознательном, генетическом, уровне молодежь способна принимать другого человека, отличного от его самого, таким, какой он есть. Однако даже этот фактор не исключает отвержения некоторыми представителями молодежи собственных традиций и обычаев по принятию других рас и народов. Они настроены агрессивно к людям, отличным по национальному, культурному признаку, а также остро воспринимается другое вероисповедание. Следовательно, актуальность данной проблемы прослеживается не только в работе с детьми по этому вопросу, но и среди подростков, к которым и относятся студенты СПО.

Итак, толерантность можно рассматривать, как минимум, с трех сторон:

1. Как овладение определенной философией толерантности как ценностью;
2. Как культуру толерантного сознания;
3. Как отношение к соответствующей действительности.

На индивидуальном уровне — это способность индивида без возражений и противоречий воспринимать отличающиеся от его собственного мнения образ жизни, характер поведения и какие-либо иные особенности других индивидов (рис. 2).

Нельзя не отметить, что в настоящее время проблема толерантности весьма остра. Много споров по этому поводу возникает: так ли хороша толерантность и нужно ли, действительно, слепо ей подчиняться. Однако последние события на мировой

арене не дают забыть о правильности и положительных свойствах данного понятия.

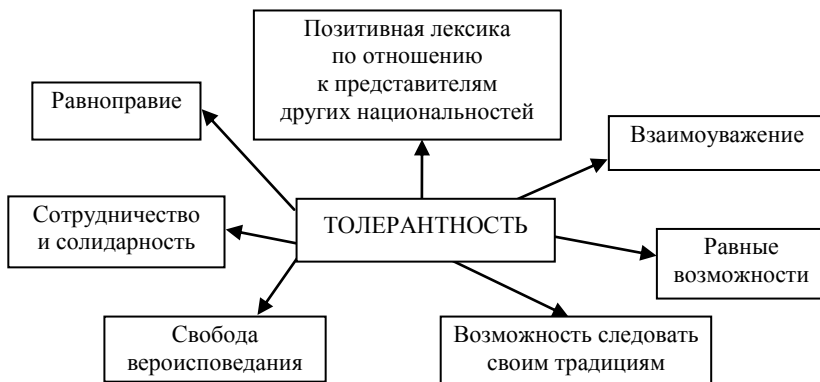

Рис. 2. Проявления толерантности

Неоднозначные процессы социально-экономических и межнациональных отношений в современной России актуализируют изучение проблем толерантности, особенно в молодежной среде. Одной из проблем, затрудняющих коммуникацию между представителями разных социальных групп и культурных традиций, становится низкий уровень компетентности молодых людей в вопросах толерантности. Поэтому исследование в области информированности молодежи о проблеме толерантности просто необходимо.

В рамках этого исследования было выявлено, как молодые люди определяют для себя понятие «толерантность». Большой части опрошенных (45 %) близко определение толерантности как готовности к взаимодействию с людьми и группами людей независимо от их национальной, социальной, религиозной принадлежности, взглядов, мировоззрения, стилей мышления и поведения; для 36 % респондентов — это уважение, принятие и понимание наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности; 15,6 % участников опроса понимают толерантность как интерес, уважение и соучастие в другой культуре; а 3,5 % — как терпимость или безразличие (рис. 3).

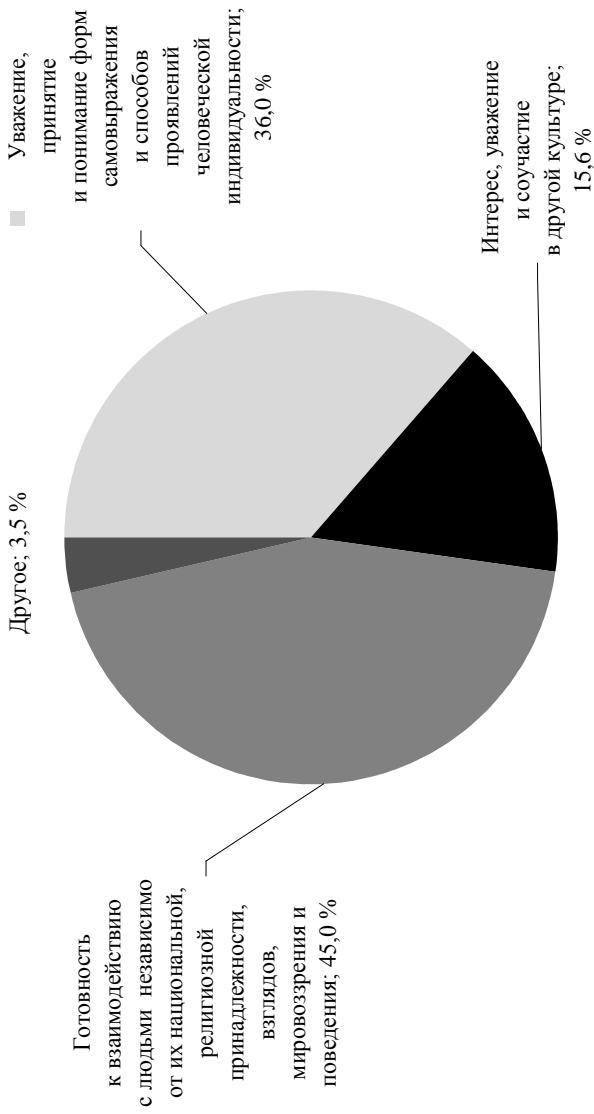

Рис. 3. Понимание толерантности в молодежной среде

Конечно, чтобы привить студентам основы толерантности, необходимо чтобы этим основам обучали люди, обладающие данными качествами. В связи с этим нужно построить своеобразный механизм по выбранному направлению (рис. 4).

Рис. 4. Механизм формирования толерантности педагогами студентов среднего профессионального образования

Таким образом, воспитание толерантности среди студентов среднего профессионального образования необходимо проводить систематически, поочередно объясняя и доводя сведения, формируя правильное мировосприятие и отношение к другим национальностям, традициям и культуре.

Сергей Бирюков

*доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политических наук
Кемеровского государственного университета*

Александр Давыдов

*аспирант кафедры политических наук
Кемеровского государственного университета*

Кемерово, Россия

**КОНФЛИКТНАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
КОНЦЕПЦИЯ «МЯТЕЖЕВОЙНЫ» Е. МЕССНЕРА**

Национальный вопрос — сложная и внутренне противоречивая область социальных отношений, которая не допускает унифицированного и конъюнктурного подхода. Как результат этнополитика не предлагает универсальных политических решений, являющихся действенными и результативными независимо от условий места и времени, а также вне опыта конкретных народов и стран.

В современном мире процессы глобализации, масштабной трансграничной миграции развивающихся межкультурных обменов в контексте «взрывообразного» развития массовых коммуникаций заметно усложнили ситуацию в сфере международных отношений, создав качественно новые «вызовы» для действующих политиков и реализуемых ими политических стратегий.

В контекст глобализации прочно вписан процесс рождения новых политических национальных идентичностей. При этом новые проявления феномена национализма, происходящие сегодня, в эпоху Постмодерна, начавшуюся с крушением СССР в холодной войне, носят ярко выраженный этнический характер. Они опираются не на классические модерновые парадигмы, но на политические мифы, основу которых составляет представление о существовании некоего сакрального ядра суверенитета нового политического сообщества, новорожденного либо рождающегося. Данный процесс носит достаточно спонтанный ха-

ракти, сопровождаясь непредсказуемыми случаями форсированного формирования национальной идентичности, подобно «большому взрыву», рождающему новый политический порядок.

Сегодня можно говорить об общем кризисе этнополитики, поскольку прежние ее механизмы не действуют, новые не созданы, а консенсус по базовым этнополитическим проблемам отсутствует. Это в известной мере осложняет процесс выбора итоговой модели государственного строительства, вызывая напряжение в сфере межэтнических отношений. Наряду с этим сегодня многими экспертами признается, что использование принципов мультикультурализма в постсоциалистических обществах не способствует ни национальной интеграции, ни уменьшению существующих региональных и этнических диспаритетов¹.

Главная же «европейская проблема», по мнению многих авторов, заключается в том, что фактически потерпел официально признанное крушение мультикультурализм, долгое время рассматривавшийся в качестве единственной «легитимной» стратегии структурирования современных обществ. Понятие «мультикультурное гражданство», предложенное М. Кимличкой и предполагающее признание и поддержку меньшинств со стороны государства во всех сферах деятельности², отныне поставлено под сомнение. Авторы статьи исходят из того, что фактор этничности неразрывно связан с экзистенциальной потребностью людей в культурно-групповой самоидентификации, которая может удовлетворяться в различных социальных, политических и идеологических формах. Она может реализовываться за счет принадлежности к многонациональной империи, национальному государству, национально-территориальной автономии либо суперэтнической общности.

Смена этнической идентичности и лежащей в ее основе этнокультурной доминанты возможна в результате системного кризиса современных государств, охватывающего их политическую,

---

¹ *Western T.* Multicultural Theory and Practice and its Applicability to the Post-Soviet States // *J. of Contemporary European Studies*. 2005. N 13 (2). P. 222.

² *Kymlicka M.* Multicultural Citizenship. Oxford : Oxford Univ. Press, 1995. P. 1.

экономическую и идеологическую системы. Последний, нередко сопровождаемый масштабными социально-политическими потрясениями, может породить ситуацию «надлома» национального самосознания, когда на место традиционной этнической идентичности приходит искусственно созданная этнополитическая идентичность, поддерживаемая национальными элитами с помощью «техники политических мифов»¹.

Это, в свою очередь, создает широкие возможности для использования так называемых деструктивных этнополитических технологий, среди которых — разобщение этносов и разжигание межнациональной розни, технологии разрушения национальных идеалов и иллюзий, психологическое и информационное давление, создание отрицательных стереотипов, выдвижение несправедливых обвинений и пропаганда «коллективной вины». Современная этнополитика пока не выработала эффективных технологий противодействия последним, что делает особенно актуальным рассмотрение конкретных случаев применения подобных технологий в процессе нациестроительства.

Общие технологии и методы воздействия на этнические процессы в мире достаточно хорошо описаны, отработаны и апробированы. Однако методы, хорошо действовавшие еще пятьдесят лет назад, сегодня работают не столь эффективно. Причина — изменившиеся условия и новые политические факторы: языковое размежевание «наций», создание новых государственных границ в соответствии с этническими принципами, потакание стремлениям к политическому самоопределению этнических групп вне зависимости от наличия необходимых для этого предпосылок (суверенизация советских республик, боснийский случай). В итоге попытки осуществить на практике идею национального самоопределения нередко приводят к результатам, диаметрально противоположным первоначальным планам его идеологов и сторонников.

Одна из главных причин неудачи подобных случаев попыток воздействия на этнополитические процессы — недостаточное понимание проводниками подобной политики некоторых особенностей протекания политических процессов в современ-

---

¹ Кассирер Э. Техника политических мифов // Октябрь. 1993. № 7. С. 153—164.

ном мире. В числе этих особенностей следует назвать заметно усилившееся влияние политических и квазиполитических дискурсов на способы формирования и мобилизации новой политической идентичности. Очевидно, что близость того или иного национального дискурса той или иной версии национализма влияет на степень радикализма развивающейся политической формации. Понимание таких закономерностей и умение прогнозировать их осуществление позволит более качественно, чем ранее, влиять на развитие в правильную сторону того или иного националистического проекта.

Новый подход к пониманию особенностей формирования национальной идентичности в современных условиях содержит концепция «Мятежевойны» российского исследователя Евгения Месснера. В рамках его подхода понимание нации сознательно упрощается до «суверенного сообщества, построенного на фундаменте горизонтальных, связывающих всех членов, идентичностно-дискурсивных связей»; последнее обусловлено стремлением атрибутировать случаи нациестроительства как объект исследования конфликта. Таким образом, экономические, культурные факторы оказываются второстепенными по отношению к фактору стремления сообщества к суверенитету или удержанию суверенитета, который выражается в агрессивных действиях.

Национальное сообщество рассматривается Месснером как общность, бытие которой обусловлено идеей национального суверенитета: это либо нация, либо сообщество, стремящееся стать нацией (сообщество националистов, группа интеллектуалов, разрабатывающая национальную идеологию, и т. д.).

По мнению Е. Месснера, после окончания Второй Мировой войны эволюция военного искусства вкупе с демократизацией политической жизни привела к совершенно новому типу противоборства между акторами мировой политики. Месснер делает акцент на процессе Революции, который, по его убеждению, обусловил подобный характер эволюции военного искусства.

Революция — это болезненный процесс разрушения традиционных ценностей и христианской цивилизации в целом. «Есть признаки, что агрессия разрушителей Структуры усилится в скором времени. Структура (государственная, общественная, финансовая и, главное, моральная) погибнет под новым натис-

ком, если не станет по-военному обороняться». Главными актерами, осуществляющими процесс Революции, Е. Месснер считал социалистические государства, прежде всего СССР и коммунистический Китай, а также некое «фабианское общество», под которым подразумевается конгломерат тайных организаций, ведущих свою революционную деятельность в составе и под прикрытием национальных государств.

Новые социалистические акторы осуществляют новую стратегию войны, что приводит к новому виду противоборства, который Е. Месснер определяет как «Мятежевойна». «Мятежевойна» — это война, осуществляющаяся прежде всего в рамках коллективного сознания противоборствующих сообществ. Главная характеристика этой войны — абсолютная эклектичность средств ее ведения, вытекающая из полной обусловленности стратегии этой войны взаимоположением коллективных психик противоборствующих сообществ, иными словами, это борьба двух идентичностей.

Специфику войны нового типа Месснер видит в том, что это не война армий, а война духа и война нервов. Тезис «для войны нужны деньги, деньги и еще раз деньги» Месснер заменяет тезисом «для войны нужны нервы, нервы и еще раз нервы». Предпосылкой для начала «Мятежевойны» является процесс Революции, который автор подробно описывает.

Месснер выделяет шесть сфер человеческого бытия, в которых процесс Революции протекает наиболее интенсивно, и в которых приверженцам революционных практик жизненно важно победить¹. Революция охватывает сферы сознания, нравов, социума, экономики, политики, дипломатии. Революция сознания заключается в том, что влияние мира, дехристианизация сознания приводит, с одной стороны, к цинизму, материализму и разрушению нормальных рамок мышления в обществах; с другой стороны, она провоцирует обращение дехристианизированных народов к нехристианским, примитивным мистическим концепциям. Смесь этих двух тенденций развития массового сознания порождает дегенеративные типы социального поведения². Рево-

---

¹ Месснер Е. Всемирная Мятежевойна. М. : «Кучково поле», 2004. С. 18.

² Там же. С. 21.

люция нравов заключается, по мнению Месснера, в экспансии сексуальности в публичную сферу жизни общества, что имеет следствием усиление агрессивности в обществе, не сдерживаемой нравственными рамками.

Социальная революция выражается в том, что классическая социальная пирамида перестает существовать; эмансипация женщин и усиление роли занимающихся физическим трудом в обществе приводит к потере социальной самодисциплины в умах людей. Экономическая революция выражается в урбанизации, автоматизации труда, усиленном влиянии государства на экономику, что по мере включения государства в макроэкономические отношения и структуры подтачивает суверенитет государства; возникновение планового хозяйства, существующего в ситуации перманентного кризиса, формирование трехакторной системы макроэкономических отношений — между государством, рабочим коллективом и капиталистом. Общая тенденция экономической революции видится Месснеру в стремлении к установлению экономического властвования масс. Политическая революция находит свое проявление в господстве масс, которое выражается как в диктате демократического порядка, так и в участвующем количестве политических переворотов, совершенных массами. Дипломатическая революция видится Месснеру в деконструкции государственного суверенитета в пользу усиления роли в международной жизни межгосударственных структур.

Исходя из особенностей Революции, обуславливающих новые виды противоборства, Месснер выделяет следующие основные типы акторов «Мятежевойны». Это мятежные массы, мятежные колонны, состоящие из сознательных бойцов противоборствующей стороны, тайно воюющих путем террора и саботажа и шпионажа, мятежное ополчение, сражающееся в качестве партизан и иррегулярной, но открытой военной силы¹.

Понятие «мятежные массы» в контексте заявленной автором концепции равнозначно понятию «народные движения», относительно подробно раскрываемому Месснером. Под «народным движением» понимается политизированная толпа,

---

¹ Месснер Е. Указ. соч. С. 65.

не являющаяся самостоятельным политическим актором, но направляемая реальным политическим субъектом в «нужное» русло. Управление народными движениями аналитик уподобляет коалиционному управлению войском; это управление является сложным и нелинейным. При этом вопросы управления народными движениями взламывают старое понимание фронта и тыла: задачей стратега «Мятежевойны» является как управление народными движениями в своем стане, так и в чужой стане. Соответственно меняется и поле боя. Целью войны становится «завоевание душ во враждующем государстве». В условиях отсутствия четкой линии фронта актуализируется четырехмерное пространство противоборства: земля, море, воздух, психика.

Мятежные колонны являются более четко структурированным видом войска. Они состоят из сознательных участников противоборства, не воюющих прямо. Их деятельность заключается в саботаже, шпионаже, создании различных, в том числе информационных и пропагандистских, помех. Структурным оформлением мятежных колонн может служить создание кадровой партии или тайной организации. Колонны эти нуждаются в качественных координации и управлении их действиями.

Мятежное ополчение — это следующий этап развития боевой единицы «Мятежевойны». Ополченцы занимаются непосредственным вооруженным сопротивлением, носящим спорадический характер. Мятежное ополчение — это уже иррегулярная вооруженная сила, способная вступать в самостоятельное боевое соприкосновение с противником. Стратегической целью «Мятежевойны» Месснер считает превращение партизанского движения в ополченческие боевые соединения, формирующиеся на добровольческой основе. И коль скоро воинские структуры «Мятежевойны» сильно зависят от населения, главным средством ее ведения должна быть именно деятельность по формированию определенной политической идентичности. Она предполагает усилия идеологического и политикомобилизационного характера, связанные с управлением общественными настроениями¹.

---

¹ Месснер Е. Указ. соч. С. 92.

Исходя из особенностей «Мятежевойны», мыслитель формулирует четыре задачи. Первые две задачи относятся к состоянию войску: они состоят в укреплении духа своего войска и разрушении духа вражеского воинства. Следующие две задачи собственно отличают «Мятежевойну» от обычной войны: это укрепления духа своего народа и разрушение духа народа вражеского¹. Специфика «Мятежевойны», по Месснеру, состоит в том, что теперь стратег должен выполнять все эти задачи, когда в условиях обычной войны он должен выполнять только первые две.

Месснер выстраивает следующий алгоритм действий при ведении «Мятежевойны»: формулировка цели конкретного противоборства, выстраивание понимания пределов возможности субъекта противоборства, постановка обусловленной пределом возможностей задачи, анализ вражеских средств ведения борьбы, оценка потенциала противника, анализ средств достижения цели, находящихся в руках субъекта, формулировка способов решения задачи².

Месснер определяет иерархию целей «Мятежевойны». Прежде всего — разрушение морали враждебного народа. Следом должно идти уничтожение активной части механизма сопротивления объекта — армии, партизанских соединений, народных движений — словом, всех структурированных и хорошо мотивированных на борьбу сообществ. Дальше идет уничтожение либо захват объектов, обладающих символической и морально-психологической ценностью. Эту цель Месснер считает более важной, чем захват или уничтожение материально значимых объектов противника. После того, как от власти противника освобождены, пусть и путем прямого уничтожения, объекты психологической и материальной важности, приходит время достижения эффектов внешнего порядка. Достижение этой последней цели легитимирует победу субъекта противоборства и в отдельных случаях является первым шагом в процессе легитимации навязанного противнику политического порядка.

Таким образом, в эпоху «Мятежевойны» вопрос генезиса национальной идентичности приобретает инструментальное

---

¹ Месснер Е. Указ.соч. С. 65.

² Там же. С. 109.

значение. Благодаря информационной революции создание идеологических проектов становится более легким в исполнении делом, и вопросы идентичности все меньше зависят в своем решении от этнического происхождения члена суверенного сообщества и все больше зависят от матрицы идентичности, которая выстроена у него в психике. Поэтому, с одной стороны, контролировать процессы генезиса политической идентичности становится сложнее, с другой — облегчается манипулирование данными процессами. Следовательно, генезис устойчивой политической идентичности приобретает диалектическое наполнение. С одной стороны, в сегодняшнем глобальном мире любой политический процесс такого уровня напряжения вызывает интерес различных политических акторов мирового значения, что изначально ставит авторов «проекта нации» в зависимое от того или иного влияющего актора положение. С другой же стороны, сам по себе факт суверенитета сообщества придает конкретной политической ситуации известную непредсказуемость. Рождение новой политической идентичности коренным образом меняет расклад сил в регионе, и чем сильнее становится суверенитет сообщества, тем более узкими становятся для стороннего актора возможности манипулировать сообществом в своих интересах. Поэтому видится очевидным, что на ранней стадии генезиса политической идентичности сторонний актор заинтересован придавать новому «проекту нации» такие направления развития, которые блокируют возможности сообщества в будущем добиться полного суверенитета: политического, экономического и идейного.

В рамках описанного концепта «Мятежевойны» и Революции по-новому выглядит феномен политизированного национализма, означавший использование этноконфликтных технологий и политических симулякров с целью создания ранее не существовавших политических наций.

Георгий Рябцовский

ведущий специалист

*Центра «Высшая школа государственного управления»
Брянского филиала РАНХиГС*

Татьяна Болховитина

*кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры
менеджмента, государственного и муниципального управления
Брянского филиала РАНХиГС*

Брянск, Россия

АУТОПОЭЗИС ЭТНИЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В богатой истории нашей страны есть немало примеров как ответственного подхода к проблемам регулирования национальной политики, так и явные просчеты, которые чрезвычайно дорого обходились народам и государству в целом. Показательным в данном случае является советский опыт реализации национальной политики, в наследие которого еще долгое время оставался консолидирующий принцип мирного сосуществования народов и конфессий в России, основанный на еще не забытых идеях патриотизма, интернационализма и дружбы народов, на реальной поддержке самобытных культур малых народов и сохранившей многообразие этнической палитры страны в постсоветский период.

С другой стороны, практически перечеркнув весь советский потенциал и явные достижения советского прошлого, создав идеологический вакуум для насаждения чуждых народам России либеральных ценностей, политическая элита 90-х гг. сразу же привела к усилению межэтнических разногласий и конфликтов. Новая национальная парадигма — «индивидуальное есть высшая ценность», заимствованная с западных моделей «национальной гражданственности», спровоцировала стремительные процессы мигрантофобий, ксенофобий и прочих фобий.

Сторонники идей неолиберализма и глобализма, утверждая превосходство индивидуализма, тем самым выступают против любого вида идентичности — этнической, гендерной, социаль-

ной, антропологической¹ и т. д. Логическим продолжением этого процесса может стать отказ от идентичности человека, потому что человек — это коллективная идентичность².

---

¹ В противовес позиции объективности идентичности некоторые американские социологи, опираясь на последние исследования палеонтологов, уходят от признания рас, разделения людей по этническим признакам или иным признакам (см.: *Patterns of Change in the Plio-Pleistocene Carvivorans of Eastern Africa: Implications for Hominin Evolution*. Margaret E. Lewis. Springer Verlag. 2007. URL: www.ScientificAmerican.com/nov2013). Основной тезис: «нет рас — нет этничности — нет национальных меньшинств и национального большинства — нет проблем...» базируется на том, что конкуренция по показателю «богатство социальных функций» ведет к резкому снижению разнообразия этносоциальных видов (*прим. автора*).

² В контексте методологии этносоциологического анализа этнической идентичности, в рассуждениях профессора А. Г. Дугина лежит глубокий философский смысл. Либеральная идея воляна в праве человека определять свою идентичность или отказаться от нее, сочетаясь с множеством идентичностей, но тогда сама категория «идентичности» в таких условиях чем-то вроде никнэйма в социальных сетях. Поэтому принадлежность к определенному этническому сообществу, его нормам, ценностям и культуре уже больше не важны. Так появляются «русские», ненавидящие все русское и прославляющие западные ценности, или «лица кавказкой национальности», не знающие своей культуры и не желающие знать. Но при этом заметим, русский не становится «британцем», получив паспорт гражданина Британии, даже если он забывает свой язык, а грузин — «русским», даже если он станет Президентом России. Для них любая этническая идентичность является препятствием для превращения России в нормативное национальное государство и создания единой политической российской нации. Государства, где уже конституционно закреплено: «...мы многонациональный народ...» (см. преамбулу Конституции России), и где происходит стирание всех видов идентичностей, традиций и культур для создания на месте исторического многообразия этносов, массы унифицированных сограждан, объединенных политической принадлежностью к государству, то есть гражданством. А. Дугин называет этот проект этноцидом, опасность которого в том, что он имеет как общероссийский, так и региональный аспект, когда внутри субъекта Федерации превращаются в «граждан второго сорта» полноправные граждане Российской Федерации как представители «нетитульных этносов». Доказательством этого является присутствующее в российском дискурсе уже долгое время понятие «лицо кавказкой внешности». Любая националистическая идея разрушает не только единство страны, но является смертельной угрозой для тех этносов, которые националисты стремятся защищать, «поднять» их до уровня наций. Нация — это искусственный конструкт, созданный капитализирующей полномочия и ресурсы элитой и обслуживаемый интеллигенцией, которая мобилизует массы на строительство «национального проекта», используя весь свой интеллектуальный потенциал для мифологизации роли этноса в истории или исторической солидаризации для борьбы с «завоевателями». Национализм изобретает

Детище неолиберализма второй половины XX в. — институт прав человека, возведенный до глобального концепта и поставив в современную повестку дня проблему защиты индивидуальных прав до уровня субъектности международного права, приобретает совершенно новую логику соотношения индивидуальных и коллективных прав: «...гарантии индивидуальных прав — это гарантии групповых интересов...»¹. К этому следует добавить, что в общественно-политическом дискурсе относительно того, чему отдавать в реальной жизни предпочтение: этническому фактору или гражданской идентичности до сих пор нет общего мнения². Нередко в дискуссиях понятию «россий-

---

нацию, создает симулякр, выхолащивая реальное содержание истории и культур этносов. Альтернатива либеральному «российскому национализму» и региональным национализмам лежит в придании этносам, но национально-территориальным образованиям особого конституционно статуса (Дугин А. Г. О десуверенизации республик, русской и якутской идентичности, великой идее и тотальном бесстыдстве элит (статья от 19 декабря 2012 г.). URL: <http://olonkholand.ru/stati/aleksandr-dugin-o-desuverenizacii-respublik-russkoj-i-yakutskoj-identichnosti-velikoj-idee-i-totalnom-besstydstve-ehlit.html>. Переход на принципиально новую модель российского федерализма — многоэтническая федерация, где 85 субъекта конституционно объединены ст. 65 Конституции, но никак не привязаны символически к России, к гербу, флагу, гимну или так и не воссозданному девизу России, в отличие от того, как это было в СССР, где языки советских республик символизировали герб СССР. Многоэтничность — это та «цветущая сложность», о которой писал русский философ К. Леонтьев. Межнациональное согласие — это не один раз достигнутое и на века предопределенное состояние общества. Это постоянная динамика, это кропотливая работа государства и общества, требующая взвешенной политики межэтнических отношений, способной обеспечить и «единство в многообразии» и «многообразия в единстве». (Глушкова Т. М. Боюсь, как бы история не оправдала меня // Леонтьев К. Н. Цветущая сложность : избр. ст. М. : Мол. гвардия, 1992. С. 6—67).

¹ Дугин А. Г. Указ. соч.

² В Соединенных Штатах Америки и большинстве стран Северной и Западной Европы «национальность» обычно означает «гражданство», т. е. принадлежность к государству; а слова «нация» и «государство» часто тождественны (the nation= this nation, в переводе с американского — наша страна, США; американцы). В Центральной и Восточной Европе, в странах Азии, напротив, подразумевает обычно этнокультурную систему отсылок, независимую от государства и гражданства и часто — от существующих границ. Одни из первых, кто обозначил проблему этничности в один ряд с такими понятиями, как «народ», «нация», «раса», были американские социологи — Н. Глейзер и Д. Патрик Мойнихен. В своем труде «Этничность. Теория и опыт» они показали, что этничность представляет собой важнейший факт социальной истории общества, который так же,

ская нация» придается различный смысл: то ее сравнивают с советским народом¹, то считают, что она призвана заменить этнокультурное разнообразие России².

Действительно, вопрос, поставленный в знаменитой лекции Э. Ренана «Что есть нация?», остается нерешенным и сегодня. С одной стороны, это природой данное каждому человеку качество, определяющее его самосознание, структуру поведения и в целом весь комплекс жизненных реакций. С другой стороны, расценивается как приобретенное качество, своего рода идеологическая нагрузка на общественное и индивидуальное сознание: «...человек — не раб ни расы, ни языка, ни религии, ни течения рек, ни направления горных цепей. Великое скопление людей со здравым смыслом и пылающим сердцем создает моральное со-

---

как социализация, неравенство и им подобные явления очень многогранна и присутствует в любом обществе. (См.: *Glazer N., Moynihan D. P. Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of New York City. Cambridge, MA: MIT Press, 1963. P. 140—146. (2nd Edition Revised, 1970. 464 p.)*)

¹ Во время встречи Президента России В. Путина с региональными уполномоченными по правам человека 16 августа 2012 г. в Кремле он призвал уполномоченных помочь сформулировать идею, которая могла бы консолидировать народы России. По его словам, в советское время делали много негативного, но и «...много чего изобрели позитивного...», продолжая отвечать на вопросы уполномоченных, он высказал тезис о необходимости внимательно посмотреть на опыт межнациональных отношений в СССР: «...например, было такое понятие, введенное в Советском Союзе, на мой взгляд, весьма полезное и консолидирующее, как “советский народ”, “новая историческая общность — советский народ”. И при всем многообразии наших культур, религий, традиций и даже историй все-таки в это понятие вкладывалось нечто общее для всех. Это, безусловно, консолидировало общество. Если кто-нибудь из вас предложит нечто подобное в новых условиях, в современной России это было бы большим делом...». См.: *Встреча с уполномоченными по правам человека в субъектах Российской Федерации / Москва, Кремль, 16 авг. 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/news/16260/>.*

² На съезде «Гражданской платформы» 27 октября 2012 г. ее лидер — Михаил Прохоров предложил изменить Конституцию России с тем, чтобы ликвидировать национальные субъекты (республики и округа). По его словам, в XXI в. «...сталинско-ленинская система...» деления по национальному признаку создала «...национальное гетто, где местная коррумпированная власть угнетает и грабит наших людей, причем всех национальностей...». См.: *Единороссы* решили натравить на М. Прохорова национальные республики // РБК — Политика : ежед. Интернет-изд. от 30 октября 2012 г. URL: <http://top.rbc.ru/politics/30/10/2012/822417.shtml>.

знание, называемое нацией...»¹. Расовые идиомы, нарративы, категории и этнические классификации, а также сакральные установки в языке, дискурсе, национальной психологии и фреймирующих заявлениях являются реальными и важными, особенно когда они встроены во властные структуры².

Не случайно некоторые исследователи склонны придать этничности некую сакральную окраску, сравнивая ее с некой мистической данностью — «воображаемые сообщества»³, а модное стремление самоприписывания к этническим и социальным группам, фактически поставило под сомнение неразрывную связь «этническая группа» = «культурная единица»⁴.

---

¹ См.: Ренан Э. Что такое нация? // Собр. соч. в 12 т. / пер. с фр. под ред. В. Н. Михайловского. Киев, 1902. Т. 6. С. 87—101.

² Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Национал. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высш. шк. экон., 2012. С. 29—35.

³ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: «КАНОН-пресс-Ц»: «Кучково поле», 2001. 288 с.

⁴ Интересный пример самоприписывания себя к «группе» недавно показал бывший губернатор Пермского края, кавалер ордена Почета, бывший сотрудник КГБ О. Чиркунов. В социальной сети Facebook он сообщил, что решил пожить во Франции: «...выбор отчасти был предопределен. В ближайшие пять—десять лет не Россия. Почему? Не готов сегодня объяснять. Но если так, то для меня вообще почти без вариантов. Много лет назад хорошие учителя заставили полюбить французский язык и привили интерес к стране, где на нем говорят...». Далее экс-чиновник рассуждает еще более категорично: «...здесь нет русских, это “голландско-английская зона” Франции...». Именно это факт является прекрасным подтверждением группизма по Р. Брубейкер, под которым он понимает тенденцию рассматривать дискретное и ограниченное понимание этнических групп, наций и рас как субстанциальных сущностей, к которым могут быть приписаны интересы и деятельность, все что угодно. В этом смысле группизм простирается далеко за границы области этничности, включая в себя консолидированных членов по гендерному признаку, сексуальности, возрасту, классу, способностям, религии, миноритарному статусу и разного рода «культуре», а также мнимые группы — симулякры, основанные на комбинациях этих категориальных свойств, группы как базовые составляющие социальной жизни, как главные действующие лица и как основные единицы социальной стратификации. В подтверждение этого тезиса можно продолжить словами экс-губернатора: «...первое посещение полгода назад заставило подумать о том, чем занимался раньше, подумать о том, что для чего-то я оказался здесь. Захотелось поработать головой и руками и привести все в порядок, восстановить, и еще захотелось при-

Б. Андерсона, рассуждая о способах и основах «воображения», предполагает, что этнические сообщества надо рассматривать как современный синоним системы родства, располагающей собственными «элементарными формами» и специфической символикой. Однако «национальное воображение», основанное только на символах, языке и дискурсе, не может вызвать у индивида духовные и эмоциональные силы для защиты своей нации в повседневности. В свое время к решению данного сложного вопроса более убедительно и реалистично подошел М. Вебер, вводя категорию «общность воспоминаний» как одну из глубин бессознательной субстанции души человека, из которой «...складываются группы, объединенные общими воспоминаниями, которые часто имеют более глубокие последствия, чем узы сугубо культурной, языковой или этнической общности...»¹. Именно такая «общность воспоминаний» составляет самый решающий элемент национального самосознания, где латентно дремлют исторические и психические травмы, переживания предков об исторических судьбах нации, независимо от того, имеет она или нет собственную государственно-политическую оболочку или может в самосознании личности слить воедино индивидуальную судьбу с судьбой этноса. Безусловно и другое, когда происходит глобальное насаждение либеральной толерантности и универсальности народов через «мультикультурную концепцию демократии»², то все вопросы этнического раз-

---

вести сюда, на французскую территорию, русское искусство. Возможно, это утопия...». См.: *Экс-губернатор* Пермского края решил пожить во Франции // Взгляд — деловая газ., ежед. Интернет-изд. от 4 февр. 2014 г. URL: <http://www.vz.ru/news/2014/2/4/671061.html>.

¹ Вебер М. Отношения этнической общности / Макс Вебер: 140 лет со дня рождения ; пер. с нем. К. Г. Тимофеевой // Журн. социологии и социал. антропологии. 2004. № 2. С. 8—21.

² Сегодня большинство государств в той или иной степени отличается этническим и культурным многообразием. Интенсивная миграция, различные виды социальной мобильности привели к тому, что практически в любой стране можно встретить представителей этнических меньшинств, принадлежащих к другим культурам, что косвенно подтверждает открытость современного мира через многообразие культур. См.: *Parekh B. Rethinking Multiculturalism: Cultural Diversity and Political Theory*. L. : Macmillan, 2000. P. 142—178.

личия попросту акцидентальны¹ в свете космополитических ценностей², которые объединяют людей друг с другом в своей значимости по сравнению с теми элементами, которые их разъединяют³. Известный канадский либеральный критик национализма и этнической самоидентификации М. Игнатиефф вообще считает, что групповые идентичности являются основными источниками интолерантности в любом обществе. Он считает: «...не те общие элементы, которые объединяют людей друг с другом, определяют их восприятие своей идентичности, а именно те маргинальные «меньшие» различия, которые их разделяют...»⁴.

---

¹ В этом значении термин употребляется для обозначения того, что принадлежность объективному не означает его сущность, например, ослабление институтов государства (раскол нации на этнические общности, клерикализация и архаизация социальных структур и общественного сознания и т.д.), акцидентально с точки зрения глобализации, но детерминировано с точки зрения мультиполяризации. См.: *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Национал. обществ.-науч. фонд., председатель науч.-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. С. 69.

² На фоне нарастания массовых этнопсихологических чувств россиян в последние годы заметно проявляется этносоциальная поляризация по оси «толерантность — права человека». Ключевыми в этой поляризации являются два вопроса. Вопрос об отношении к религии, вокруг которого власть пытается выстроить ценностную систему гражданского самосознания россиян, и второй вопрос — демаркация понятия «права человека». Согласно Н. Луману, общество представляет собой оперативную закрытую аутопойетическую систему, охватывающую, включающую в себя предыдущие уровни организации: системы интеракции, образованные коммуникациями между непосредственно присутствующими, и системы организации, основанные на формальных правилах членств. Общество описывает само себя, оно — единственная «точка зрения» для себя самого, а потому должно включать описание этой точки зрения в само описание: «Совершенно очевидно, что общество является самоописывающимся объектом. Общественные теории являются теориями общества в обществе. Иначе говоря, понятие общества должно быть образовано автологично. Оно должно содержать и само себя». См.: *Луман Н.* Понятие общества. Проблемы теоретической социологии. СПб. : 1994. С. 25—42.

³ *Ignatieff M.* Nationalism and Toleration // S. Mendus, ed. *The Politics of Toleration*. Edinburgh Univ. Press, 1999. P. 83.

⁴ Он рассматривает национализм как стремление к национальному суверенитету: «...есть много стран в мире и национальностей, которые еще не имеют государств. Они существуют внутри чужого государства, и они хотят создать собственное государство...». См.: *Ignatieff M.* *Op cit.* P. 77—78.

Рассматривая процесс формирования этнической идентичности как некое удаление от «чужого», либеральный подход предполагает, прежде всего, стирание граней и символов идентификации «чужого», либо изоляцию «чужого» через нормативные стандарты, как не способного инкорпорироваться в глобальный социум (визовый режим, квалифицированная иммиграция, формирование «осей зла» и т. д.). Сам факт этого отдаления зависит от того, насколько ближе «чужой», поэтому чем ближе «чужой», тем сильнее интолерантность, тем конфликтнее и враждебнее отношения этнических групп¹.

В последнее время среди наиболее актуальных проблем, входящих в сферу исследования этничности, указывается роль социальной рефлексии². Вопросы исследования механизмов

---

¹ Как пример, национальный аспект политики санкций в отношении России. См.: *Хомяков М.* Идентичность, толерантность и идея гражданства // *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России* : сб. ст. / отв. ред. В. С. Магун. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. С. 38—40.

² См.: *Щедровицкий П. Г.* Проблема изучения рефлексии в мыслительности // *Пробл. логической организации рефлексивных процессов* : тез. докл. и сообщ. к науч.-метод. конф., 2—4 дек. 1986. Новосибирск : НГУ, 1986. С. 60—61. Однако современные методологии изучения социальной рефлексии практически не уделяют внимание включенности творчески мыслящего субъекта в социальный процесс, а тем более в процесс содержательного определения этничности. Но параллельно с этим идея о всемогуществе технического и информационного прогресса стала применяться к отдельным социокультурным предметам и в первую очередь к таким, как «язык», «культура», «социальная организация», «религия», «традиция», «идеология» и т. д., к разным формам практической деятельности различных социальных групп и индивидов в историческом процессе. Другое дело, что после такого склеивания двух совершенно разных представлений о социальном мире содержательный аспект этнологии выступает уже не как эволюционно-исторический феномен возникновения народов, а как история определенных предметов — рас, народов, династий, гражданского общества, языка, разума и т. п.

Американский социолог, историк культур Г. Барнз, критикуя «традиционных» историков с их упором на изучение войн, правящих династий, политик за неспособность понять «каузальные факторы и процессы» в историческом развитии, выдвинул концепцию истории, построенной на глубоком исследовании генезиса и эволюции цивилизаций, используя достижения всех наук о человеке (этногеографии, этнологии, биологии, этнопсихологии, общественных наук и т. д.) (См.: *Barnes H.* *Sociology and Political Theory, a consideration of the sociological basis of politics.* N. Y. : Knopf, 1925, 1924 ; *Barnes Harry E., David Henry.* *A History of Western Civilization.* N. Y. : Harcourt. 1935. Vol. 2). Но, пожалуй,

и закономерностей развития социальности¹, а также аспекты выработки максимально релевантного категориального аппарата для описания этносоциальных систем как объектов социальных сетей, состоящих из многообразия комьюнити² и глобальных коммуникаций.

наиболее важной особенностью современных этносоциальных исследований выступает повышенный интерес к изучению формирования этносоциальности «изнутри». Фактически на основе «этнических корней» конструируется целая генеалогия современных этносоциумов. Однако подобные взгляды на этничность широко распространены в обществах, где этнокультурным различиям придается особая значимость, вплоть до построения государственности на этнической основе, как например мы наблюдаем в странах СНГ. В свою очередь, современные подходы в рамках этой традиции признают все же субъективную природу этничности, как и любой другой формы социализации и солидаризации. Весьма показательны в этом отношении утверждения о том, что повседневные социальные коммуникации и общественное бытие воссоздается наподобие того, как люди в своей повседневной речи воссоздают и изменяют свой язык. Следовательно, вопрос о происхождении языка неразрывно сплетен с вопросом о происхождении мифов. Согласно Э. Кассиреру, оба они взаимосотнесены друг с другом. Если мы сравниваем миф с другими символическими выражениями (например, с иероглифом или машинным кодом), то для «...языка тоже изначально не существует четкой грани, отделяющей слово от его значения, вещественное содержание «представления» от содержания чистого знака, напротив, и то и другое находятся в состоянии непосредственного взаимопроникновения, взаимного перехода...», это и представляет собой результат рефлексии (См.: Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление. СПб.: Университет. кн., 2001. С. 32—38).

¹ В словаре В. И. Даля социальность подразумевает «...общезительность, гражданственность, взаимные отношения и обязанности гражданского быта...». (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб., 1863—1866). Обращение к конкретизации понятийного аппарата социальности можно увидеть в работе русского философа И. Ильина «Социальность или социализм?», в которой он видит социальность как состояние общества, как цель и задачу государственного строя ради справедливости и «живого братства людей», бережного отношения «...к человеческой личности: к ее достоинству, к ее свободе...». См.: Ильин И. А. «Наши задачи» — Историческая судьба и будущее России, статьи 1948—1954 годов / подготовка текста и вступит. статья И. Н. Смирнова. М.: Из-во МП «Парог», 1992. С. 36—37.

² Шмерлина И. А. Обзор монографии: Матурана У., Варела Ф. Древо познания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001, 223 с.; Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications. Cambridge, 1994. P. 45—75.

Традиционно классики социологии М. Вебер, Г. Зиммель, Э. Дюркгейм считали, что комьюнити быстро исчезнут в индустриализирующемся мире, где обозначена тенденция ослабления влияния коллектива на индивидуума, хотя не исключалась возможность сохранения принципов солидаризации по конфессиональному, родственному или корпоративному признакам. В 1960-х гг. такие исследователи, как М. Стейн, Р. Бретон, С. Д. Кларк, стали последовательно отвергать эту точку зрения, они направили усилия на анализ условий взаимодействия, а не изоляции индивида¹. Поэтому, рассматривая проблемы социального развития в контексте перехода от социальной парадигмы «развития» в пользу новой — «изменение», мы приходим к пониманию роли еще одной категории — этническая эмерджентность. Если в биологии состояние эмерджентности можно выразить таким соотношением: одно дерево — не лес, а скопление отдельных клеток — не организм, то в классификации глобальных этносоциальных систем эмерджентность может являться основой их систематики и критериальным признаком. В силу этой теории, когда в рамках одного национального сообщества сосуществуют люди с разными культурными традициями и историей, необходимо решать ряд проблем, чтобы обеспечить четкие и устраивающие всех правила «общезития». Следует определить, например, на каком языке должны вестись публичный дискурс², какие праздники признаются официальными или герои, к каким обычаям следует относиться толерантно, или как человек должен выглядеть и вести себя в обществе, а также очертить круг прав и обязанностей индивидов и сообществ³.

---

¹ Лавренчук Е. А. Комьюнити // Vox / Голос. 2011. Вып. № 11. С. 5. URL: <http://vox-journal.org/content/Vox11-Lavrenchuk-Au.pdf>.

² Ярким примером самоприписывания и подмены национального дискурса проевропейским либо проамериканским демонстрируют нынешняя политическая элита Украины — П. Порошенко, А. Яценюк и др.

³ Нейробиологи У. Матурана и Ф. Варела использовали понятие «аутопойетической машины» при описании ключевого свойства живой системы — непрерывной регенерации и поддержке собственной идентичности. Все выглядит так, как будто клетки каким-то образом «узнают» о нарушении целостности их структуры, чтобы путем регенерации точно и с наименьшими затратами восстановить изначальную систему. См.: Шмерлина И. А. Указ.соч.

Транслируя через образование, СМИ, общественный дискурс смысловые конструкты дихотомии «мы — они», власть тем самым легитимирует представление о принадлежности к общей идентичности граждан России¹. Воссоздает компенсаторные механизмы изменения самосознания граждан от огульной критики прошлого до инициации общественного дискурса, тесно связанного с формированием «образа мы» через исторические образы прошлого, патриотизма и ответственности за страну, за ее будущее².

Конструируется образ: «...Россия была, есть и, конечно, будет крупнейшей европейской нацией...», «...цивилизаторская миссия российской нации на Европейском континенте должна быть продолжена...»³. В этих случаях власть и общество скреплены заботой укрепления общегражданской идентичности, укреплением полиэтнического пространства. В то же время активные акторы из национально-культурных сообществ обеспокоены сохранением своей этнической идентичности⁴. Они об-

---

¹ Как заметил П. Бурдьё, «...социальный мир есть место борьбы за слова, которые обязаны своим весом — подчас своим насилием — факту, что слова в значительной мере делают вещи, и что изменить слова и более обобщенно представления <...> значит уже изменить вещи...». См.: Бурдьё П. Начала. Choses dites / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. С. 85.

² Выступая 12 июня 2007 г. в Кремле по случаю Дня России, В. В. Путин сказал: «Получилось так, что по воле судьбы, Всевышнего, в силу сложения огромного количества исторических обстоятельств на огромной территории, но на единой территории, под одним небом живут представители самых разных этносов, культур, религий — в то же время, несмотря на всю свою самобытность, ощущают себя единым народом и единой нацией». (См.: Из выступления Президента России В. Путина на церемонии вручения Государственных премий Российской Федерации в Москве 12 июня 2007 г. // Стенограмма церемонии вручения государственных премий Российской Федерации. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/06/12/1810_type82634type122346_133888.shtml).

³ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 г. // Стенограмма Послания Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России В. Путина от 25 апреля 2005 г. Москва, Кремль. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml>.

⁴ Странники сугубо этнического понимания категории «нация» высказывают опасения насчет судьбы российских «наций». Им представляется, что и российская нация, и иная другая — это искусственный конструкт, некая инновация «советского народа», которую ждет та же судьба. При этом очень редко для достижения цели бывает достаточно научного обоснования понятия — «нация»

суждают, не является ли стремление укрепить российскую идентичность попыткой заменить ею этничность людей¹.

В этих условиях представить общественности результаты конкретного изучения распространенности российской и этнической идентичности в целом по стране и регионах является важной научной целью в этнологии, важно изучение проблемы — на чем базируются «российские идентичности» в современной России. Именно ответы на эти вопросы дали бы основание делать вывод — заменяют ли эти этнические идентичности друг друга или еще взаимно дополняют.

как формы идентичности граждан страны в полиэтнических и поликонфессиональных странах. Граждане страны, в целом позитивно воспринимая государственно-идеологическую новацию как «гражданская нация», внутренне осознают, что без этого фактически невозможна легитимность государственного управления, да и самого государства. Поэтому возникает ряд трудных вопросов с точки зрения реализации этих идеологических установок. Тем не менее, эта позиция нашла подтверждение в высказываниях Д. Медведева. В храме Христа Спасителя в связи с началом празднования 1020-летия крещения Руси 29 июня 2008 г.: «...уже на стадии своего зарождения российская нация, как и сама государственность, стала складываться как полиэтничная и реально сформировалась на базе синтеза восточных и западных традиций...» (См.: *Из выступления Президента России Д. Медведева в храме Христа Спасителя в связи с началом празднования 1020-летия крещения Руси: Стенограмма выступления в храме Христа Спасителя в связи с началом празднования 1020-летия крещения Руси.* URL:

http://archive.kremlin.ru/appears/2008/06/29/1446_type82634type122346_203259.shtml.

¹ Столь же фундаментальное высказывание было сделано и президентом В. Путиным 5 февраля 2004 г. на рабочей встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений в Чебоксарах: «...полагаю, что сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас всех объединяет. Наши предки очень многое сделали для того, чтобы мы чувствовали это единство. Это наша историческая и наша сегодняшняя реальность тоже. Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом. Используют все свое культурное богатство и многообразие в интересах всего общества и всего государства. Мы обязаны сохранить и укрепить наше национальное историческое единство...» (См.: *Протокол заседание Совета по межнациональным отношениям в Чебоксарах 5 февраля 2004 г.* URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 01.02.2013).

Кирилл Брагин

аспирант Сибирского института управления — филиала РАНХиГС

Новосибирск, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ СИБИРСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Во второй половине 80-х гг. XX в. перестроечный курс на демократизацию и гласность способствовал возникновению многочисленных самостоятельных общественных организаций и партий в Советском Союзе. По подсчетам социологов, за годы перестройки возникли сотни неформальных политических организаций¹. На характер организационного строительства влияли актуальные общественные процессы и настроения. Р. Ф. Туровский выделяет ряд факторов того времени, определяющих взаимоотношения между центром (Москвой) и регионами: деградация и дискредитация унитарной модели; падение политического влияния центра и развитие региональной инициативы; постепенная делегитимация Москвы как российской столицы и центра русской культуры².

Рост регионального самосознания проявлялся не только в национальных республиках, но и в краях и областях с преимущественно русским населением³. Неудивительно, что в конце 80-х гг. в самых разных уголках Советского Союза возникли организации, ставившие целью обособление своих республик и регионов от союзного центра. Не обошел этот процесс и Сибирь, где до Октябрьской революции 1917 г. развивалось областническое движение.

Областники начала XX в. аргументировали необходимость сибирской самостоятельности не только тем, что Сибирь тради-

---

¹ *Березовский В. Н., Кротов Н. И., Червяков В. В.* Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы : справ. Т. 1. М. : РАУ-Пресс, 1991. 339 с. URL: http://old.nasledie.ru/oborg/2_16/t1/01.htm

² *Туровский Р. Ф.* Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? : сб. ст. М. : Гендальф, 1999. С. 87—90.

³ *Там же.* С. 91.

ционно эксплуатировалась центром в качестве сырьевой колонии, но и тем, что в Сибири имелись серьезные предпосылки формирования нации в связи с наличием особого культурного типа русского населения после смешения с аборигенами и особенно, отличного от европейской России, социально-политического уклада, возникшего в связи с переселением в регион крестьян, политических ссыльных и осужденных¹. В качестве образца государственного устройства предлагались Северо-Американские Штаты².

Исходя из сказанного выше, можно согласиться с А. В. Сушко, определившего дореволюционное областничество как «националистическое движение сибирской интеллигенции, целью которого являлось пробуждение в массе сибирского населения сибирского самосознания»³. Британский теоретик национализма Эрнст Геллнер характеризовал национализм как «политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»⁴. Следовательно, любое движение, требующее независимости или, по крайней мере, широкой автономии своей территории, можно отнести к националистическому спектру, ведь в случае формирования новых суверенных территориально-государственных образований неизбежно запускается процесс национального строительства, иначе такие образования не смогут существовать продолжительное время.

В связи с тем, что постсоветский сибирский национализм до сих пор не стал влиятельной политической идеологией и не получил серьезного организационного оформления, эта проблема к настоящему моменту остается слабо изученной. Ценными источниками информации являются справочные издания конца 80-х — начала 90-х гг. о новых политических и неформальных

---

¹ *Шиловский М. В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX — первой четверти XX века. Новосибирск : «Сова», 2008. С. 220—221.

² *Там же.* С. 220.

³ *Сушко А. В.* Сибирский национализм и борьба за власть в крае (март 1917 — ноябрь 1918 г.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 323. С. 174—175.

⁴ *Геллнер Э.* Нации и национализм : пер. с англ. М. : Прогресс, 1991. С. 23.

движениях, содержащие подробные фактологические данные¹. Среди исследовательских работ стоит отметить труды, в которых рассматривается общее политическое развитие Сибири со времен перестройки по настоящее время и, помимо всего прочего, уделяется внимание деятельности некоторых сибирских националистических организаций, специфическим тенденциям в СМИ и автономистским притязаниям со стороны региональной властной элиты². В Интернете размещены публицистические работы о сибирском национализме, отдельные из которых выполнены с привлечением значительной источниковой базы³. Также нельзя обойти вниманием статьи о национализме сибирских этносов⁴.

В публицистике, исследовательской и справочной литературе можно встретить упоминания о целом ряде организаций с говорящими названиями, существовавших в годы распада СССР: Томское народное движение, Сибирская народная партия, Партия сибирской независимости, Союз объединения Сибири, Сибирская республиканская партия, Союз возрождения Сибири, Партия Сибирской независимости, томский комитет «Сибирь», тюменское движение «Сибирь» и др.⁵ По большому

---

¹ Богданова М. Самиздат и политические организации Сибири и Дальнего Востока: на правах рукописи ; под ред. В. Прибыловского. М., 1991. 31 с. ; Березовский В. Н., Кротов Н. И., Червяков В. В. Указ. соч. 339 с.

² Величко С. А. Общественно-политическая жизнь Сибири (1985—1991). Омск : Изд-во ОмГТУ, 2004. 314 с. ; Осипов А. Г., Козодой В. И. Политический спектр. Формирование многопартийности в Западной Сибири. 1986—1996. Новосибирск : НГУ, 2003. 352с. ; Козодой В. И. Формирование многопартийности в Сибири. 1985—1996. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2004. 452 с. ; Новиков С. В. Политические партии, общественно-политические движения, пресса, избиратель Западной Сибири: проблемы взаимовлияния. 1988—1996 гг. Омск : Изд-во ОмГАУ, 2002. 364 с. ; Его же. Политические партии, властные структуры в борьбе за влияние на печать и избирателя Западной Сибири. 1992—1996 гг. Омск, 2000.

³ Киселев Л. Сибирский сепаратизм и его роковая судьба // Проза.ру. 2009. 8 апр. URL: <http://www.proza.ru/2009/08/04/620>

⁴ Михайлов Д. А. Национальный дискурс в Сибири: Г. И. Гуркин и алтайский национализм // International J. of Russian Studies. № 3. 2014/1. URL: http://www.ijors.net/issue3_1_2014/articles/mikhailov.html

⁵ Например: Диффузные сепаратистские войны // «Суть времени». URL: <http://gazeta.eot.su/section/diff>

счету в своих программных требованиях они различались лишь в необходимой степени суверенитета Сибири (от существования в рамках РФ до полной независимости). Как правило, выражалась преемственность идейной традиции областничества начала XX в.

В частности, Томское народное движение (ТНД), возникшее на базе Союза содействия революционной перестройке (ССРП) в 1989 г., выступало за освобождение сибирских регионов от «колониальной зависимости от московской метрополии», провозглашение политической и экономической самостоятельности Сибири¹. В качестве будущего государственного устройства предлагалось создание конфедерации сибирских регионов для «преодоления сверхцентрализации, которая губит все ценное на местах». Как и областники начала XX века, участники ТНД считали близким для себя североамериканский опыт борьбы за независимость и государственное устройство².

В Томске же возникла одна из самых заметных партий сибирского национализма — Партия сибирской независимости, предложившая в феврале 1991 г. Томскому областному совету провести опрос населения, в рамках которого поднимался вопрос: «Быть или не быть праву приостановления действия на территории области актов союзного и российского центров, посягающих на интересы населения области?»².

Также идеи сибирского национализма были взяты на вооружение анархо-синдикалистами. Конфедерация анархо-синдикалистов (КАС) ставила целью создание конфедерации в составе Иркутской, Кемеровской, Курганской, Новосибирской, Томской, Тюменской и Читинской областей³. Участники КАС определяли корни своей идеологии не только в трудах общемировой анархо-синдикалистской мысли, но и в работах сибирских областников. Сибирский лидер КАС Игорь Подшивалов уважительно называл Г. Н. Потанина «патриархом свобод-

---

¹ Березовский В. Н., Кротов Н. И., Червяков В. В. Указ. соч.

² См.: Новиков С. В. Политические партии, общественно-политические движения, пресса, избиратель Западной Сибири: проблемы взаимовлияния. 1988—1996 гг. С. 115.

³ Там же. С. 114—115.

ной Сибири»¹. Отделения КАС активно действовали в Иркутской области².

Предпринимались попытки создания межрегиональных координационных органов сибирских неособластников. В июле 1990 г. был создан Союз объединений Сибири, в учредительной конференции которого приняли участие представители практически всех сибирских областей и краев. Целью нового объединения провозглашалось «устранение фактически колониального положения региона, как в экономическом, политическом, так и в культурном отношении»³.

Отдельно возникали автономистские проекты в среде коренных сибирских народов. Например, бурят-монгольская народная партия выступала за создание Бурят-Монгольской Республики и право бурят-монгольского народа на самоопределение⁴.

В то же время выступления с автономистским уклоном допускали в первой половине 90-х гг. представители управленческого корпуса. Так, председатель Красноярского краевого совета В. А. Новиков заявил в июне 1993 г., что приложит все усилия для преобразования Красноярского края в суверенную Енисейскую республику⁵. Подобные выступления имели популистский характер и были своеобразными попытками давления на центральную власть.

В октябре 1990 г. образовалась межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов РФ «Сибирское соглашение». Ее создание было вызвано обострившимися экономическими противоречиями и диспропорциями в регионах

---

¹ *Подшивалов И.* Патриарх свободной Сибири : [Сайт Иркутской организации КАС (Федерации анархистов Иркутска)]. URL: <http://www.angelfire.com/ia/IOKAS/potanim.html>

² *Величко С. А.* Общественно-политическая жизнь Сибири (1985—1991). Омск : Изд-во ОмГТУ, 2004. С. 209.

³ *Безовский В. Н., Кротов Н. И., Червяков В. В.* Указ. соч.

⁴ *Устав Бурят-Монгольской народной партии, принятый на Учредительной конференции 17 ноября 1990 г. в г. Улан-Удэ.* URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?file=viewtopic&name=Forums&t=17006>

⁵ *Киселев Л.* Сибирский сепаратизм и его роковая судьба. URL: <http://www.proza.ru/2009/08/04/620>

Сибири последних лет перестройки¹. СМИ, поддерживавшие курс Б. Н. Ельцина, настойчиво связывали «Сибирское соглашение» с сепаратизмом, несмотря на то, что МАСС последовательно выступала в защиту территориальной целостности РФ¹. Деятельность объединения не переросла в политическое оформление сибирского национализма, хотя для этого у «Сибирского соглашения» были все необходимые ресурсы и подходящая ситуация в стране.

Во время Конституционного совещания 1993 г. члены совета МАСС пытались закрепить в будущем основном законе идею равенства субъектов федерации. Вполне логично, что в условиях политического кризиса осени 1993 г. участники ассоциации выступили на стороне Верховного Совета РФ. 29 сентября 1993 г. в Новосибирске было создано чрезвычайное совещание местных, республиканских, краевых и областных советов. Лидерами совещания были участники «Сибирского соглашения»: председатель Кемеровского областного совета А. Г. Тулеев, председатель Красноярского краевого совета В. А. Новиков, глава администрации Новосибирской области В. П. Муха, который одновременно являлся председателем МАСС². На совещании было принято решение, что в случае невыполнения центральными органами исполнительной власти требований по восстановлению конституционной законности, сибирские регионы готовы принять совместные меры экономического и политического воздействия, в том числе такие, как проведение местных референдумов по определению государственно-правового статуса регионов и образованию единой Сибирской Республики и приостановление перечисления налогов в бюджет РФ³. То есть участники новосибирского совещания безоговорочно поддержали одну из сторон конфликта внутри центральной власти, выступавшую в защиту ценностей «Августовской революции» 1991 г. и против возрождения авто-

---

¹ Межрегиональная ассоциация экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации «Сибирское соглашение». История : официал. сайт МАСС. URL: <http://www.sibacc.ru/mass/>

² См.: *Киселев Л.* Сибирский сепаратизм и его роковая судьба. URL: <http://www.proza.ru/2009/08/04/620>

³ *Иванов И. (Мусин М. М.) Анафема: Хроника государственного переворота (Записки разведчика)*. СПб. : Палея, 1995. С. 146—148.

ритаризма¹, но не проявили сепаратистские устремления в условиях социально-политического раскола.

Не оставалась в стороне от соблазна независимой Сибири и пресса, с одной стороны, желавшая привлечь читателей освещением столь неоднозначной темы, с другой — применявшая инструмент сепаратизма для дискредитации одной из сторон конфликта в центральной власти (как правило, играя на стороне президента). Идея создания государства на основе русскосибирской нации неоднократно поднималась «Сибирской газетой», которая даже предлагала по этому вопросу провести референдум².

В целом идеи сибирского национализма в РФ в конце 80-х — начале 90-х гг. не были всерьез поддержаны региональными элитами и не привели к возникновению влиятельной политической силы, оставаясь до своего завершения на уровне эпатаж. Тому были объективные причины.

Общественное мнение не было на стороне сибирской автономии или, тем более, суверенитета. Перспективы отделения от центра по проводившимся в 1992 г. опросам населения, только что столкнувшегося с ликвидацией СССР, симпатий не вызывали³. К слову, большинство граждан Советского Союза вовсе не желали распада страны, что показали итоги общесоюзного референдума в марте 1991 г.⁴ Отчасти победу Б. Н. Ельцина в противостоянии с Верховным Советом объясняет успех пропагандистской машины, которая неустанно обвиняла российский парламент в сепаратистских устремлениях.

Тем не менее вместе с надеждой на равновесную модель государственной власти победа президента в октябре 1993 г. завершила и до того незначительные перспективы возродившейся в годы перестройки сибирской националистической идеи. Конец двоевластия в России, по словам Эмиля Паина, «положил

---

¹ См.: Гусев А. В. Судьба «Августовской республики» 1991—1993 гг. в России // От Древней Руси к Российской Федерации. История Российской государственности : материалы междунар. науч. конф. СПб. : Алетей, 2013. С. 560—566.

² См.: Киселев Л. Указ. соч.

³ См.: Величко С. А. Общественно-политическая жизнь Сибири (1985—1991). С. 209.

⁴ Сообщение Центральной комиссии референдума СССР об итогах референдума СССР, состоявшегося 17 марта 1991 г. // Правда. 1991. 27 марта.

начало восстановлению управляемости государством. Это совпало и с переменами политических ориентаций подавляющего большинства региональных лидеров, которые уже прочно утвердились в своих республиках»¹.

На сегодняшний день в Сибири подавляющее большинство населения отрицательно относится к идее автономии. Согласно опросу, проведенному «Левада-центром» 15—18 ноября 2013 г., в поддержку отделения своего региона высказывается лишь четверть сибиряков (правда, это все же самый высокий уровень положительного отношения к сепаратизму по сравнению с другими регионами России)².

Но не стоит надеяться, что сибирские националистические идеи теперь навечно исчерпали возможности усиления и перспективы успеха³. То, что региональные националисты могут иметь существенный потенциал, показывает европейский опыт. В частности, на последних выборах в британскую Палату общин большого успеха добилась Шотландская национальная партия (Scottish National Party), призывающая к созданию независимого шотландского государства⁴. «Конца истории», как показывают реалии XXI в., не будет, и в переломных моментах будущего нашей страны идеи переустройства Сибири могут быть вновь актуализированы.

---

¹ Паин Э. А. Федерализм и сепаратизм в России: мифы и реальность. URL: <http://www.politnauka.org/library/territor/pain.php>

² *Россияне о сепаратизме* // Левада-центр. 2013. 28 нояб. URL: <http://www.levada.ru/28-11-2013/rossiyane-o-separatizme>; Население придерживается цельных взглядов // Коммерсантъ. 2013. 28 нояб. URL: <http://kommersant.ru/doc/2354209>

³ См.: Савинов Л. В. Этнополитика и этнобезопасность : моногр. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2009. 184 с. ; *Его же*. Методологическая матрица этнонационализма: опыт полипарадигмального подхода // Этносоциум и межнационал. культура. 2008. № 7 (15). С. 162—170 ; *Его же*. Смыслы и концепты этнополитической безопасности // Изв. высш. учеб. заведений. Социология. Экономика. Политика. 2010. № 1 (24). С. 35—38 ; *Его же*. Региональная этнополитическая безопасность: пример Сибири // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 4 (37). С. 41—48.

⁴ *First Minister introduces Scotland's 56 SNP Mps* // Snp.org. 2015. 9 May. URL: <http://www.snp.org/media-centre/news/2015/may/first-minister-introduces-scotlands-56-snp-mps>

Елена Гоголева

*доцент кафедры социологии и политологии
Тульского государственного университета*

Тула, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Сопровождающий современную Россию идеологический кризис ознаменовался изменением прежних идентификационных основ, поиском и конструированием новых моделей самовосприятия, составляющих основу существующих социально-политических отношений. Такого рода новые социально-политические отношения определяют иное, чем прежде, соотношение между культурой, обобщением прошлого опыта социума и ориентацией сегодняшнего, актуального поведения.

В XXI в. одним из фундаментальных противоречий современности и главных вызовов человеческому сообществу выступает противостояние вызванных глобализацией универсальных цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национально-культурной идентичности — с другой. Данные процессы усугубляются усилением тенденции индивидуализации личности, его «атомизированности». В дальнейшем это будет способствовать ослаблению, а в перспективе, возможно, приведет к необратимому распаду традиционных способов психологической интеграции индивида в большое общество.

В современных российских условиях, которые характеризуются отчуждением людей от современной общественно-экономической и политической жизни, различиями в ориентациях и ценностях, социальной разобщенностью и отсутствием доверия между отдельными социальными группами, принципиальную важность приобретает вопрос формирования и трансформации национальной идентичности, которая в структуре социальных идентичностей квалифицируется как одна из важнейших, поскольку является отражением отношения личности к государству, а степень ее сформированности выступает как залог гражданской, политической, духовной консолидации народа в единое российское общество. Исследование нацио-

нальной идентичности как социального феномена позволяет оценить существенные черты современной жизни, состояние общества в стране, регионах, социальных, этнических группах.

«Национальная идентичность — это устойчивый образ государства и нации в массовом сознании, разделяемое индивидуумами представление о принадлежности к этим институтам и лояльность по отношению к ним. Такого рода идентичность служит основой политического и социокультурного самоопределения России, выбора модели государства и типа развития, геополитических и внешнеполитических ориентиров»¹. «Национальная идентичность включает множество компонентов, таких как мировоззрение, национальное самосознание и менталитет, национальный характер, историческая память, этнонациональные образы, национальные традиции, мифы, символы и стереотипы поведения и др. Немаловажными составляющими идентичности являются исторически сформировавшиеся, относительно формализованные и зачастую конкурирующие между собой представления о месте страны в мире, ее культурно-цивилизационной принадлежности, национальных интересах, геополитических приоритетах и т. д.»².

Национальная идентичность распространяется на все сферы общественной жизни, охватывая закономерности в индивидуальном и коллективном действии, поведении и мышлении. Например, Д. Драгунский «выделяет пять уровней национальной идентичности: инфраструктурный (уровень быта — пути сообщения, телекоммуникация, финансовая система, розничная торговля — все то, что создает повседневный динамический стереотип); институциональный (право, нормы поведения, образование, церковь и т. д.); уровень повседневности (устоявшиеся социальные, семейные, индивидуальные практики); ценностный (идеологический) и ментальный (духовный)»³.

---

¹ Соловей В. О государственной стратегии формирования национальной идентичности в России // *Мировая экономика и междунар. отношения*. 2003. № 6. С. 98.

² Гаджиев К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // *Вопр. философии*. 2011. № 10. URL: <http://vphil.ru/>

³ Драгунский Д. Пять уровней идентичности. URL: <http://antropotok.archipelag.ru/text/a059.htm>.

Таким образом, национальная идентичность является интегрирующим фактором общества на базе общих терминальных и инструментальных ценностей (в том числе через такие ценностные комплексы, как Родина, государство, страна), которая выражается через отождествление индивидом с определенными позициями в социокультурном пространстве и фиксируется через социальные взаимодействия в конкретных видах деятельности.

Формирование национальной идентичности в наибольшей степени происходит в период молодости, когда люди наиболее восприимчивы к социальным изменениям окружающего мира и готовы к новаторству. В современных условиях российского общества именно молодежь выступает основным субъектом формирования и реализации национальной идентичности, являясь динамичной социально-демографической группой, молодежь выполняет в обществе важную роль трансформации поколений, принимает активное участие в преобразовании всего общества. Молодежь — та группа, изучение которой позволяет с определенными допущениями прогнозировать развитие общественного сознания. В то же время социальное положение молодежи характеризуется неполнотой социального статуса, неопределенностью социальных позиций, неустойчивостью социальных идентификаций.

К тому же процесс формирования идентичности для молодых людей в нашей стране сегодня сопряжен в значительной степени с процессами изменения традиционных форм социализации и межпоколенческой преемственности, социальной мобильности, путей и способов профессионального и личностного самоопределения. В этой связи актуальность исследования тенденций развития национальной идентичности у молодежи важна не только для выработки и проведения в жизнь широкомасштабных государственных преобразований, но и потому, что молодое поколение формирует образ будущего и должно рассматриваться как важный субъект общественного развития, напрямую зависящий от внешних условий социальной среды.

Национальная идентичность проявляется в понимании молодежью своего места в обществе наряду с осознанием своей социальной связи с другими гражданами. В этом случае идентичность, наряду с социализирующей функцией, выполняют

адаптирующую и защитную функции. С помощью идентичности у современной молодежи формируется более или менее четкая система представлений как о возможных направлениях действий, так и о пределах этих возможностей. Можно утверждать, что национальная идентичность является резервуаром социальных знаний, она снабжает молодежь набором устоявшихся форм и способов ориентации в социуме.

Однако в настоящее время диагностируется кризис идентичности в молодежной среде. Сегодня в российском обществе сформировались две модели идентичности в молодежной среде в зависимости от условий жизни: «модель стабильности», отражающая процесс неопределенных идентификаций, и «модель риска» с доминирующей тенденцией деформации правового и патриотического сознания¹. Это можно объяснить тем, что большинство молодых граждан не обладают достаточным уровнем знаний о функционировании основных политических, государственных и общественных институтов, часто демонстрируют низкую степень заинтересованности в решении общественных вопросов, не интересуются историей и традициями своей страны; ареал их интересов ограничивается личными проблемами и интересами. На протяжении последних тридцати лет произошло смещение акцента в пользу индивидуалистических ценностей и нивелирование коллективистских.

Данные обстоятельства, несомненно, грозят единству и целостности российского общества, его способности к целенаправленному действию. Грозят они и самому индивиду: возможна утрата социальных связей, что чревато обесмысливанием индивидуальной жизни, духовным обнищанием личности. Однако наиболее болезненными и опасными для дальнейшего развития общества являются не личностные диффузные состояния идентичности, а деформация коллективной идентичности, связанная с разрушением социальной структуры и отношений.

В этих условиях необходимо целенаправленное формирование национальной идентификации у молодежи, что будет способствовать трансформации образа общества. Причем данный

---

¹ См.: Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. Второе издание. М. : Наука, 2003, С. 147.

образ будет представлен «не как совокупность окружающих социальных обстоятельств объекта собственной активности личности, а образ большого общества как собственного “мы”, т. е. общности, с которой эти субъекты себя идентифицируют»¹. Только в таком случае у молодого поколения может сформироваться чувство социальной ответственности за судьбу страны, будут развиваться такие интегративные качества личности, как гражданственность, патриотизм и социально-критическое мышление, обеспечивающие когнитивную основу свободного жизненного выбора личности.

В конечном счете процесс становления национальной идентичности у молодежи связан с трансформацией исторически сложившихся представлений о России, переориентацией их с патерналистских настроений на деятельностную самоорганизацию, солидаризацию вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих. Активизация данных направлений со стороны властных структур, политических партий, общественных объединений будет способствовать формированию целостного отношения молодежи к социальному и природному миру, способности устанавливать баланс индивидуальных и общественных интересов, что предполагает последовательное освоение и преобразование личностью различных модальностей ее гражданского бытия в современном обществе².

---

¹ Гоголева Е. Н. Активность местного сообщества как условие функционирования местного самоуправления // Изв. Тульск. гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Вып. 2. С. 133.

² См.: Гоголева Е. Н. Гражданская идентичность современной российской молодежи: состояние, тенденции, перспективы // Молодежная политика: мировой исторический опыт и современные проблемы : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е. В. Касимов. Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2012.

Роман Горбовой

аспирант Сибирского института управления — филиала РАНХиГС

Новосибирск, Россия

РУССКИЙ ЭТНОС И ВЛАСТЬ. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Русский суперэтнос, включающий на протяжении веков три главных восточно-славянских этнических компонента, — великороссы, малороссы и белорусы — был основным держателем Российской империи и субъектом развития Российского государства. Роль и функции со временем остались неизменными, и современный вариант русского суперэтноса — русский этнос также остался основой в строительстве Российской государственности, которая заключается в объединении всех этносов, проживающих на территории страны, и способствовании «многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию»¹.

Русский суперэтнос благодаря сформированному внутри него духу, культуре, способности объединять вокруг себя другие этносы смог включить их в свою культуру, тем самым создать культурное многообразие. В свою очередь малые народы и субэтносы предпочли в свое время существование в пределах более толерантного русского суперэтноса, из-за опасности уничтожения другими, более агрессивными. При таком подходе этносы становились уже не соперниками, а соратниками в исполнении общего предназначения. Как результат мы имеем исторически собранную и жизнеспособную Россию.

Русский суперэтнос благодаря советской национальной политике был разбит на три уже самостоятельных этноса — русский, украинский и белорусский. Тем самым, возможно, по инерции (по общему наименованию) либо из-за численного превосходства все функции и обязанности перешли от русского су-

---

¹ См.: *Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года* : утв. указом Президента Рос. Федерации от 19 дек. 2012 г. № 1666 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 52. Ст. 7477.

перэтнoсa к русскому этносу. И при этом русский этнос остался все тем же «исторически системообразующим ядром»¹, который и по сей день является доминирующим и основополагающим в «собрании» и укреплении страны. От состояния и самочувствия которого, в свою очередь, зависит эффективность и целесообразность реализуемых государством направлений в сфере государственной национальной политики².

Но, выступая субъектом национальных отношений, русскому суперэтнoсу и впоследствии этносу в государственной национальной политике «не всегда находилось место». Так, в национальной политике при царе уделялось особое внимание по отношению к «иностранцам», а в СССР по отношению к «национальным меньшинствам». К сожалению, и в современной России большой спектр действующих нормативно-правовых актов в сфере национальных отношений, включающих в себя вопросы национально-культурных автономий, прав и гарантий коренных малочисленных народов, сориентированы на защиту прав этнического меньшинства. Конечно, значение развития малочисленных этносов ни в коем случае приуменьшать не следует, и это направление национальной политики так же актуально, но, по мнению Г. В. Осипова, уже «на первый план (в национальной политике) выходит проблема защиты прав этнического большинства»³ — русского этноса.

А это крайне необходимо русскому этносу в современной России, так как, по мнению С. В. Путилова, после распада СССР — страны, которую создавало несколько поколений русского этноса, произошло «крушение “державного” самовосприятия и всей системы ценностей, стереотипов, установок русско-

---

¹ См.: *Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.*

² См.: *Савинов Л. В. Этнополитика в региональном измерении* : моногр. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2012. 388 с. ; *Его же. Управление национальными отношениями в России* : учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2011. 187 с. ; *Его же. Элементы российской этнополитики // Социум и власть. 2009. № 1. С. 46—49 ; Его же. Этнополитика в современной России: проблемы конституционно-правового обеспечения // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 1 (34). С. 50—54.*

³ См.: *Русский вопрос* / под. ред. Г. В. Осипова, В. В. Локосова, И. Ю. Орловой. М. : Экономика, 2007. С. 6.

го этноса»¹. Для русских это стало «шоковым событием» и привело к тому, что для русских, проживающих в разных регионах страны, стало почти одинаково присуще «расколотое» самосознание, которому характерно отсутствие четкой этнической самоидентификации»².

Важным фактором, влияющим на национально-культурное развитие этноса, усложняющим процесс взаимодействия с русским этносом, является его «расплывчатость», т. е. территориальная «разбросанность» его представителей как внутри, так и за пределами России. Тем самым задача создания региональной программы для конкретного региона становится трудно достижимой, но при этом — так как русский этнос является государствообразующим и не имеет территориальной привязанности, т. е. компактного проживания в каком-либо субъекте РФ, то любые государственные социальные, экономические, политические реформы автоматически воздействуют на представителей русского этноса — в той или иной мере.

Но несмотря на сложность ситуации, власти попытались выработать стратегии решения проблем, связанных с русским этносом, которыми должны были руководствоваться органы государственной власти. И они нашли свое отражение в Концепции государственной национальной политики. Так, к примеру, в Концепции указывалось, что «межнациональные отношения в стране во многом будут определяться национальным самочувствием русского народа, являющегося опорой российской государственности», и «потребности и интересы русского народа должны в полной мере найти отражение в федеральных и региональных программах, постоянно учитываться в политической, экономической и культурной жизни республик и автономных образований Российской Федерации»³.

---

¹ См.: *Путилов С. В.* Русские и русское самосознание в России: современное состояние и перспективы // Среднерус. вестн. обществен. наук. 2009. № 3. С. 124.

² См.: *Сикевич З. В.* Расколотое сознание. М.: ИЭА РАН, 1997. № 107. С. 235.

³ См.: *Концепция государственной национальной политики Российской Федерации*: утв. указом Президента Рос. Федерации от 15 июня 1996 г. № 909 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 3010.

Также по вопросам «русского народа» были слушания в 1998 г. в Государственной Думе «О концепции по разработке государственной программы национально-культурного развития русского народа» и в 2001 г. в Федеральном Собрании РФ на тему «О проекте Федерального закона “о русском народе”». Во время данных слушаний затрагивался вопрос о статусе «русского народа», но, к сожалению, в первом документе русский этнос не рассматривался в качестве объекта национальной политики, а лишь подчеркивалась важность его участия в процессе реализации национальной политики. Законопроект, в свою очередь, не прошел этап слушаний и в конечном итоге не приобрел статус закона.

Конкретику в вопросе о «русском этносе» внесла Федеральная целевая программа по «Укреплению единства российской нации и этнокультурному развитию народов России (2014—2020 годы)», в которой указывались такие проблемы, как:

— сложное социокультурное самочувствие русского народа, неудовлетворенность его этнокультурных потребностей;

— межрегиональная дифференциация, влияющая на состояние межнациональных отношений в субъектах Российской Федерации и приводящая к росту ксенофобии, этнической и религиозной нетерпимости, ограничению в некоторых субъектах Российской Федерации прав, в том числе русской части населения¹.

Но сложность в решении всех вопросов, связанных с «русским этносом» как в Концепции и в Стратегии, так и Программе, как и прежде, заключается в том, что нет также определения, как необходимо понимать термин «русский народ» — как конкретный этнос или все же как суперэтнос?

Если рассматривать с позиции суперэтнуса, то термины «русский народ», «русская нация», «российская нация» — это синонимы, и вопрос о «русском этносе» и его потребностях остается открытым.

---

¹ Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)»: утв. постановлением Правительства Рос. Федерации от 20 авг. 2013 г. № 718 // Там же. 2013. № 35. Ст. 4509.

Но если рассматривать с позиции конкретного этноса – русского, то меры, которые необходимо предпринять для решения данных проблем, как в Стратегии, так и в данной программе отсутствуют.

В такой ситуации, при которой все же было уделено незначительное внимание вопросам «русского населения», и если этот термин связан с «русским этносом», то, наконец, из субъекта национальной политики, который вынужден был решать проблемы других «не русских» этносов, он стал объектом национальной политики, но без определенных механизмов и инструментов, направленных на решение данных проблем.

Проект Федерального закона «О русском народе», подготовленный в 2001 г. рабочей группой Комитета по делам национальностей ГД ФС РФ, был разработан как дополнение к Концепции национальной политики и в полной мере компенсировал ее пробелы в отношении русского этноса.

Основная цель законопроекта заключалась в формировании основ правового положения русского народа и определении его статуса в системе межэтнических взаимоотношений.

Задачей законопроекта было «создание максимально благоприятных условий для успешного выполнения русским народом его геостратегической роли по сплочению России как многоэтнической общности, по преодолению регионального и национального сепаратизма при становлении единого, федеративного, правового государства»¹.

Также в проекте было дано определение «русской нации» и «русской диаспоре», что уменьшало возможность двусмысленного понимания данных терминов, что, к сожалению, имеет место во всех принятых и утвержденных нормативно-правовых актах.

Из всего вышесказанного следует, что для улучшения взаимодействия власти и русского этноса необходимо данное взаимодействие начать.

---

¹ *Проект* Федерального конституционного закона «О русском народе». URL: <http://www.sevastianov.ru/russkie-imeyut-pravo-/russkie-imeyut-zakon-o-russkom-narode-variant-komiteta-po-delam-natsionaljnostey-gd-rf.html>

Необходимо восстановить работу законопроектом в отношении «русского этноса» с учетом новой социально-политической ситуации в стране. Данный закон позволит закрепить статус и правовые основы развития «русского этноса».

Требуется дать точное определение термину «русский народ» в нормативно-правовых актах в сфере межэтнического взаимодействия, а также рассмотреть статус, виды и формы взаимодействия с органами власти.

Необходимо сформировать программу, направленную на национально-культурное развитие «русского этноса», в которой русский этнос будет рассматриваться как объект национальной политики, которому характерны, а также указаны направления и механизмы взаимодействия органов власти с русским этносом.

Данные меры направлены на улучшение как правового, так и внутреннего состояния представителей русского этноса, который, по мнению Г. А. Зюганова, является — «индикатором социального самочувствия всех российских народов»¹.

От самочувствия всех этносов, вне зависимости от их численности и привилегированности, зависит эффективность государственного и национального строительства, которые в свою очередь могут являться объединяющим началом в процессе формирования гражданско-правового и национально крепкого государства².

---

¹ Зюганов Г. А. Сталин и русский вопрос // Правда. 2008. 26—29 сент. С. 3.

² См.: Савинов Л. В. Формула российской гражданской нации // Федерализм. 2009. № 1 (53). С. 161—174; *Его же*. Этнополитика: политическое пространство нации и этноса // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Философия, социология, политология, культурология. 2009. № 14. С. 240—245.

Майра Камзабаева

*доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры управления Новосибирского государственного
университета экономики и управления*

Новосибирск, Россия

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА

В современных условиях феномен социальной ответственности связывают с концепцией устойчивого развития, концепцией корпоративного гражданства, с управлением в интересах акционеров и др.

Но наибольшее распространение в раскрытии сути социальной ответственности получила концепция заинтересованных сторон. Так, в стандарте *ISO 26000* отмечено, что «выявление и вовлечение заинтересованных сторон является основой социальной ответственности. Организации следует определить тех, кто заинтересован в ее решениях и деятельности для того, чтобы понимать свое воздействие и определить пути реагирования на это воздействие»¹.

Игнорирование требований заинтересованных сторон может существенно осложнить реализацию проектов, вплоть до ее отмены. К примеру, из-за протестов жителей и властей в г. Красноярске не был реализован проект по добыче и обогащению марганцевых руд Кузбасса с последующей выплавкой ферромарганцевой продукции на заводе, который планировалось построить на заброшенной промплощадке под Красноярском. Хотя коммерчески проект был состоятелен и экономически эффективен².

Учет требований заинтересованных сторон также обуславливается необходимостью наращивания репутационного капитала, формирования привлекательного образа работодателя.

---

¹ *ISO 26000:2010* «Руководство по социальной ответственности»: международный стандарт. URL: www.iso.org

² *Партнерство, но не братство* // Эксперт. 2015. № 20—21.

Этичное ведение бизнеса является условием доступа российских компаний на зарубежные рынки товаров, услуг, инвестиций.

В настоящее время во всем мире отмечается рост значения этнонационального фактора в политике, экономике, социальной сфере.

Как отмечает Л. В. Савинов, «этнополитика — это конкретная деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, а также иных институтов гражданского общества, направленная на регулирование межэтнических отношений»¹.

В соответствии с этим определением участниками этнополитических процессов, кроме государства и этносов, являются бизнес, местное сообщество, некоммерческие организации и др.

Этнические конфликты, напряженность усложняют ведение бизнеса и повышают риски, поэтому бизнес как субъект этнополитики заинтересован в обеспечении диалога этнических групп, согласовании действий всех заинтересованных сторон.

Проблема влияния заинтересованных сторон на компании особенно важна для крупных ресурсных компаний России, осуществляющих свою деятельность в сибирских регионах, которые, помимо учета традиционных факторов, должны уделять особое внимание этнополитическим аспектам внешней среды.

В этих условиях этнополитический фактор находит свое выражение в необходимости учета интересов коренных народов Сибири и Севера России. Отметим, что до недавнего времени этот фактор мало учитывался при промышленном освоении сибирских территорий. Так, в статье В. Г. Логинова и А. В. Мельникова приведены отрицательные последствия для коренных народов реализации таких проектов: «Ретроспективный анализ освоения ресурсов в местах проживания коренных малочисленных народов Севера свидетельствует об очень болезненном восприятии этими народами вторжения в их жизненную среду техногенной культуры и их очень медленной адаптации к изменившимся условиям. Увеличение контактов с пришлым населением приводит к росту алкоголизации коренного населения, по-

---

¹ Савинов Л. В. Этнополитика в современной России: проблемы и перспективы конституционного обеспечения. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=644858>

вышению его смертности вследствие значительного удельного веса умерших от травм и несчастных случаев и к росту количества неполных семей из-за утраты одного из родителей в результате таких случаев.

Представителям коренного населения зачастую приходится покидать свои промысловые угодья в случае изъятия их для промышленных нужд. В связи с этим растет нагрузка на угодья соседних семей коренных жителей, куда им приходится переезжать. Земля для аборигенных народов имеет совсем иной смысл, чем для пришлого населения. Смена привычного места жительства очень сложна и болезненна для коренных малочисленных народов Севера. Лица, оставшиеся в родных местах, вынуждены переориентироваться на иные профессии, как правило, наиболее простые в освоении, малопrestiжные и низкооплачиваемые, с регламентированным рабочим днем»¹.

По мнению автора, ресурсодобывающие компании при промышленном освоении регионов должны придерживаться следующих принципов этнополитики:

- учет особенностей различных типов этносов и дифференцированный подход к ним;
- обеспечение гласности и открытости условий реализации инвестиционных проектов;
- содействие адаптации коренных народов к изменяющимся условиям;
- поддержка развития этнической идентичности и национальных культур;
- поддержка проектов, направленных создание условий для сохранения, возрождения и развития национальных традиций;
- популяризация передовых практик ведения бизнеса среди коренного населения.

Учет этнополитического фактора в деятельности компании требует применения стратегического подхода, который предполагает прогнозирование и упреждающие действия, что позволит избежать несистемных, неэффективных тактических действий. Организация выявляет те ситуации, которыми она собирается

---

¹ *Логинов В. Г., Мельников А. В.* Этнические и институциональные аспекты освоения природных ресурсов Севера // Экономика региона. 2013. № 1. С. 96.

заниматься, заинтересованные стороны по каждой из этих ситуаций и те арены, на которых она хочет действовать.

Данную проблему решают ситуативные стратегии социальной ответственности. Ситуативная стратегия социальной ответственности формулируется при реализации конкретных проектов, где формируется свой особенный пул заинтересованных сторон со своими уникальными запросами.

Компании в ситуативных стратегиях должны обеспечить постоянный учет требований всех заинтересованных сторон посредством обеспечения открытого доступа к информации и переговорному процессу.

Принципы этнополитики находят свое выражение в конкретных действиях, заложенных в ситуативных стратегиях социальной ответственности, разработка и внедрение которых предполагают оценку положительного и отрицательного влияния проекта на интересы коренных народов, определение требований, ожиданий коренных народов, разработку модели взаимодействия с их представителями.

Рассмотрим, как учитывается этнополитический фактор на примере проекта строительства газопровода «Алтай», который предусматривает «создание новой трубопроводной транспортной системы в уже существующем транспортном коридоре из Западной Сибири до Новосибирска с последующим продолжением до российско-китайской границы»¹.

Планируется, что газопровод пройдет по территориям Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, Томской и Новосибирской областей, Алтайского края и Республики Алтай. Отметим, что по российской территории газопровод пройдет в основном через промышленно освоенные регионы и его строительство не вызовет большого общественного резонанса. Между тем в Республике Алтай проект может оказать значительное влияние на природные факторы и интересы коренных народов.

Анализируемый проект оказывает многогранное влияние на экономику, социальную сферу и экологию региона. Практика

---

¹ *Новые рынки*. Поставки газа в Китай. URL: <http://www.gazpromexport.ru/strategy/markets/>

свидетельствует, что влияние деятельности компании на среду может быть позитивным и негативным (таблица).

Влияние строительства газопровода «Алтай» на среду¹

Позитивное влияние	Негативное влияние
Использование газа значительно улучшает качество жизни населения	Ущерб природному парку «Зона покоя Укок»
Инвестиции, направленные на поддержку спорта, культуры и другие социальные проекты	—
Реконструкция дорог и мостов, взлетно-посадочной полосы Горно-Алтайского аэропорта	—
Подготовка в вузах местных кадров	Значительные миграционные процессы негативно сказываются на образе жизни и культуре коренных, малочисленных народов
Внедрение передовых практик бизнеса. Организация новых высокоэффективных производств и отраслей промышленности, повышение конкурентоспособности выпускаемой продукции	—

Основные требования коренных народов Алтая можно сформулировать следующим образом:

— создание рабочих мест, вовлечение местного населения в реализацию проекта, доступ к современным практикам ведения бизнеса;

— сохранение и развитие национальных культур, языков, бережное отношение к окружающей среде;

— сохранение природного парка «Зона покоя Укок».

В данном случае требования заинтересованных сторон определены на стадии проектирования. Так, в «Газпроме» отмечают, что на этапе проектирования рассмотрены все возможные маршруты прокладки газопровода. Подготовка проекта и его реализация будут проходить максимально прозрачно, с привле-

---

¹ Таблица составлена автором.

чением научной и экологической общественности, средств массовой информации¹.

Проведены общественные слушания, в которых приняли участие представители Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и других общественных организаций.

Разработка модели взаимодействия с заинтересованными сторонами во многом зависит от того, насколько тщательно и взвешенно выработаны их требования.

Таким образом, реализация компаниями проектов создания инфраструктурных объектов приводит к необходимости формулирования ситуативной стратегии социальной ответственности, что позволяет учесть специфические ожидания заинтересованных сторон этих проектов.

---

¹ «Газпром» сегодня. URL: <http://www.gazprom.ru/about/today/>

Александр Керимов

*кандидат политических наук, доцент,
заведующий кафедрой политических наук
Уральского федерального университета имени Б. Н. Ельцина*

Екатеринбург, Россия

КОММУНИКАЦИЯ ВЛАСТИ И ЭТНИЧЕСКИХ СООБЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Для современной России межнациональная и миграционная проблематика по-прежнему является актуальной. Данные тезисы преследуют цели обозначения возможных вариантов взаимодействия власти и этнических сообществ на уровне муниципалитетов, которые в какой-то степени могли бы решить эту проблему.

По данным социологических исследований аналитического центра «Левада-Центр», число россиян, считающих, что «в настоящее время в России возможны массовые кровопролитные столкновения на национальной почве», снизилось с 62 % в октябре 2013 г. до 24 % в июле 2014 г. Если об ощущении межнациональной напряженности в городе/районе, где проживает респондент, осенью 2013 г. говорили 43 % опрошенных, то сейчас — 23 %. Россияне стали меньше испытывать негативных чувств к выходцам из южных республик. Однако снижение негатива и агрессии произошло не за счет увеличения позитивного восприятия, что могло бы указать на положительную динамику в этой сфере, а за счет роста безразличного отношения и появления новых объектов ксенофобии — «западенцев» и украинских «бандеровцев-фашистов». На вопрос: «Поддерживаете ли лозунг “Россия для русских?”», — 23 % респондентов ответили, что «определенно поддерживают» и 43 % «скорее поддерживают», т. е. 66 % из опрошенных благосклонно относятся к данному лозунгу. Еще более впечатляющая картина массовых этнических фобий среди этнического большинства предстает при анализе ответов на вопрос: «Как вы думаете, представляют ли сейчас угрозу безопасности России люди нерусских нацио-

нальностей, проживающие в России?» На данный вопрос примерно 80,4 % опрошенных ответили утвердительно¹. При этом важно отметить, что уровень этнических страхов, фобий у русской молодежи выше, чем у лиц старшего возраста.

Эксперты по изучению межнациональных конфликтов считают, что национальный вопрос встал так остро из-за того, что в России государственная национальная политика не достаточно неэффективна. Основные факторы напряженности — это неконтролируемая миграция, распространение радикального ислама, социально-экономическая депрессия, высокий уровень коррупции и бедность в некоторых национальных республиках. Аналитики называют также угрожающим фактором политику Китая. На фоне массовой миграции подданных Китая возникает много конфликтов из-за негативного отношения россиян к приезжим.

Для решения проблем, накопившихся в сфере межнациональных отношений, федеральная власть приняла соответствующий закон об ответственности региональной и муниципальной властей, согласно которому, в частности, глава муниципального образования может быть отправлен в отставку за то, что не предотвратил межнациональный конфликт.

Возникает закономерный вопрос, как муниципальная власть должна строить систему отношений с этническими сообществами?

Представляется, что политика муниципальных властей в решении данного вопроса может иметь следующие возможные стратегии.

Одна из них — изоляционизм. Логика ее проста — надо пресечь процесс миграции, в идеале — свести к нулю. История показала, что в принципе это возможно, — но в условиях тоталитарного общества и полной закрытости от внешнего мира. Путь тупиковый и для современной России вряд ли возможный.

Противоположная стратегия — не замечать проблему, равнодушие к ней, запоздалая реакция на свершившиеся факты. В последние годы такая стратегия демонстрировалась довольно часто. Так, после паники начала 1990-х гг. прошлого столетия

---

¹ *Национализм, ксенофобия и миграция* : пресс-выпуск «Левада-Центра». URL: <http://www.levada.ru/26-08-2014/natsionalizm-ksenofobiya-i-migratsiya> (дата обращения: 02.09.2015).

упало внимание к проблеме китайской миграции. Причины этого понятны, потому что поток мигрантов из Китая уменьшился и стабилизировался, общество и власти привыкли, наиболее острые проблемы так или иначе были решены. А что делать в условиях новой массовой волны, которая уже идет? Полагаем, что миграционный поток титульных жителей Центральной Азии, северокавказских республик не менее значим, чем китайская волна.

Следующий вариант стратегии это — управление процессом. Этот вариант строится на реалистичном понимании того, что процесс внешних миграций неизбежен, более того, навверное, даже необходим в качестве инструмента развития региона. Но он сопровождается массой рисков, к которым надо заранее готовиться. Для этого — опять же заранее — необходимо готовить общество, формировать общественное мнение, создавать законодательную и институциональную базу. Решением проблемы может быть только интегрирование, а данный процесс очень сложный. Решается он не за счет курсов и прочего, а посредством помещения приезжих в благоприятную для интеграции среду.

На уровне муниципалитета эта стратегия может включать в себя: постоянный мониторинг процесса; создание комплексной системы социокультурной адаптации, аккультурации, иногда ассимиляции мигрантов и их детей; создание механизма натурализации, которая могла бы стать инструментом воспитания лояльного и законопослушного жителя, возможно, будущего гражданина России; жесткая борьба с нарушителями российского законодательства; эффективная защита гражданских и трудовых прав трудовых мигрантов; максимально возможная легализация труда мигрантов, что позволит контролировать ситуацию, собирать налоги, сводить масштабы криминальности иммигрантских сообществ к социально приемлемому уровню; адаптация самого принимающего общества к новой миграционной ситуации и ее глобальным последствиям.

Основные проблемы, которые сейчас существуют в межнациональных отношениях, — это бытовая ксенофобия, распротранение среди молодежи ксенофобских установок. Но ксено-

фобские настроения имеют свойства перерасти в националистические, которые чреваты уже более тяжкими последствиями.

Представляется, что для реализации стратегии управления миграционными процессами на уровне муниципалитетов необходимы следующие шаги, управленческие решения. Таких мероприятий множество, и считаем, что их реализация на практике может существенно снизить остроту противоречий, возникших во взаимоотношениях с этническими сообществами, и служить неким индикатором для оценки работы руководителей муниципалитетов. Итак, предлагаемые мероприятия следующие:

1. Проведение постоянного мониторинга ситуации по выявлению конкретных причин межэтнических конфликтов или обострения межэтнической ситуации на местах.

2. Содействие этническим сообществам в разработке документации и создании этнических общественных объединений, национально-культурных центров.

3. Активизация работы администрации муниципального образования с руководством этнических сообществ, проживающих на территории района, города (в качестве конкретного шага по реализации данного пункта можно предложить создание этнического совета при главе администрации, ежемесячные встречи руководителей различных служб района, города с представителями обществ и т. п.).

4. Разработка программ этнического развития с целенаправленными управленческими решениями в социально-экономической, правовой и культурно-духовной сферах в целях предупреждения межэтнических конфликтов.

5. Создание условий для активного участия этнических групп в общественной жизни и самоуправлении.

6. Проведение культурных мероприятий, которые должны быть нацелены не на демонстрацию различий культур, а на то, чтобы показать общность интересов жителей данной территории на основе универсальности общечеловеческих ценностей. На эти мероприятия нужно привлекать средства массовой информации, задействовать территориальную прессу.

7. Организация народных дружин в многонациональных районах, городах совместно с правоохранительными органами,

с участием представителей диаспор для поддержания общественного порядка.

8. Строгий контроль процедуры приобретения представителями этнических сообществ в собственность объектов недвижимости и земельных участков на предмет их неукоснительного соответствия действующему законодательству РФ.

9. Освещение в местных СМИ межэтнических проблем и опыта их решения.

10. Недопустимость формирования негативных этнических стереотипов средствами массовой информации, к которым относятся:

— утверждение принципа «коллективной ответственности» по отношению к нерусским народам;

— использование унижительных ярлыков и оскорбительных высказываний в адрес представителей нерусских национальностей;

— манипуляция общественным мнением при помощи известного приема «презумпции виновности».

11. Кадровое представительство из этнических групп в структурах муниципальной власти.

12. Организация работы с молодежью в многонациональных молодежных коллективах (школах) и по месту жительства.

13. Организация преподавания в школах предмета «Основы религиозных культур и светской этики». Детей уже с младшего школьного возраста необходимо учить уважению к этническим и религиозным традициям.

14. Организация для учителей школ и училищ в многонациональных городах и районах дополнительных курсов повышения квалификации с включением вопросов межэтнических отношений, культуры народов, проживающих на данной территории.

15. Организация в школах воспитательной работы по развитию этнической идентичности у детей мигрантов с целью формирования у них не этноконфессиональных ценностей, а общероссийских, ценностей общегражданского согласия.

16. Выделение в штатном расписании администраций многонациональных районов и городов ставок специалистов по межнациональным отношениям, работе с национальными диас-

порами, общественными организациями, вынужденными переселенцами.

Таким образом, в урегулировании межэтнических проблем главное не создание или реформирование «структур», а подбор кадров. Этническими и религиозными проблемами должны заниматься люди, профессионально подготовленные к серьезной аналитической, правовой деятельности в этой области. Это должны быть специалисты, способные не только реагировать на происходящее, но и прогнозировать развитие событий. В этом отношении региональная и муниципальная власти должны стремиться к налаживанию сотрудничества с академической средой, проявить заботу о подготовке соответствующих специалистов в лучших высших учебных заведениях страны.

Евгений Князев

*доктор педагогических наук, профессор,
кафедра дошкольного образования
Московского городского педагогического университета*

Москва, Россия

РОССИЙСКОЕ ЖИЗНЕЧУВСТВИЕ: ПОИСКИ И НАХОДКИ

В современной общественной мысли господствуют два подхода к нашему идейному историческому наследию, российскому жизнечувствию. Первый — беспредпосылочно-коммерческий, второй — авторитарно-заидеологизированный. Первый — характерен для людей, лишенных чувства исторической преемственности, чьи корни подорваны; отталкиваясь от ложных ценностей, они порой демонстрируют штампы чужеродного технократического мышления. Им чуждо традиционное российское жизнечувствие, их интересует исключительно личное преуспевание. Второй — характерен для людей, чьи корни остаются в XX в. в идейных течениях от черносотенных до большевистских. Формально такие люди порою отрицают заимствованный менталитет, заменяя его политическими эмоциями разного толка: державность, национал-социализм и др. Для них и Православие — лишь атрибут «русскости». Однако по сложившейся социокультурной традиции фанатизм не дает возможность отыскать подлинные общенациональные ценности.

Исаия Берлин дал изящное определение предмета философии: это попытка заниматься вопросами, на которые нет и не может быть однозначного ответа, что хотелось бы распространить и на российское жизнечувствие, которое не следует считать только «научным подходом» и «учебной дисциплиной». Российское просвещенное общество за два истекших столетия несколько раз обрело социокультурные феномены крупных исторических сочинений, охватывающих многовековую эволюцию страны и формировавших российское жизнечувствие. Необходимо отметить весьма существенную, на наш взгляд, причину возникновения концептуальных трудов в исторической науке, ибо они буквально обусловлены эпохами кардинальных

преобразований в государстве в течение данного исторического периода. «Дней Александровых прекрасное начало...» ознаменовалось появлением «Истории государства российского» Н. М. Карамзина, концепция которой содержалась в самом названии, оказавшая мощное воздействие на становление просвещенного российского общества, а также, на наш взгляд, обусловила появление гения А. С. Пушкина. Под влиянием мудрого учителя поэт сам стал самостоятельным исследователем, историком, автором блистательного исторического исследования «История Пугачева».

В эпоху Великих реформ С. М. Соловьев создал монументальную «Историю России», укрепилась концепция истории, согласно которой страна и государство неразделимы. Колоссальный труд историка по времени и по сути совпал с общественным запросом, взыскующим прошлое в эпоху преобразований. Символично, что сын историка — В. С. Соловьев стал, по сути, первым русским философом, он, как и все его поколение российских студентов «шестидесятников», был воспитан на идеях «Истории России». В период «догоняющей модернизации» начала XX в. В. О. Ключевский получил всероссийскую славу автора «Курса русской истории», поведав об эволюции россиян, за тысячелетие сумевших освоить $\frac{1}{6}$ часть земного шара. «История России — есть история страны, которая колонизируется», — так он определил ключ, к пониманию нашей эволюции. В периоды реформ созданы наиболее значительные труды великих историков. Возникли различные концепции развития жизненчества России, в которых смещался акцент: история государства, история страны, история народа.

Многие опробованные и отвергнутые подходы к изучению российского жизненчества грешат попытками обнаружения некоего «метауровня» и приводят то к гипертрофической систематизации, то к догматизму, что чуждо самой фактуре ткани, которая рвется и гибнет в руках схематизаторов, создающих мнимую, квазинаучную концепцию. Российское жизненчество как свободное умственное занятие в XX в. оказалось под гнетом партократического понимания цели, предмета и задач труда ученого. Примечательно, что революционная идеология российское жизненчество отвергала, в 1917—1929 гг. привычно копи-

ровали события и героев Великой французской революции, а от собственного прошлого большевизм отрекался, считая его недостойным подражания. В 1931 г. Сталин заявил: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били татарские ханы, турецкие беки, били шведские бароны, польские паны, японские самураи и англо-французские капиталисты... Она была бита, потому, что ее можно было бить выгодно и безнаказанно... Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет...»¹. Однако вскоре концепция изменилась. Социокультурный феномен реанимированного Средневековья охарактеризовался прагматическим стремлением использовать российское жизнечувствие в политических целях: в уста князя Александра Невского вместо известной по житию фразы «Не в силе Бог, но в правде!», вложили «Кто с мечом...»². Свободная умственная деятельность в таких условиях оказывалась на значительном удалении от столичного центра, на периферии и в эмиграции. Кроме квазиистории и псевдоистории возникли и сосуществовали с официальной идеологией разные формы «косметической идейности», камуфляжа и мимикрии, к которым прибегали историки, дабы добиться публикации своих трудов.

Драматизм современного обновления содержания и методов научного исследования российского жизнечувствия состоит в том, что историкам, отвергнувшим активную несвободу, казалось бы, уже вышедшим из зависимости от идеологии, нынче вновь «подсказывают» необходимость создания некоей «общей платформы», единой концепции, во-первых, для государства, а во-вторых, для обучения. Невозможно не квалифицировать такую ситуацию, как новое предощущение несвободы. Однако российское жизнечувствие все еще живо, в современных условиях переживает очередной кризис. В российском жизнечувствии толкование слова «человек»: это — «чело» «веков», это разум, вмещающий всю историю предков, позволяющий вспомнить, понять и истолковать развитие отдельного человека, его

---

¹ Сталин И. В. Собрание сочинений. М. : Госполитиздат, 1954. Т. 13. С. 38—39.

² См.: Князев Е. А. Власть и святость в Древней Руси. М. : Посев, 2011. С. 5.

рода, его народа. Через осознание процесс становления и развития российского жизнечувствия складывается единство народов, представляющих добровольное сообщество людей с единым языком и культурой, и, что в особенности важно, с общей судьбой, ибо «судьба» — есть суд Божий.

С. Л. Франк отмечал, что синтезирующее понимание исторического процесса может состоять только в том, чтобы постигнуть разные эпохи жизни человечества как «многообразное выражение единого духовного существа человечества»¹. Мы всегда поклоняется прошлому в лице предков, от которых мы произошли, и с надеждой смотрим в будущее в образе потомков, ради которых мы живем. В тысячелетней истории российского жизнечувствия каждый волен остановить свой выбор на особом образце для подражания, способном в современных условиях вдохновлять и вести за собой. В прошлом одни обнаруживают воинские подвиги, дипломатические успехи, покорение новых земель, другие — вольную духовную мысль наших великих мыслителей. Исследование эволюции русского жизнечувствия помогает расставить акценты: где начинается империя и где простирается Россия, т. е. преодолеть распространенное смешение понятий «государство», «держава», «общество» и «страна». Пояснение трактовки терминов, принятых в русском жизнечувствии, способно внести ясность в современную общественную мысль, может способствовать преодолению повсеместного господства терминологической эклектики. Именно сегодня приходит пора возродить лучшие традиции жизнечувствия, которыми во все века славилась наша страна, пересилить ведением невежество. Личностно-ценностный подход к исследованию российского жизнечувствия предполагает изучение отнюдь не идеологии огромных масс людей, но всеединый феномен духовной жизни отдельной человеческой личности, а через нее и всех наших народов. Современные идеологи так и не смогли отыскать особую «русскую идею», и ее разработка находится все еще в стадии становления, в связи с чем возникает стремление оставить идеологию и заняться совершенно другим — российским жизнечувствием. «Если когда-либо, то именно теперь

---

¹ Франк С. Л. Духовные основы общества. М. : Республика, 1992. С. 30.

наступила пора раздумья — того раздумья, которое, не останавливаясь на поверхности жизни и ее текущих запросов сегодняшнего дня, направляется вглубь, в вечное, непреходящее существо предмета. Все подлинные, глубочайшие кризисы в духовной жизни — будь то жизнь отдельного человека или целого общества и человечества — могут быть преодолены только таким способом»¹, — писал С. Л. Франк. Российское жизненное чувство — новая отрасль знаний, которая включает: историю, философию, культурологию, социологию, образование применительно к основному объекту изучения — российской духовной культуре и цивилизации. «Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм; вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт»², — писал Н. А. Бердяев. Русское жизненное чувство не предлагает создание новой идеологии, оно занято поиском российской идеи в современных условиях, когда наша страна остро нуждается в эмоциональном осмыслении, овладении и развитии лучших традиций своего богатейшего наследия прошлого. Для того чтобы такая идея вызрела, необходимо особое личностно-ценностное образование, «познание России», к которому призывал Д. И. Менделеев³. Междисциплинарный принцип российского жизненного чувства в условиях современной системы образования заключается в том, что история России, история веры и церкви, история русской духовной и общественной мысли, культуры и искусства, русский язык и словесность, — все это должно изучаться в тесной взаимосвязи. Личностно-ценностный принцип изучения русского жизненного чувства состоит в формировании персонального, индивидуального, глубокого личностного интереса

---

¹ Франк С. Л. Указ. соч. С. 16—17.

² Бердяев Н. А. Русская идея. М.: Мидгард, 2005. С. 6.

³ См.: Менделеев Д. И. К познанию России. М.: Айрис-Пресс, 2002. 559 с.

к истине, обретении культуры мышления и дисциплины мысли, а также навыков ее изложения в устной и письменной форме. Только в диалоге учителя и ученика, преподавателя и студента возможно построение нашего современного образования, фундаментом которого служит российское жизненное чувство.

В центре внимания философии и педагогики находится человеческая личность, человеческое «Я». В российском жизненном чувстве утверждается: «Я» как персона, как отдельный человек не существует, «Я» есть часть «МЫ». Мы вместе. Мы — россияне, мы — народ. С. Л. Франк рассуждал: неправильно говорится в грамматике о личном местоимении. Я, ты, он — единственное число. Мы, вы, они — множественное число. От «Я» не бывает множественного числа, оно немыслимо. Вот Я, один, единственный, неповторимый. Я личность, тут невозможно множественное число, его нет. Что такое «мы»? Нам объяснили что, мы — множественное число, но на самом деле, МЫ — это мы с тобой. Тогда получается МЫ. Я, мы с тобой — двое, мы с многими — множество. Мы составляет единство. При этом Мы — первое лицо, как и «Я», оно множественно по самой своей сути. Однако «МЫ», это не есть множественное число от «я». «Мы» как, род, родня: отец и мать, деда и бабушки, дети и внуки. Семья — это основа рода, потому что родители составляют «МЫ». Отсюда вырастает «Мы» как народ. Народ есть единство во множестве¹. Это то родовое начало, на котором основано все историческое развитие и русского, и других народов нашей страны. Народ составляют поколения: родители, от кого мы произошли — предки, и родители, ради которых мы живем, — потомки. Родство составляет единство народа. Народ — сообщество людей с общей судьбой, и судьба их ведет. Народ — человеческое сообщество, образовавшееся отнюдь не по прагматическим, по глубоким мотивам. В основе рода, семьи, племени и народа лежит не столько общность частных интересов, сколько общность бытия, общность уже сверхутилитарного порядка. Народ объединяется сознательной общей волей к общей судьбе, народ — образец социокультурного целого. Народ как человеческое сообщество создается под влиянием общего интереса

---

¹ См.: Франк С. Л. Указ. соч. 512 с.

в совместной солидарной деятельности, что позволяет людям срастаться в единое «МЫ». В России зов родной земли звучит громче, чем голос крови. Согласно Всероссийской переписи 2010 года в нашей стране проживает 143 млн человек. Однако россияне ныне составляют 2,03 % населения Земли, причем существует тенденция к уменьшению нашего населения¹. В связи с этим невозможно думать о будущем России, не понимая мирового контекста современности: политики, экономики, экологии и технологии. «Вера, ведение и власть» — стержневые ценности нашей тысячелетней страны, которые традиционно провозглашает российское жизнечувствие. Путь возрождения России ведет через наше современное образование и науку, без этих фундаментальных основ нельзя будет достичь ни экономического, ни политического успеха, ни процветания культуры. Осмысление и овладение российским жизнечувствием необходимо нашему обществу, ибо без самосознания, без чувства собственного «я» человеческое сообщество жить не в состоянии. Российское жизнечувствие необходимо церкви, способной «воцерковлять жизнь», оказывая должное влияние на общество и государство. Российское жизнечувствие необходимо государству, которое заинтересовано иметь прочный социокультурный фундамент нравственных отношений. Успешность и эффективность модернизации системы образования в нашей стране во многом зависит от четкого определения аксиологии проводимых преобразований, от выявления методологического, содержательного и в особенности ценностного аспекта реформируемой системы высшей школы. Комплекс современных социокультурных и профессионально-прикладных проблем педагогического образования корреспондируется с богатейшим отечественным историческим опытом. Технократизм характеризуется принижением духовно-нравственного развития человека и явной недооценкой гуманизма и культуры общества. «Основу нашей политики должна составить идеология, в центре которой — человек как личность и как гражданин...», — отметил Д. А. Медведев в послании Федеральному Собранию Российской Федерации.

---

¹ См.: *Князев Е. А.* Россия: от Смуты к реформам (XVII—XIX вв.). М., 2009. С. 5.

Сергей Муртузалиев

*доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории Российской академии наук*

Москва, Россия

ВЛАСТЬ И ЭТНОПОЛИТИКА ДАГЕСТАНА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Ситуация, сложившаяся в Республике Дагестан (РД) в переходный период, свидетельствует о существовании и действии всех черт, присущих российской экономике: зависимость экономики от политических, социальных и национальных факторов.

Государственная система управления в РД и на Северном Кавказе (СК) сегодня разрушена, а федеральный центр не может выбрать модель для развития республик Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). С одной стороны, центр понимает, что клановость в сочетании с религиозной самоидентификацией (конфессиональное самосознание значительной части населения региона все чаще выступает в качестве этнонима «мусульманин») — один из основных тормозов развития края, с другой — без опоры на сложившиеся местные светские и духовные элиты ситуацию в регионе вряд ли удастся удержать под контролем.

Формирование местных республиканских кадров для управления остается одним из слабых мест северокавказской политики Москвы, что продолжает негативно влиять на ее кадровую политику в регионе. Федеральным властям приходится играть роль арбитра в межгрупповых противоречиях, прибегать к «ручному управлению», оставляя большую часть внутренней политики в руках лидеров республик, в которых экономическая и политическая элита соединены в одно целое.

По мнению М. Мусаева, в Дагестане политические партии, парламент, многие министерства, ведомства, суды, существуют формально. Реальной политикой и экономикой, наказанием и помилованием занимаются неформальные правящие группы, состоящие из сплоченных родственников и выходцев из тех или

иных сел. Эксперты часто их называют кланами. Самые влиятельные из таких групп представляют во власти свой этнос¹.

Несколько иную характеристику дает К. Казенин: «Кавказская специфика сегодня состоит в том, что существует, по сути, не один Кавказ, а два. Первый — Кавказ чиновников и приближенных к ним личностей. Каста прикасающихся к госбюджету. Она достаточно велика и разрастается “вниз” получателями пенсий по фальшивой инвалидности, фермерами — владельцами “бумажных” баранов и так далее. Второй — Кавказ, от бюджетной ренты отлученный, но при этом отнюдь не депрессивный»².

Этнополитические и этноконфессиональные факторы реально и формально требуют учета представительства лидеров группировок в разных хозяйственных и политических структурах, поэтому возникает необходимость определенного договора или сговора при распределении сфер влияния этнополитических и этноэкономических элит, испытывающих значительное влияние исламского фактора.

Правящая элита — это особая социальная группа, т. е. устойчивая общность, основанная на глубоких внутренних связях входящих в нее политиков. Правящая элита РД характеризуется следующими признаками: 1) члены элиты концентрируют в своих руках власть путем монополизации права на принятие решений, на определение стратегии, целей, приоритетов политики; 2) членов правящей элиты объединяют общие интересы, связанные с обладанием рычагами реальной власти, стремлением сохранить на них свою монополию, отсеять и не допустить к ним другие группы (контрэлиты), стабилизировать и укрепить позиции элиты как таковой, а следовательно, и позиции каждого ее члена; 3) правящую элиту как группу сплачивают особые ценности, в иерархии которых власть на первом месте; 4) правящей элите присущи свои нормы, регулирующие отношения между ее членами и секторами, предписывающие поведение ее

---

¹ См.: *Мусаев М.* Дагестанские кланы. Расклад на начало 2015 года. URL: http://sevkavinform.ru/articles/special-cor/dagestanskije-klany-rasklad-na-nachalo-2015-goda/?fb_ref=Default&fb_source=message (дата обращения: 03.01.2015).

² См.: *Казенин К.* «Кавказская специфика» экономического кризиса. URL: <http://www.profile.ru/pryamayarrech/item/89143-kavkazskaya-spetsifikaekonomicheskogo-krizisa> (дата обращения: 21.12.2014).

представителям, поддерживающие целостность элиты и ее существование в качестве группы; 5) элита имеет собственное, во многих случаях весьма далекое от официальных и пропагандируемых взглядов мировоззрение. Его можно назвать идеологией правящего меньшинства; 6) доминантой элиты является особый дух — она отождествляет себя с обществом как целым, преисполнена сознанием своего долга определять судьбу страны и народа; 7) правящая элита имеет определенную внутреннюю структуру, которая состоит из властных центров, властных структур, групп, группировок, кланов, отдельных лидеров.

Структурные части правящей элиты (политическая, экономическая, культурная (идеологическая) — последняя обслуживает и ту, и другую элиты, обеспечивает взаимосвязь между ними) постоянно ведут между собой внутреннюю борьбу за лучшие позиции в составе элиты¹. Однако эта борьба, как правило, не разрушает достаточной сплоченности элиты как социальной группы.

В переходной экономике происходит преобразование системы всех экономических отношений: отношений собственности, распределения и ассигнования ресурсов, типа воспроизводства, цели и средства экономического развития, основных институтов общества и права.

Основной определяющей системы развития переходного общества являются неэкономические факторы развития, а экономические лишь задают границы, область допустимых значений. Это значит, что рост или спад экономики, степень развитости рынка, модели приватизации и т. д. определяются такими процессами, как борьба социальных и политических сил, национальные и геополитические конфликты, социокультурные и идеологические факторы. Общее направление развития переходной экономики определяется не столько реальными социально-экономическими возможностями, сколько соотношением общественно-политических сил и других неэкономических факторов и силой инерции прошлого.

---

¹ См.: *Весоловский В.* Классы, слои и власть : пер. с пол. М. : Прогресс, 1981. С. 93—117 ; *Зыкин Д.* Власть, элита, народ: подсознание и управляемая демократия. М. : Самотека, 2007. С. 104—115.

В результате ослабления государственной власти в России и раскола экономического поля страны основным управляющим субъектом экономики наряду с государством становятся корпорации. Термин корпорация означает — объединение, созданное в целях защиты особых привилегий его участников.

Корпоративную систему, действующую в нашей экономике, можно назвать номенклатурно-корпоративной, монопольно-корпоративной. Реальными хозяевами в нашей переходной экономике (концентрирующими в своих руках большую часть прав собственности и прежде всего распоряжение и присвоение) выступают корпорации, которые возникли либо на базе преобразования политико-хозяйственной власти номенклатуры в право собственника, либо (а в ряде случаев и) в результате первоначального накопления капитала.

Понимая, что более сильного влияния на регулирование экономики можно добиться только сосредотачивая в руках власть, корпорации имеют целью прежде всего концентрацию в своих руках власти. Это отличает нашу корпоративную систему от любой буржуазной и рыночной. Последние борются за концентрацию производства и капитала. А в нашей системе экономическая власть — права собственности, контроль за рынком, социальными процессами, за экономической политикой быстро перераспределяются и концентрируются, уходя из рук государства в руки представителей государственной номенклатуры, бюрократии среднего уровня, буржуазии, в том числе и криминальной, работающих на монопольно-корпоративные объединения.

В связи со стремлением сосредоточить у себя как можно больше власти корпорации ведут между собой неэкономическую борьбу. Основными методами конкуренции являются издание государственных актов, коррупция, прямое насилие, клановый сговор. Поэтому, чем больше дезорганизация экономики, размытость государственных и правовых институтов, деградация населения, тем больше возможностей для усиления корпоративной власти. Таким образом, экономика России и Дагестана — это экономика, регулируемая нерыночным соперничеством корпоративных структур, столкновением их власти и управляющих воздействий.

Нельзя сказать того, что централизованное бюрократическое государственное управление в стране вообще исчезло. Это не так. Оно сохранилось, но изменилось количественно (потеряло ведущую роль) и качественно (действует преимущественно косвенными методами). Экономически государство стало одной из крупных, но отнюдь не самой главной монопольно-бюрократической корпорацией. О влиянии государственно бюрократического контроля в настоящее время можно судить по степени выполнения указов президента страны, возможностям действия правоохранительных органов (особенно тех, которые финансируются из федерального бюджета), дееспособности финансово-контрольных государственных органов и др.

Обратившись к вопросу: «Из каких источников корпоративная элита получает свои доходы?», — следует напомнить, что в нормальном рыночном обществе основным, первичным источником капиталистических доходов является прибыль, создаваемая в производстве, а все остальные доходы присваиваются путем перераспределения этой прибыли в результате действия рыночного механизма купли-продажи. Для того чтобы описать дагестанскую систему, необходимо применить термин «ликвидные ресурсы». Ликвидность — это способность активов быстро превращаться в наличность. Ликвидный ресурс — это ресурс, который легко обменивается на наличные деньги. С точки зрения буржуазного общества ликвидными ресурсами являются деньги, основной и оборотный капитал, недвижимость, акции, другие ценные бумаги, услуги и др. Многочисленные формы ликвидности регулируются неуклонным действием буржуазного государственного законодательства.

В Дагестане в результате ослабления роли правового государственного регулирования и раскола экономического регулирования на локальные системы корпоративного регулирования возникла весьма своеобразная система ликвидных ресурсов. Активами, которые можно быстро превратить в наличность, являются: доступ к управленческим решениям и к расстановке кадров, госбюджет, платежи из бюджета, льготы, налогообложение и таможенные сборы, неплатежи, бартер, гуманитарная помощь, часть недвижимости (в основном жилищные помещения), земля в городах, часть природных ресурсов, теневая юстиция. Этот

список можно продолжить многократно, но уже и так ясно, что большинство так называемых ликвидных ресурсов, связано с доступом к власти.

Причем, что характерно, власть превращается в наличность в любом облици. Так, например, народ торгует властью во время выборов. А кандидаты в депутаты стремятся купить результаты выборов, так как желают получить доступ к экономическим и политическим решениям.

Таким образом, корпорации и возглавляющие их элиты тем сильнее, чем ближе они к ликвидным ресурсам; выше степень сращивания их с госаппаратом; выше их возможности контроля за рынком, ценами, финансами, социальными процессами; более сильны и организованы находящиеся у них в подчинении мафиозные и криминальные структуры.

Если попытаться назвать источники прибыли корпоративных элит Республики Дагестан, то ими будут являться: госбюджет, средства целевых фондов, заработная плата и трудовые доходы населения, социальные выплаты населению, доходы от продажи природных ресурсов, прибыль от торговли и неэквивалентной торговли, прибыль от продажи оружия, продажа государственных акций высоко прибыльных предприятий, доходы от торговли валютой, доходы наркобизнеса.

Трудности переходного периода привели к сворачиванию работы промышленных предприятий в прошлом главных плательщиков доходов бюджета Дагестана. Возник дефицит бюджета, покрываемый на 80 % и более субвенциями центра. Этот объективный процесс сформировал крупнейший источник доходов дагестанской элиты: самым ликвидным ресурсом в Дагестане стал дефицит бюджета. Субвенции центра, средства фонда развития, средства целевых федеральных программ — все это на две трети присваиваемое распорядителями платежей является главным источником доходов экономической элиты. Кроме этого ликвидными ресурсами стали любые федеральные платежи: средства пенсионного фонда, социальные пособия, заработная плата бюджетных работников.

Дотационный статус Дагестана и других республик СКФО носит хронический характер, что порождает в умах жителей районов центральной России опасную идею, являющуюся зер-

кальным отражением кавказского этносепаратизма, — идею об экономической целесообразности вывода «иждивенцев» из состава РФ. А у кавказских этнополитических элит, напротив, возникает иждивенческое отношение к федеральному центру, который готов откупаться от социально и экономически неблагополучного региона крупными субсидиями из федерального бюджета¹.

В. В. Путин пообещал развивать экономику республик СК, создать новые рабочие места и предоставить больше налоговых льгот во время визита в Чечню в декабре 2011 г., когда он объяснял, почему неверен популистский лозунг «Хватит кормить Кавказ», все чаще используемый в российских политических дебатах и СМИ. Президент четко показал, к чему могут привести подобные дикие предложения об отделении СК от России: «Хочу обратить внимание тех, кто так говорит, на то, что если это произойдет, тут же — вот тут же, в эту же секунду, не то что в час, в секунду эту же! — найдутся те, которые захотят то же самое сделать с другими национально-территориальными образованиями Российской Федерации, а это означает конец России»².

Социально-политический ландшафт региона характеризуется сочетанием формальной политической терпимости и социальной нетерпимости. Рост влияния ислама только затеняет эту дилемму, так как создает проблемы безопасности. Рост авторитета духовных лидеров и религиозных организаций в качестве альтернативы коррумпированным и склонным к произволу государственным институтам происходит во всех исламизированных субъектах СКФО и особого внимания требует вопрос, какие религиозные движения примыкают к тому или иному властному центру, мотивации их поведения, в том числе и при изменении ориентации с одного властного центра на другой.

Особенностью ситуации в Дагестане и на Северном Кавказе является контраст между кажущейся стабильностью, с социаль-

---

¹ См.: Сухов И. «Куда эти деньги делись?» Как федеральный центр пытается купить лояльность Северного Кавказа. URL: <http://mn.ru/politics/20110404/300841916.html> (дата обращения: 12.06.2015).

² Цит. по: Латухина К. Кавказский маршрут // РГ. 2011. 21 дек.

но-политической точки зрения, на поверхности жизни и жесткой подковой борьбой между различными элитами, соперничающими друг с другом за власть, экономические преимущества и другие рычаги влияния. Ситуация в регионе по-прежнему в целом воспринимается как напряженная, и в этом отношении мало что изменилось.

Линия разлома между обществом и институтами власти обусловлена убежденностью людей в том, что сами власти нарушают закон. Но это уже тема для другой статьи.

Рубин Сайфуллин

*кандидат политических наук, доцент кафедры социальных наук
Набережночелнинского института (филиала) Казанского
(Приволжского) федерального университета*

Набережные Челны, Россия

СТАБИЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: АНАЛИЗ НА ОСНОВЕ БИСОЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА

Понятие стабильности политического режима включает такие параметры, как сохранение системы правления, гражданского порядка и легитимности власти, обеспечение надежности управления. Стабильность означает определенный характер политических процессов (прежде всего отсутствие гражданских войн и других вооруженных конфликтов), уравновешенность отношений элитарных кругов, достижение равновесия и баланса политических сил. К важнейшим факторам нестабильности относятся прежде всего культурные и политические расколы в обществе, а также острая конкуренция придерживающихся противоположных идеологических позиций политических сил, нередко принимающая характер вооруженного противостояния.

Причины стабильности политических режимов многоплановы и зависят от социально-политических, экономических и других факторов¹. В данной работе проанализировано влияние на стабильность политического режима В. В. Путина биосоциального фактора.

Вначале сформулируем основные положения биосоциального подхода. В отечественной науке этот подход получил раз-

---

¹ См.: *Савинов Л. В.* Этнополитика и этнобезопасность : моногр. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2009. 184 с. ; *Его же.* Смыслы и концепты этнополитической безопасности // Изв. высш. учеб. заведений. Социология. Экономика. Политика. 2010. № 1 (24). С. 35—38 ; *Его же.* Региональная этнополитическая безопасность: пример Сибири // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 4 (37). С. 41—48 ; *Его же.* Сущность этнополитической безопасности // Гуманит. науки : сб. науч. тр. Караганды : Изд-во КарГУ, 2010. Ч. 2. С. 4—8 ; *Его же.* Этнобезопасность: смыслы социосинергетического понимания // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия «Политология». 2010. № 1. С. 72—78.

витие в основном в трудах Л. Н. Гумилева. Гумилев рассматривает этнос как биосоциальный феномен. Одна из биологических ипостасей этноса состоит в том, что все составляющие его индивиды принадлежат к одному из трех энергетических типов — пассионариям, субпассионариям или гармоничным людям, соответственно, индивидам энергоизбыточного, энергодефицитного и энергоуравновешенного типов. Видоизменение численных соотношений (долей) энергетических типов внутри этноса определяет процесс этногенеза, под которым понимается процесс прохождения этносом всех стадий своего развития — фаз этногенеза и разделяющих их фазовых переходов — кризисных периодов, для которых характерны масштабные внутриполитические конфликты, нередко перерастающие в гражданскую войну¹. Неустойчивыми являются также и кризисные периоды внутри некоторых фаз, аналогичных по своему генезису фазовым переходам.

Биосоциальные причины начала гражданской войны следующие. Для устойчивых состояний фаз этногенеза характерны оптимальные соотношения долей энергетических типов. В неустойчивые периоды это оптимальное соотношение нарушается, субпассионариев и / или пассионариев становится больше, чем это необходимо для сохранения устойчивого состояния. Существующий излишек пассионариев и субпассионариев ведет к расколу этнического поля — образованию двух или более противостоящих друг другу военно-политических группировок, противоречия между которыми разрешаются путем вооруженного насилия. В результате гибели части участвующих в вооруженных конфликтах пассионариев и субпассионариев их доли становятся оптимальными для следующей или текущей фазы (оптимизируются), раскол этнического поля прекращается, внутрисполитическое положение стабилизируется.

Оптимизация долей пассионариев и субпассионариев происходит также путем сброса их со своей территории в результате проведения завоевательных походов или колонизации, а так-

---

¹ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л. : Гидрометеиздат, 1990.

же путем массовых репрессий, осуществляемых обычно карательными органами государства.

Возрастные рамки устойчивых и неустойчивых периодов определяются универсальной, инвариантной относительно исторических эпох, этносов и типов политий, закономерностью — числовым алгоритмом этнополитогенеза¹. Существование числового алгоритма позволяет, зная начальную точку отсчета этнополитогенеза этноса, определить, в какой фазе или фазовом переходе (неустойчивом периоде внутри фазы) находится этот этнос. Каждая фаза и фазовый переход имеют индивидуальные характеристики, что позволяет прогнозировать развитие государства, созданного этим этносом.

Автором этих строк было показано, что начальная точка отсчета этнополитогенеза великороссов приходится на 1221 г., и они в настоящее время находятся в одном из самых тяжелых в жизни этноса неустойчивых состояний — фазовом переходе надлом-инерция². Возрастные рамки этого фазового перехода следующие: 755—810 — 840—875 лет.

Для фазового перехода надлом-инерция характерны кровопролитные гражданские войны, поражения во внешних войнах, массовый террор против «внутренних врагов». В подтверждение сказанного рассмотрим данные, характеризующие фазовый переход надлом-инерция у ряда существовавших в различные исторические эпохи крупных европейских этносов (табл. 1).

---

¹ См.: *Сайфуллин Р. Г.* Числовой алгоритм этнополитогенеза // Общество и этнополитика : материалы Третьей Междунар. науч.-практ. Интернет-конф. / под ред. Л. В. Савинова. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2010. С. 61—67.

² См.: *Сайфуллин Р. Г.* Этнополитогенез российского суперэтноса // Общество и этнополитика : материалы Четвертой Междунар. науч.-практ. Интернет-конф. / под ред. Л. В. Савинова. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2011. С. 31—39.

**События фазового перехода надлом-инерция
у ряда европейских этносов**

Этнос и его НТОЭ ¹	События фазового перехода надлом-инерция	Возраст событий (лет)
Римляне — 870 г. до н. э.	Поражения в войнах с кимврами, нумидийским царем Югуртой и гельветами в 113—105 гг. до н. э. <i>Союзническая война в 91—88 гг. до н. э.</i> ² <i>Гражданская война в 83—82 гг. до н. э.</i> Террор проскрипций Суллы Разгром римской армии парфянами в 53 г. до н. э. <i>Гражданские войны в 49—30 гг. до н. э.</i> Массовый террор Второго триумvirата	757—765 779—782 787—788 817 821—840
Византийцы (греки-3) — 9 г. до н. э.	Свержение императрицы Ирины в 802 г. Разгром византийского войска болгарами в 811 г. Иконоборческий собор в 815 г., возобновление массового террора против иконопочитателей <i>Восстание Фомы Славянина под лозунгом восстановления иконопочитания в 821—823 гг.</i> Война с павликианами в 850—860-е гг. Разгром византийского войска павликианами в 868 г.	811 820 824 830—832 860—877
Англичане — 688 г.	Поражения от французов в 1444—1453 гг. Восстание Дж. Кеда в 1450—1451 гг. <i>Война Алой и Белой розы в 1455—1487 гг.</i> Террор во время проведения Реформации в 1535—1553 гг. Крестьянское восстание во главе с Р. Кетом в 1549 г. Восстание протестантов во главе с Т. Уайаттом в 1554 г.	756—765 762—763 767—799 847—865 861 866
Немцы — 688 г.	Упадок империи в правление Фридриха III (1440—1493), княжеские междоусобицы. Внешнеполитические неудачи: присоединение Данией Шлезвига и Гольштейна в 1460 г., Францией — Прованса в 1481 г., Венгрией — Верхней и Нижней Австрии и Штирии в 1485 г. Ведовские процессы после принятия ведовской буллы в 1484 г. Восстания городских низов в 1509—1514 гг.	772—797 796 821—826

¹ НТОЭ — начальная точка отсчета этнополитогенеза.

² Здесь и далее курсивом выделены гражданские войны.

Этнос и его НТОЭ	События фазового перехода надлом-инерция	Возраст событий (лет)
	<i>Восстание рыцарей во главе с Зиккингом в 1522—1523 гг., Крестьянская война в 1524—1526 гг.</i> Шмалькальденская война в 1546—1548 гг.	834—838 858—860
Французы (сев.) — 729 г.	В целом неудачные для Франции Итальянские войны в 1494—1559 гг. <i>Религиозные войны в 1562—1594 гг.</i>	765—830 833—865

Из пяти представленных в таблице этносов у двух (византийцев и англичан) гражданские войны имели место в начале фазового перехода, у двух этносов (немцев и северных французов) — в конце фазового перехода, у римлян — на всем протяжении фазового перехода. В начальный период фазового перехода доли пассионариев и субпассионариев у немцев оптимизировались путем массового террора — ведовских процессов, у северных французов — путем сброса со своей территории (во время Итальянских войн «беспокойные» (т. е. пассионарные. — *Р. С.*) социальные элементы поглощались военным наемничеством¹).

Для германского и французского суперэтносов не выполняется третье условие идеальности: все этносы и субэтнические группы, образующие суперэтнос, возникли одновременно². В частности, начальная точка отсчета этнополитогенеза саксов, входивших в германский суперэтнос, — это 319 г., южных французов (провансальцев) — 360 г. Отсутствию в начальный период фазового перехода надлом-инерция смут в Германии и во Франции способствовало то, что саксы и провансальцы соответственно до 1522 г. и 1562 г. находились в устойчивом третьем периоде инерционной фазы. Саксы и провансальцы вошли

¹ См.: *Плешкова С. Л.* Франция в XVI — первой половине XVII в. // История средних веков : в 2 т. Т. 2: Раннее новое время / под ред. С. П. Карпова. М. : Изд-во МГУ : ИНФРА-М, 2001. С. 297.

² См.: *Сайфуллин Р. Г.* Алгоритмизация исторического процесса // Экономическая синергетика: стратегии развития России. Набережные Челны : Изд-во ИНЭКА, 2009. С. 106—126.

в третий кризис инерционной фазы (его возрастные рамки: 1175—1215 — 1260—1285) соответственно в 1522 г. в возрасте 1203 года ($1522 - 319 = 1203$) и в 1562 г. в возрасте 1202 года ($1562 - 360 = 1202$), что способствовало началу гражданских войн.

У великороссов гражданской войны, охватившей центральные регионы России, в начальный период фазового перехода надлом-инерция не было. На основании этого был сделан вывод, что великороссы относятся к той группе этносов, у которых в начальный период этого фазового перехода доли пассионариев и субпассионариев оптимизируются путем репрессивных кампаний¹. Типичными представителями этой группы являются немцы. Ведовские процессы начались в их возрасте 796 лет. У великороссов этот возраст приходится на 2017 г. ($1221 + 796 = 2017$). Однако в настоящее время, несмотря на определенное усиление репрессивных мер в отношении коррумпированного чиновничества и «несогласных», едва ли можно говорить о том, что эти меры приобрели характер широких репрессивных кампаний, хотя бы отдаленно приближающихся по своим масштабам к опричнине Ивана Грозного или массовому террору сталинского режима.

Отсутствие масштабных репрессий позволяет сформулировать вывод, что в настоящее время превышение в российском суперэтноте долей пассионариев и субпассионариев над оптимальными величинами, если и имеет место, то относительно невелико, что способствует сохранению устойчивого состояния великороссов и стабильности существующего политического режима. Однако этот вывод необходимо аргументировать.

Среди причин небольшого превышения долей пассионариев и субпассионариев над оптимальными величинами назывались повышенная смертность среди мужчин, в том числе пассионариев и субпассионариев в 1990-х гг. (в смутах участвуют в основном мужчины) и низкая рождаемость (к радикальным действиям склонна в особенности пассионарная молодежь)¹. К пе-

---

¹ См.: *Сайфуллин Р. Г.* Прогноз развития России на основе биосоциального подхода // Общество и этнополитика : материалы Второй Междунар. науч.-практ. Интернет-конф. / под ред. Л. В. Савинова. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2009. С. 102—108.

речисленным можно добавить еще одну причину: сброс пассионариев, в особенности тех из них, которые, имея опыт ведения боевых действий, выезжали за рубеж для участия в военных конфликтах. С этой точки зрения гражданская война на Украине, как бы это цинично не звучало, способствует стабильности в России, так как в ней участвуют и частью гибнут имеющие боевой опыт российские пассионарии. Хотя, разумеется, небольшие масштабы и небольшая продолжительность этой войны не позволяют говорить о том, что она существенно оптимизировала доли пассионариев и субпассионариев, в отличие от Итальянских войн для французского суперэтноса.

Основываясь на анализе событий фазового перехода надлом-инерция в Германии и Франции, можно сформулировать еще одну, более весомую причину сохраняющегося устойчивого состояния великороссов и устойчивости политического режима в России. Видимо, существенная часть популяций великороссов в настоящее время находится в устойчивом состоянии.

При анализе этнополитогенеза великороссов предполагалось, что они близки к идеальному этносу. В частности, предполагалось, что для них выполняется третье условие идеальности: начальная точка этнополитогенеза не менее 80 % от числа всех популяций великороссов — это 1221 г. Однако идеальных объектов как в природе (идеальный газ), так и в обществе в реальности не существует. Популяции реального этноса формируются в результате, как правило, ряда последовательных смещений с различными этническими субстратами. В результате этого начальные точки отсчета отдельных групп популяций, составляющих этнос, могут быть разделены временными длительностями, кратными средней продолжительности векового солнечного цикла (цикла Глайсберга), составляющей 82 года.

Видимо, ряд последовательных смещений имел место и при формировании великороссов. В течение четырех вековых циклов, т. е. в течение 328 лет ($82 \cdot 4 = 328$) в результате экспансии центральнорусских популяций в южные районы современной России формировались южнорусские популяции. Их начальная точка отсчета приходится, таким образом, на 1549 г. ($1221 + 328 = 1549$). Еще через два вековых цикла сформировались новые группы популяций в Сибири и на северо-западе —

в основном на территориях близ современного Санкт-Петербурга. Начальная точка отсчета этих популяций приходится на 1713 г. ($1549 + 164 = 1713$). Можно предположить, что популяции, начальные точки отсчета которых приходятся на 1549 и 1713 гг., составляют существенную часть популяций великороссов (вероятнее всего, порядка трети).

Стабилизация в России наметилась в 2000 г. с приходом к власти В. В. Путина. Возраст южнорусских популяций составил в этом году 451 год ($2000 - 1549 = 451$), что соответствует возрасту начала акматической фазы (согласно числовому алгоритму эта фаза начинается в возрасте этноса 450—470 лет). Переход южнорусских популяций в устойчивое состояние способствовал успеху второй военной кампании в Чечне, тогда как в середине 1990-х гг., когда эти популяции находились в конце фазового перехода подъем-акматика, российская армия поставленных перед ней задач не выполнила.

Возраст северо-западных и сибирских русских популяций в 1993 г. составил 280 лет ($1993 - 1713 = 280$), и они продолжали находиться в устойчивом состоянии фазы подъема. Именно поэтому в 1990-е гг. смут не было ни в Сибири, ни в Санкт-Петербурге, в отличие от Москвы, в которой в октябре 1993 г. произошла мини-гражданская война.

Итак, с начала президентства В. В. Путина южнорусские, северо-западные и сибирские популяции находятся в устойчивом состоянии, что способствует стабильности существующего политического режима.

Проверим нашу гипотезу о существовании нескольких групп популяций великороссов, различающихся между собой начальной точкой отсчета этнополитогенеза, на фактах политической истории России. Эта эмпирическая проверка должна показать, что масштабные смуты в истории России XVIII—XX вв. происходили в то время, когда все сформировавшиеся к этому времени популяции великороссов находились в неустойчивых состояниях.

Согласно числовому алгоритму в первой половине своей жизни этнос проходит через пять неустойчивых периодов, возрастные рамки которых следующие (табл. 2):

1. Смутный период середины фазы подъема: 185—235 лет.

2. Фазовый переход подъем-акматика: 340—360 — 450—470 лет.
3. Пассионарный перегрев: 540—585 лет.
4. Фазовый переход акматика-надлом: 630—655 — 690—725 лет.
5. Фазовый переход надлом-инерция: 755—810 — 840—875 лет.

Таблица 2

Этнический возраст смут в XVIII в. и XX в. для различных популяций великороссов

Наименование смуты и ее хронологические рамки	Возраст великорусских популяций (лет)		
	центральных	южных	северо-западных и сибирских
1. Крестьянская война под предводительством Е. Пугачева в 1773—1775 гг.	552—554 (3)	224—226 (1)	
2. Революции, гражданская война и восстания в 1905—1907 и 1917—1921 гг.	684—700 (4)	356—372 (2)	192—208 (1)
3. Распад СССР в 1991 г. Вооруженные столкновения в Москве в 1993 г., первая война в Чечне в 1994—1996 гг.	770—775 (5)	442—447 (2)	278—283

Примечание. Во 2—4 столбцах рядом с этническим возрастом в скобках указан номер неустойчивого периода согласно приведенному в тексте перечню. Если возраст смуты приходится на устойчивое состояние, то он указан курсивом.

Эмпирическая проверка показала, что действительно самая масштабная смута XVIII в. — крестьянская война под предводительством Е. Пугачева имела место, когда центральные и южные популяции великороссов находились в неустойчивых состояниях, соответственно в периоде пассионарного перегрева и смутном периоде середины фазы подъема. Смутный период в 1905—1921 гг. имел место, когда все три группы популяций великороссов находились в неустойчивых состояниях: центральные — в фазовом переходе акматика-надлом, южные — в фазовом переходе подъем-акматика, северо-западные и центральные — в смутном периоде середины фазы подъема.

Отметим, что южнорусские, а также северо-западные и сибирские популяции вошли в неустойчивые периоды, видимо, в 1904 г., что способствовало поражению в войне с Японией и началу первой русской революции (начало неустойчивого периода часто проявляется поражением в войне). Возраст южнорусских популяций составил в 1904 г. 355 лет ($1904 - 1549 = 355$), что соответствует возрасту начала фазового перехода подъем-акматика, северо-западных и центральных — 191 год ($1904 - 1713 = 191$), что примерно соответствует возрасту начала смутного периода середины фазы подъема, который иногда начинается с некоторым запаздыванием.

До 1904 г. южнорусские, а также северо-западные и сибирские популяции продолжали находиться в устойчивом состоянии фазы подъема. Это способствовало сохранению внутривополитической стабильности в этот период, несмотря на то, что центрально-русские популяции уже находились в неустойчивом состоянии фазового перехода акматика-надлом.

Изложенное позволяет объяснить, почему в 1990-х гг. в России имели место лишь локальные вооруженные конфликты. Анализ показал, что смуты охватывают территорию всей страны, если все три группы популяций находятся в неустойчивых состояниях, как это было в начале XX в. В 1990-х гг. северо-западные и сибирские популяции продолжали находиться в устойчивом состоянии второй половины фазы подъема, что способствовало отсутствию смут на их территориях. Устойчивое состояние этих популяций, а также то, что в настоящее время в устойчивом состоянии фазы акматики находятся южнорусские популяции, позволяет подтвердить вывод, что в ближайшем будущем гражданская война по образцу 1918—1920 гг. современной России не грозит.

Имеющийся в российском суперэтносе сравнительно небольшой излишек пассионариев и субпассионариев будет оптимизироваться путем сброса со своей территории и репрессий. Можно сформулировать оптимистичный для населения и в особенности для правящей элиты прогноз, что репрессивные кампании, вероятнее всего, не достигнут масштабов вековских процессов или массового террора сталинского режима, хотя, по

нашему мнению, следует ожидать некоторого усиления их масштабов в ближайшем будущем.

Наиболее опасной в плане начала смут может оказаться середина — вторая половина 50-х гг. текущего века. В 2055 г. возраст центральнорусских популяций составит 834 года ($2055 - 1221 = 834$) — это возраст начала гражданских войн у немцев и французов. Чуть в более раннем возрасте началась гражданская война у византийцев. Возраст северо-западных и сибирских популяций в это время составит 342 года ($2055 - 1713 = 342$) — это возраст начала фазового перехода подъем-акматика.

Проведенный анализ, во-первых, позволил объяснить с позиции биосоциального подхода причины сохранения стабильности политического режима в России, во-вторых, по нашему мнению, он в значительной мере устранил некоторое несоответствие между данным несколько лет назад на основе развиваемой автором этих строк теории прогнозом развития России и реальным развитием политических процессов в современной России.

Шукран Сулейманова

*доктор политических наук,
профессор кафедры общественных связей и медиаполитики
Института государственной службы и управления персоналом РАНХиГС*

Москва, Россия

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Начало XXI в. было отмечено «взрывом» взволнованных этнонаций. Большинство из них потеряли формировавшуюся оболочку советской общности нации-государства и лишённые стабильного политического оформления стали сами политизироваться и искать формы самоутверждения. Распад СССР и последовавшие за ним процессы суверенизации бывших союзных республик не привели к исчезновению межэтнических противоречий и конфликтов ни в России, ни в других новых многонациональных государствах.

В современной России этнополитические процессы характеризуются сложностью, динамизмом и противоречивостью. С одной стороны, они препятствуют возникновению в стране властно-монополистической организации политической жизни с её сверхцентрализованной системой национального и межнационального, с другой — приоритетность экономического фактора таит множество угроз для реализации прав и свобод человека, стабильности общества и безопасности государства.

На этнополитические процессы определенное влияние оказывает и религиозный фактор, имеющий двоякое действие, который может способствовать либо разжиганию межэтнического конфликта и превращению его перманентный и неуправляемый, либо, напротив, его локализации и прекращению. Однако необходимо избегать «конфессионализации» этнополитических конфликтов и не ждать от религии существенного позитивного влияния на их развитие и разрешение.

Общеизвестно, что противоречивому понятию «этнические различия» трудно дать точное определение и невозможно сделать относительно него какие-либо обобщения. В разных обстоятельствах группы людей идентифицируют себя с этническими общ-

ностями посредством различных комбинаций таких маркеров, как язык, цвет кожи, религия, место обитания, история, традиции, мифология. Следует отметить и отсутствие последовательности в отнесении этих маркеров к этническим различиям.

Объясняя причины этнических противоречий, часто используются понятия: «древняя ненависть», «горячая кровь», и здесь допускается, по меньшей мере, три ошибки по отношению к настоящему (и обычно гораздо больше — по отношению к прошлому): этничность понимается исключительно как «фоновая» причина конфликта, причем единственная фоновая причина. И роль других возможных причин практически не рассматривается, и игнорируется аспект политической мобилизации вокруг этничности. Ошибка состоит не в том, что этнические различия рассматриваются как основа социального разделения и, следовательно, как фоновая причина, а в том, что без внимания остается то, как эти разногласия приводят к конфликту.

Многочисленные исследования показывают, что факт этнических различий часто фигурирует в конфликтах и люди нередко принимают их за фундаментальную причину противостояния. Это, безусловно, важно, однако не главное, как известно, страны с этнически пестрым населением не обязательно больше других склонны к конфликтам. Это дает нам право предположить, что даже в вооруженных конфликтах, участники которых явно принадлежат к различным этническим группам, одной этничности в качестве причины конфликта недостаточно. Здесь нельзя не учитывать важную роль, которую играют экономические условия и политическая система. Таким образом, необходимо рассмотреть наряду с этничностью и другие фоновые предпосылки противоречий.

Следующий аспект, на котором следует акцентировать внимание, — это политическая мобилизация. Поскольку этничность часто является центральным компонентом в групповой идентичности и главной составляющей разных предрассудков, политические лидеры легко используют ее как материал для мобилизации, особенно в периоды социально-экономических перемен. Именно в такие моменты на первый план выходит националистическая политика.

В период политической и социально-экономической нестабильности именно с помощью понятия «национализм» можно описать как сложную социальную, культурную, интеллектуальную или эмоциональную реакцию людей на происходящее.

Социальная нестабильность, вызванная неконтролируемыми историческими процессами, не только создает условия для напряженной борьбы за власть между различными частями социальной и политической элиты страны, но и отнимает чувство уверенности и определенности у огромного числа людей, оказывая разрушительное, ускользающее от понимания воздействие на их жизни. Ощущение принадлежности к своей группе в такие периоды становится опорой для многих простых людей, подчас единственным ориентиром, помогающим им разобраться в происходящем. Таким образом, в любых противоречиях, возникающих на фоне широкомасштабных социальных изменений и дестабилизации, политические лидеры, без сомнения, получают поддержку избирателей, если представляют свою позицию как борьбу за национальную идентичность, гордость и справедливость.

Подводя итог этим аргументам, отметим, что причиной конфликтов и противоречий является не неоднородность этнического состава, а связанная с этим фактом политика. Опасность лежит в смешивании этнических различий и политической лояльности, в политизировании этнических идентичностей.

Этнические противоречия — это борьба за власть или доступ к экономическим ресурсам, носящая этническую маску. И этнические различия играют центральную роль в такой борьбе не в качестве единственной причины, а в качестве инструмента, используемого политическими лидерами в целях мобилизации. То есть этнические различия имеют свое место в системе объяснений, но не должны доминировать.

Необходимо отметить и то, что однажды надетая этническая маска очень трудно снимается. Когда активное чувство групповой идентичности укрепляется на базе обид и недовольств, особенно в период кризисов, оно может привести к непримиримой ненависти, выражающейся в длительных и нередко циклических конфликтах. История показала, что в подобного рода конфлик-

тах и противоречиях людей можно мобилизовать на горячую поддержку дела, которое они считают правым, справедливым.

В борьбе за реальную политическую и духовную власть в этом случае сталкиваются взаимоисключающие друг друга общественно-политические и религиозно-философские мировоззрения.

Выработка оптимального пути развития межнациональных отношений в России на современном этапе — одна из актуальных проблем современности. Сложные межнациональные отношения остаются реальностью, что порождает новые проблемы, требующие своего разрешения.

Длительное сдерживание процесса демократизации федеративных отношений осложнило национальные отношения. Каждый шаг в сфере национальных отношений требует тщательной продуманности с учетом возможности возникновения конфликтов. Необходимо учитывать демократические процессы развития общества и принимать решения, основываясь только на них, кроме того, необходим всесторонний, взвешенный подход при принятии самого малозначительного, на первый взгляд, решения в области национальных отношений. Они должны приниматься с учетом исторического развития Российского государства.

Решение национального вопроса в России сочетает в себе характер тактических и стратегических задач. Это обусловлено теми ошибками и просчетами, которые имели место в сфере национально-государственного строительства на протяжении советского периода истории, а также после распада СССР. «Российская Федерация стала наследницей более 70-летнего господства в СССР тоталитарной политической системы, породившей противоречия между конституционным декларированием федеративным по форме и унитарным по содержанию национально-государственным устройством»¹.

Ситуация усугубляется еще и тем, что решение национальных проблем и утверждение принципов федерализма сопровождается социально-экономическими и политическими реформами, формированием новых общественных отношений, нового

---

¹ *Каранетян Л. М.* Грани суверенитета и самоопределение народов // Государство и право. 1993. №1. С. 13—23.

правосознания и политико-правовой культуры. Реформы затронули интересы не только отдельных граждан, но и целых народов¹. Современный период для России в рамках межнационального взаимодействия можно охарактеризовать как период этнической адаптации.

На формирование российской государственности, ее состояние и тенденции развития существенное влияние оказывают особенности национальной структуры, специфика национальных отношений². Многонациональный характер России определил цель и способы строительства в ней федеративного государства. Наиболее оптимальным способом национально-государственного строительства в сочетании «единства государства при многообразии интересов субъектов федерации» является утверждение подлинно федеративных отношений при соблюдении принципов демократии. Это положение провозглашено ч. 2 ст. 1 Основного Закона: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство...»

Затронутую проблему, исходя из вышеизложенного и реалий национально-государственного строительства в Российской Федерации, необходимо рассмотреть на региональном уровне, — а именно на примере Северного Кавказа. Такой подход рассмотрения проблем федерализма и национально-государственного строительства в целом оправдывает себя фактором национально-региональным как «совокупности национально-культурных условий, влияющих на характер формирующейся государственности»³.

В условиях коренных преобразований в обществе и государстве политические процессы оказывают существенное влияние на право. Поэтому рассмотрение вопроса с точки зрения политико-правового анализа, а не чисто правового является наиболее целесообразной формой подхода к данной проблематике.

---

¹ См.: *Межнациональные отношения в условиях социальной нестабильности* : сб. науч. ст. / под ред. Э. Х. Панеш. СПб., 1994. С. 3—6.

² *Морозова Л. А.* Национальные аспекты развития российской государственности // *Государство и право.* 1995. № 12. С. 11—19.

³ *Энциклопедический словарь* / под ред. Э. Б. Алаевой, Р. В. Архипова. М., 1997. С. 242.

Северо-кавказский регион является своеобразным «полигоном», где испытывается на прочность российский федерализм, национально-государственное строительство, национальная политика. Это самый сложный регион в современной России, оказывающий определенное влияние на проблемы национальной безопасности и сохранения целостности Российской Федерации.

Учитывая, что тоталитарный режим оставил проблемы не только в развитии государственности России, но и в международных отношениях: массовая депортация, расселение и репрессии, разрушение многих национальных культурных ценностей, существовавшие способы разрешения международных трений оказали свое отрицательное воздействие на развитие международных отношений. Соответственно на современном этапе следует с особой осторожностью подходить к вопросам международных отношений, решаемых на основе демократических принципов. Их непродуманность может привести к усилению международных трений и конфликтов.

Безусловно, необходимо учитывать и механизмы, которые были использованы в советский период по интернационализации народов России, осуществление которых происходило в интересах удержания и развития советской власти. Следует помнить и о том, что особые исторические условия на протяжении длительного периода поддерживали народы России и национальное согласие, а ставили их перед проблемой самозащиты и самосохранения. В Российской Федерации национально-государственные образования имеют приблизительно одинаковый уровень социально-экономического развития, поэтому международные отношения перешли в политико-правовую плоскость. В отдельные периоды напряженность ослабевала и имела различную масштабность своего проявления.

Проблемы на Северном Кавказе в области национально-государственного строительства обуславливаются следующими факторами: полиэтничность и перенаселенность, демографические проблемы, поликонфессиональность, а также нерешенные проблемы репрессированных народов, произвольное определение границ без учета исторически установившихся территорий проживания и как следствие территориальные споры как внутри субъектов, так и между ними. Также следует отметить пробле-

мы коренных малочисленных народов и национальных меньшинств, наличие и влияние национальных, транснациональных, трансрегиональных партий, движений, общественно-политических организаций, оказывающих определенное влияние на геополитическую ситуацию в регионе, проблемы сепаратизма и терроризма.

Северный Кавказ является, как уже отмечалось, наиболее сложным по национальному составу регионом России. Практически каждый народ или этническая группа имеют свою неразрешенную проблему. Этническая пестрота региона обусловила разнообразие проблем и конфликтов, требующих политического урегулирования с последующим закреплением в нормативно-правовых актах. Федеративная форма государственного устройства, в котором наилучшим способом должны решаться национальные вопросы, столкнулась на Северном Кавказе с объективными и субъективными факторами. Отмеченное позволяет сделать вывод, что актуальность данной проблемы объясняется ее политической и юридической значимостью, связанной с национально-государственным строительством и реализацией принципов российского федерализма на Северном Кавказе.

Межнациональным противоречиям в России нельзя позволить дорасти до такого уровня, за которым начнет действовать стихия. Политикам, принимающим решения по национальному вопросу, следует четко осознать ответственность перед собственным народом.

В. В. Путин, делая основные акценты на существующие проблемы национального вопроса в России, отмечает главное, что объединяет народы, — объективную необходимость реального осуществления и гарантирования всего спектра их интересов — экономических, социальных, культурных, политических и др.¹

История, становящаяся свидетелем самоуничтожения человека, повторяется не только в умножении зла, при наличии доброй воли она дает возможность исправить ошибки. Сегодня, как и в начале XX в., история предоставила шанс выбраться из про-

---

¹ См.: Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независ. газ. 2012. 23 янв.

пасти противоречий. И от каждого зависит, сумеем ли мы воспользоваться данным нам шансом.

В условиях полиэтничного государства, безусловно, на первое место в ряду внутривнутриполитических задач выдвигаются способы, обеспечивающие межнациональное взаимодействие в политической, экономической и культурной сферах. Именно на такой основе, охватывающей все сферы современного «народного бытия», возможно упрочение федеральных отношений, предотвращение межэтнических конфликтов. Исторический вопрос — быть или не быть России единым, многонациональным государством, вставал во многие периоды ее истории и всегда решался в пользу — быть!

Наталья Ушакова

*кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры
психологии и педагогики Павлодарского государственного
университета имени С. Торайгырова*

Евгения Пучкова

*студентка специальности «Социальная работа» Павлодарского
государственного университета имени С. Торайгырова*

Павлодар, Республика Казахстан

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ О КАЧЕСТВЕ ЖИЗНИ

В современном мире качество жизни становится важнейшей категорией государственной политики. Это объясняется глобальными вызовами экономик, в частности возможностью через учет качества жизни осуществить интегральную оценку эффективности управления.

Целью статьи является определение эволюции понятия «качество жизни» как многоаспектного понятия, имеющего разные уровни описания: глобальный (мировой), национальный (государственный), общетеоретический, частнометодический.

Глобальный уровень описания понятия «качество жизни» начинает свое формирование на национальном уровне. Термин «качество жизни» появился в 20-е гг. XX в., когда в наиболее развитых странах — Швеции, Канаде, Великобритании философия качества жизни стала центральным вопросом государственной политики и одной из важнейшей категорией социальной работы. Введению понятия «качество жизни» способствовало принятие в 1948 г. Всемирной организацией здравоохранения определения здоровья. «Качество жизни — это характеристика физического, психологического, эмоционального и социального функционирования, основанная на его субъективном восприятии, т. е. это восприятие человеком своего положения в обществе», — указывается в Декларации Всемирной организацией здравоохранения¹. Это определение, с одной стороны, показыва-

---

¹ *Опросник качества жизни Всемирной организации здравоохранения // Энциклопедия психодиагностики. URL: <http://psylab.info>*

ет очевидную тесную взаимосвязь между качеством жизни и качеством общества, с другой — в нем подчеркивается, что качество жизни имеет две стороны: объективную и субъективную. В свою очередь, объективная сторона состоит из научных нормативов потребностей и интересов людей, которые позволяют объективно оценить уровень удовлетворенности людей этими потребностями и интересами. Суть субъективной стороны в том, что потребности и интересы людей индивидуальны и уровень их удовлетворения могут оценить только сами субъекты. Различия между двумя сторонами качества жизни состоят в том, что потребности и интересы людей (субъективная сторона качества жизни) нельзя зафиксировать с помощью статистических величин, так как они есть практически только в сознании людей и, соответственно, в их личных мнениях и оценках.

Но широкое распространение понятие «качество жизни» приобрело в конце 1960-х — начале 1970-х гг., так как этот этап характеризовался экономическим подъемом, а главными показателями благосостояния были количественные и качественные параметры «качества жизни».

Начиная в 1980 г. понимание качества жизни ученые неразрывно связывают с понятиями «развитие человечества», «устойчивое развитие», обобщенный вариант этой связи представлен в материалах ПР ООН.

В 1990 г. ПР ООН опубликовала первый доклад с оценкой экономического и социального прогресса стран мира, в котором было сформулировано понятие человеческого развития: «Развитие человека является процессом расширения спектра выбора. Наиболее важные элементы выбора — жить долгой и здоровой жизнью, получить образование и иметь достойный уровень жизни. Дополнительные элементы выбора включают в себя политическую свободу, гарантированные права человека и самоуважение»¹.

Составляющими качества жизни являются качественные оценки образа и уровня жизни. Характеризуя качество жизни,

---

¹ *Программа* развития ООН: Индекс человеческого развития в странах мира в 2014 году // Центр гуманитар. технологий. 2014.07.24. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/07/24/6843>

нельзя ограничиваться какими-либо одними показателями. Например, оценка питания производится не столько по его питательной ценности, сколько по регулярности питания, его разнообразию и вкусовым качествам. То же самое и с оценкой качества трудовой жизни. Оцениваются и показатели занятости, безработицы, продолжительности рабочего дня, недели, года, уровень производственного травматизма, и соответствие интересам работников содержания и характера труда, его интенсивность, взаимоотношения внутри трудового коллектива и др.

Таким образом, качество жизни — это степень развития и полнота удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей, проявляющихся как в различных видах деятельности, так и в самом жизнеощущении.

Начиная с 1990 г., ООН применяет индекс человеческого развития, разработанный пакистанским экономистом Махбубом уль-Хаком (Mahbub ul-Haq). Индекс человеческого развития — это показатель уровня развития человека в государстве¹. Особенность этого показателя состоит в том, что он учитывает не только исключительно экономические показатели, но и показатели социального развития общества, показатели развития личности. Поэтому ученый считает, что индекс человеческого развития синонимичен понятиям «уровень жизни», «качество жизни», входит в систему показателей общественного прогресса. Внесенные изменения в понимание развития человечества позволили ПР ООН уточнить определение понятия «развитие человека».

В 2010 г. ПР ООН было предложено новое определение, соответствующее современной практике: «Развитие человека представляет собой процесс расширения свободы людей жить долгой, здоровой и творческой жизнью, на осуществление других целей, которые, по их мнению, обладают ценностью; активно участвовать в обеспечении справедливости и устойчивости развития на планете»². С этих позиций показатели качества

---

¹ См.: *Индекс развития человеческого потенциала*. Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитар. технологий. 2009.10.10 (последняя ред.: 2015.02.14). URL: <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info>

² *Доклад о развитии человека 2009 «Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие»* : пер. с англ. М. : Весь мир, 2009. 232 с.

жизни вместе с иными показателями являются индикаторами уровня социального развития общества.

Следовательно, оценка качества жизни представляет собой сочетание двух форм: степени удовлетворения научно обоснованных потребностей и интересов и удовлетворенности качеством жизни самих людей. Таким образом, понятие «качество жизни» — сложный многоуровневый конструкт, предмет различных подходов на общетеоретическом уровне рассмотрения понятия.

Исследование феномена «качества жизни» в теоретическом плане ведется учеными разных стран, наиболее продуктивными признаны теории качества жизни Э. Алларда, Р. Арона, Д. МакГрегора, Дж. Гэлбрейта, А. Маслоу, Э. Мэйо, А. Тоффлера. Основоположниками теории качества жизни считаются Э. Мэйо, А. Маслоу, Д. МакГрегор, создавшие основные теории «качества жизни»:

1) теория идеалов. Согласно данной теории качество жизни определяется степенью реализации различных идеалов. Например, таким идеалом может стать самоактуализация в духе А. Маслоу;

2) персонально-утилитарная теория. «Велферизм» — для экономистов, «утилитаризм» — у социальных философов. Данная теория сосредотачивается на ощущениях счастья, делая основным показателем оценки качества жизни степень удовольствия получаемого от нее;

3) теория изобилия. Сторонники данной теории концентрируют свое внимание на реальных доходах населения и произведенных в стране товарах. При этом соотносят понятия качества и уровень жизни. Недостатком данной теории является неспособность объяснить различия в стилях жизни. Например, многие хиппи более высоко оценивают свое качество жизни. Будучи счастливыми, не желающие обзаводиться собственностью, нежели люди, обремененные обязанностями, связанными с большими владениями и трудовыми буднями;

4) теория базовых потребностей. По мнению Эрика Алларда, качество жизни непосредственно зависит от удовлетворения трех систем базовых потребностей: «иметь», «любить» и «быть». Потребность «иметь» касается материальных условий, необхо-

димых для выживания и избегания нищеты. Это экономическое состояние, условия проживания, здоровье, образование, условия труда, занятость. Потребность «любить» относится к нужде общаться с людьми и создавать социальные идентичности. Это и контакты в локальном обществе, и дружеские отношения, также отношения с коллегами и другими социальными группами. Потребность «быть» характеризует необходимость интеграции в обществе, социальную активность, наличие досуга и т. д.¹

Но после развития концепций Дж. Гэлбрейта, А. Тоффлера, Р. Арона, разработанных в конце XX в., стал понятно, что современное общество, достигшее эры высокого потребления, решило вопрос количества благ и теперь стоит перед решением проблемы их качества. В любом прогрессивном обществе конечной целью развития является создание благоприятных условий для полноценной жизни людей, удовлетворения их потребностей, а также способствование долговому, здоровому и благополучному в материальном отношении проживанию. Насколько результативно общество справляется с данной задачей, можно выявить из анализа направленностей в изменении качества жизни населения.

Обобщая работы ученых, философов, религиозных деятелей, политиков и писателей, составители «Антологии русского качества» предложили модель качества жизни, отображающую системную природу качества жизни и сложные взаимосвязи четырех составляющих: качество природной среды; качество здоровой популяции; качество образования; качество культуры².

Рабочая группа Министерства промышленности, науки и технологий Российской Федерации предложила структуру качества жизни, базирующуюся на трех компонентах существования людей (рис. 1)³.

---

¹ См.: Горелов Н. А. Политика доходов и качество жизни населения. М., 2003. С. 62.

² См.: Антология русского качества / под. ред. Б. В. Бойцова, Ю. В. Крынева. М. : Стандарты и качество, 2000. С. 432.

³ См.: Окрепилова И. Г., Венедиктова С. К. Управление качеством жизни : учеб. пособие. СПб., 2010. С. 29.

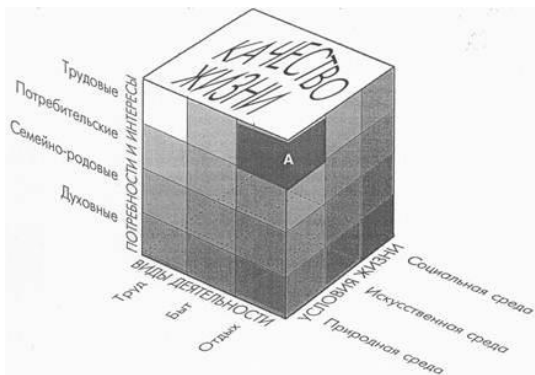

Рис. 1. Структура качества жизни

К этим блокам специалисты независимой комиссии ЮНЕСКО по народонаселению и качеству жизни предлагают добавить еще и такие частные аспекты, как адекватное питание, экологичное жилище, безопасность, справедливость и др.¹ Рассмотрим модель качества жизни (рис. 2).

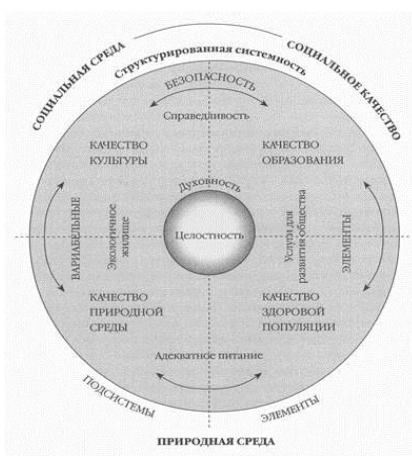

Рис. 2. Модель качества жизни

¹ См.: Дробышева В. В., Герасимов Б. И. Интегральная оценка качества жизни населения региона : моногр. / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Б. И. Герасимова. Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2004. С. 108.

Полученные данные на мировом и общетеоретическом уровне рассмотрения феномена «качество жизни» положены в основу национальных стратегий развития и проектов. Так, в рамках современного научно-исследовательского проекта «Качество жизни: сущность, оценка, стратегия формирования» дается следующее определение: качество жизни — это совокупность жизненных ценностей, характеризующих виды деятельности, структуру потребностей и условия существования человека (групп населения, общества), удовлетворенность людей жизнью, социальными отношениями и окружающей средой¹. Данное определение основано на структуре качества жизни (см. рис. 1) и модели качества жизни (см. рис. 2). Оно является основополагающим в нашем исследовании представлений молодежи о качестве жизни.

Социальные представления молодежи о качестве жизни — это частнометодический уровень рассмотрения понятия «качества жизни». Необходимость подобного рода исследований объясняется рядом причин:

1) проблема оценки качества жизни молодежью имеет особое значение в связи с высоким динамизмом образа жизни, вовлеченностью во все общественные процессы, а также большим общественным потенциалом. Именно молодежь, оценивая качество жизни в своем государстве, определяется с жизненными планами и реализуется, делая более прогрессивным общество, в котором живет. Или же в случае отрицательной оценки ищет другое поле для своей реализации, а именно либо отрицательная социализация и уход в маргинальные группы, либо массовая миграция недовольной молодежи;

2) основополагающие представления молодежи о «качестве жизни» оказывают непосредственное влияние на ее жизненные планы и социокультурные ориентации. Собственно субъективное отношение молодого человека к жизни обуславливает удовлетворение собственной жизнью и содействует позитивному разрешению различного рода проблем. При дефиците жизненного опыта молодые люди тем не менее должны принимать ряд

---

¹ *Качество жизни: сущность, оценка, стратегия формирования* / Всерос. науч.-исслед. ин-т техн. эстетики. М., 2000. 124 с.

наиважнейших решений, сильно влияющих на их жизненный путь;

3) на сегодняшний день социальные представления молодежи о качестве жизни приобрели особое значение в связи с тенденцией массовой десоциализации молодого поколения. Отрицательная и даже нейтральная оценка может привести к социальной напряженности и росту негативной социализации, изменению жизненно-смысловых ориентаций, становится примитивной система ценностей, слово «социальная справедливость» перестает нести в себе какое-либо значение, что в конечном счете приводит к деградации нравственного сознания человека и общества;

4) представления молодежи о качестве жизни имеют прямую зависимость с ее психологическим благополучием. Изучение проблемы психологического благополучия требуется для разработки различных способов реализации личности, раскрытия потенциала молодого человека, развития инициатив, формирования конструктивного отношения к действительности.

Поэтому формирование у современной молодежи навыков принятия обоснованных решений в связи с преодолением жизненно важных проблем, развитие навыков практического применения знаний о закономерностях развития личности в ходе профессионального становления и реализации жизненных планов являются одним из приоритетных направлений государственной молодежной политики, что, в свою очередь, делает вопрос об увеличении положительного представления молодежи о качестве жизни на государственном уровне закономерным и первостепенным.

Таким образом, современное понимание явления «качество жизни» показывает, что его рассмотрение имеет многоуровневую основу, при этом наиболее общий уровень определяет следующие, а понятие «качество жизни» является эволюционирующим понятием со сложной структурой.

Ирина Фалалеева

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства института
права Волгоградского государственного университета*

Волгоград, Россия

ЗИГЗАГИ ЭТНОПОЛИТИКИ ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ: К 90-ЛЕТИЮ РЕШЕНИЯ ПЛЕНУМА РКП (Б) «ПО ВОПРОСУ О КАЗАЧЕСТВЕ»¹

Одной из важных проблем в истории государства и права является изучение изменения правового статуса сообществ в первые десятилетия советской власти. Наиболее интересным представляется провести подобный анализ на примере коренной для Северо-Кавказского и Нижне-Волжского края субэтнической квазисословной группы, какой являлись казаки. Дело в том, что основные акторы политического и правового действия советского периода априори враждебно относились к казачеству, будь то сторонники «классово-дифференцированной» или «этнографически-унитарной» позиции (выражение А. П. Скорика). Это, согласно концепции революционного правосознания, неизбежно находило отражение в правовом статусе групп.

Подход, учитывающий «зазор» между официальным, юридически закрепленным и фактическим положением, принято называть дискурсивным. Дискурс в данном случае представляется как «вербализация определенной ментальности, или такой способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность, создается свой присущий определенному социуму способ видения мира, способ упорядочивания действительности... причем, реализуемый в самых разнообразных практи-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Волгоградской области в рамках научно-исследовательского проекта № 14-13-34010 «Этнокультурная правосубъектность народов Волго-Донского региона в исторической ретроспективе (XIX—XX века)».

ках»¹. В первую очередь, нас интересуют практики законодателя и правоприменителя. Как верно заметил И. А. Исаев, «однозначность в понимании закона не может быть обоснована только его внутренней логикой, но может быть достигнута также при помощи внешних средств воздействия и убеждения»². К тому же «тайный замысел закона заключается в установлении порядка, но его истинной реализацией является не норма, а правоотношение: норма — словесна, отношение — реально»³.

Не ставя специальную задачу исследовать большевистское понимание концепта нации (существует обширная историография вопроса), считаем важным отметить закономерность оформления этничности в важнейший идентификатор как следствие отказа от иных исторически сложившихся, но «упраздненных» революцией маркеров идентичности: сословного и профессионального. Исследователи все чаще пишут о предопределенности этнической идентификации для большевистского режима⁴, чей главный лозунг «Пролетарии всех стран — соединяйтесь!» не мог быть воплощен даже в рамках одной страны без дополнительных нормоустанавливающих таксонов. Контроль за этничностью нужен был в том числе и для привлечения к юридической ответственности по принципу круговой поруки. При этом зарубежные исследователи замечают, что данный подход характерен и для общеевропейской, а не только советской этнополитики⁵.

---

¹ *Рязанов А.* Дискурс как инструмент этнополитики // Общество и этнополитика : материалы Седьмой Междунар. науч.-практ. Интернет-конф., 1 мая — 1 июня 2014 г. / РАНХиГС, Сиб. ин-т упр. ; под науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2015. С. 22.

² *Исаев И. А.* Непроявленный язык закона // LEX RUSSICA. 2006. №1. С. 7.

³ *Там же.* С. 15.

⁴ См.: *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. Изд. Дом ГУ ВШЭ. Изд. 2-е. М. 2010. С. 337—338; *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923—1939 / пер. с англ. О. Р. Щелоковой. М. : РОССПЭН, 2011. С. 445; *Байбурин А. К.* Советские практики определения национальности в 1920—1930-е гг. // Советские нации и национальная политика в 1920—1950-е годы : материалы VI Междунар. науч. конф. Киев, 10—12 октября 2013 г. М. : Полит. энцикл. : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014. С. 458—467.

⁵ См.: *Холквист П.* Вычислить, изъять и истребить: статистика и политика населения в последние годы царской империи и в Советской России // Госу-

Советские органы власти, насаждая идеологизированную модель действительности, активно использовали средства языка¹. Конституция РСФСР 1918 г. закрепила в названии советов всех уровней наименование казачьих депутатов наряду с рабочими, крестьянскими и красноармейскими². Вместе с тем расказачивание, произведенное в январе 1919 г., согласно циркулярному письму Оргбюро партии, а не правовому акту советской власти³, как политическая санкция подразумевало изъятие из языка самих терминов «казак», «станичное правление», «войсковой круг». Теперь стали говорить о «белоказаках», а принявших советскую власть именовали «казачьей беднотой», «трудовым казачеством» или просто крестьянами.

Процесс вымывания понятия, юридически закрепленного в конституции, но дискредитированного с точки зрения власти, также нашел отражение в словоупотреблении «казаки» в смысле «казахи». Все чаще «казаки» употребляется по отношению к казахскому населению Нижне-Волжского края, которое до революции именовалось киргизами или киргиз-кайсаками. При этом пособие ЦСУ СССР, изданное в помощь переписчикам 1926 г., еще более запутало ситуацию, обозначив в списке народностей под № 172 четыре версии самоназвания: казак-киргизы, киргиз-казаки, кайсак-киргизы и, наконец, казаки⁴.

В делопроизводственных документах также встречается одновременное употребление «казаки» и «казахи», но неизбежное в этом случае оглушение, похоже, было намеренным, отражая

дарство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина / под. ред. Р. Г. Суни, Т. Мартина ; пер. с англ. В. И. Матузовой. М. : РОССПЭН, 2011. С. 139—179.

¹ См.: *Мусорина О. А.* Язык как способ воздействия властей на массовое сознание в 1920—1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2004.

² *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики : принята V Всерос. съездом Советов 10 июля 1918 г.). URL: <http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/> (дата обращения: 15.02.15).

³ См.: *Циркулярное письмо* Оргбюро ЦК РКП(б) об отношении к казам : от 24 янв. 1919 г. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 7. Л. 5; Ф. 17. Оп. 65. Д. 35. Л. 216. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org> (дата обращения: 03.03.15).

⁴ См.: *Программы и пособия*. К разработке всесоюзной переписи населения. Вып. 7. Перечень и словарь народностей. М., 1927. С. 9—10.

управляемый процесс «мемоизации» этносословного термина «казак»¹. Иногда понять, где же казахи, а где — казаки, можно только исходя из контекстного анализа источников².

Изучение архивных материалов 1920-х гг. по методике О. А. Мусориной позволяет выявить амбивалентное отношение власти к казакам. Тексты изобилуют военными коннотациями (везде «битва», «борьба», «фронт», даже в мирных областях жизни), семантическими инверсиями и негативными аллюзиями («политическая физиономия казачества», «реэмигрант — существо безобидное, но недоброжелательное»³). Параллельно в документах можно наблюдать как бы два потока речи: первый, официальный, «для народа» (постановления ВЦИК и СНК, даже циркуляры РКП(б) — ВКП(б) губернского уровня), практически не содержит упоминания казаков и второй, «для внутреннего употребления» (инструктивные письма, доклады, отчеты партийных деятелей). Они существенно отличаются. Так, например, в сохранившихся циркулярах и распоряжениях Хопёрского окружкома РКП(б) — ВКП(б) за исследуемый период намеренно избегается словоупотребление «казак» и «казачество», хотя контекст вполне прозрачен: «Нам приходится иметь дело с населением, которое от Советской власти пока ничего существенного по сравнению с дореволюционным временем не получило, которое долго и активно сопротивлялось Советской власти [...], которое отчаянно борется за сохранение годами сложившихся устоев и уже второй раз при Советской власти подвергается ударам жестокой голодной стихии»⁴. В другом типе документа — докладе секретаря Сталинградского Губкома РКП(б) Шеболдарева «Об итогах и формах работы в казачьих округах» читаем, что отношение казачества к советской власти как к олицетворению иногородней, «можно характеризовать как отношение побежденного, презирающего своего победителя»⁵.

---

¹ См.: *Майборода В. А., Майборода Э. Т.* Мемы в законодательстве России // *Власть*. 2014. № 8. С. 154.

² См.: Ср., например: *ГАВО*. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1342. Л. 158 об. Л.160 об. и Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 1004. Л. 150 об. Л. 166.

³ См.: *ЦДНИВО*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112а. Л. 15 ; Ф. 9. Оп. 1. Д. 21. Л. 9.

⁴ *ЦДНИВО*. Ф. 9. Оп. 1. Д. 13. Л. 32 ; То же. Л. 39.

⁵ *ЦДНИВО*. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112а. Л. 24.

Символическое закрепление нового поворота политики после ликвидации Казачьего отдела ВЦИК и окружных казачьих советов и исполкомов в конце декабря 1920 г. находит свое отражение в оперативном изъятии формуляров бланков телеграмм и другой печатной продукции, содержащей упоминание казачьих депутатов. Затем, после 30 апреля 1925 г., происходит такое же быстрое восстановление вывесок. Пункт 3 постановления Пленума ЦК РКП(б) гласит: «В наименовании Советов в казачьих районах должно быть обязательным упоминание: «и казачьих депутатов»¹. Действительно, бланки с упоминанием «казачьих депутатов» часто встречаются в архивных документах периода нэпа². Этот факт лишний раз доказывает высокую значимость эффекта правовой символизации для большевиков: в таких случаях они не считались с экономическими затратами. Вместе с тем важно заметить, что поворот от одной политической кампании (расказачивание) к другой (нэп) происходил значительно медленнее, чем ритуальная смена вывесок. В вышеупомянутом докладе Сталинградского губкома РКП(б) отмечается, «что до последней губпартконференции вопрос о казачестве не ставился, наоборот, существовало официальное мнение, что никакого казачьего вопроса нет»³. В действительности потребовалось около двух лет, чтобы политика «лицом к казачеству» положительно проявила себя на местах⁴.

Письменные «проговорки» в инструктивных материалах также то дискурсивно легитимируют репрессии против казачества, то формально реабилитируют общность. Наши наблюдения согласуются с выводом С. А. Кислицына, полагающего, что, несмотря на то, что термин «расказачивание» в период нэпа исчезает со страниц большевистской прессы и партийных докумен-

---

¹ Цит. по: *Выше* знамя пролетарского интернационализма! Национальный вопрос в решениях РСДРП — РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1898—1985. Псков, 2013. С. 111.

² ГАВО, Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1338. Л. 260 ; Ф.Р-313. Оп. 1. Д. 1339. Л. 18об. ; Л. 77 ; Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1340. Л. 83. Л. 129 об. ; Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1352. Л. 64 ; Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1354. Л. 24, и др.

³ ЦДНВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 112а. Л. 24.

⁴ См.: *Скорик А. П., Тикиджьян Р. Г.* Донцы в 1920-х годах: Очерки истории. Ростов н/Д : СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. С. 238—239.

тов, это означает только, что данный процесс перешел в латентную фазу. В документах часто встречаются ссылки, замечания, напоминания о прошлом казачества, указывается на необходимость бдительности по отношению к бывшим атаманам и офицерам¹.

Не включенные в общесоюзную перепись, ограниченные в гражданских правах казаки после циркуляра о расказачивании были неким «фантомом» вплоть до процитированного выше апрельского постановления ВЦИК 1925 г. Но и после этого ЦСУ СССР сопротивлялось проведению переписи казачества. По мнению А. П. Кожанова, настоял на этом Северо-Кавказский крайисполком, доказавший необходимость регистрации казачьего населения². По анкете ЦСУ регистрация казаков проводилась на основании ответа на вопрос о народности. В скобках делалась отметка самого опрашиваемого. А. П. Кожанов не уверен, что корректно было регистрировать казачество как особую разновидность народности, так как казачество одновременно включало в себя различные этнические группы³. Но сегодня наиболее обоснованной представляется точка зрения о том, что категоричные оценки идентичности казачества как сословной или этнической малопродуктивны. Следует принимать во внимание историчность и многомерность этих категорий для каждого этапа развития⁴.

Интересно отметить, что список станиц и волостей Хопёрского округа с указанием национального состава населения датирован 29 августа 1925 г., т. е. эти сведения готовились заведующим оргчастью ОИК для переписи по запросу центра. Воз-

---

¹ См.: *Кислицын С. А.* Указ и шашка: Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. М. : ЛЕНАНД, 2015. С. 276.

² См.: *Кожанов А. П.* Донское казачество в 20-х годах XX века. Ростов н/Д : Донской изд. дом, 2005. С. 216.

³ Там же. С. 217.

⁴ См.: *Баранов А. В.* Роль этнополитических мифов в конструировании идентичности казачества // История и современность. 2014. № 1. С. 70 ; *Фалалеева И. Н.* Этносословное измерение в государственном управлении Российской империи XIX века (на материалах Волго-Донского региона) : материалы междунар. науч.-практ. конф. «Основные проблемы и тенденции развития в современной юриспруденции» (г. Волгоград, 28—29 сентября 2014 г.). С. 11—13.

можно, он же по машинописному тексту красными чернилами объединил фигурной скобкой графы «казаков» и «великороссов» и подписал: «русских»¹. При этом в записке секретаря Хопёрского окружкома РКП(б) Кандыбина от 23 марта 1925 г. сведения о составе групп населения в сельсоветах, ВИКах и ОИКах даны с подразделением на казаков и иногородних, где к последним, наряду с малороссами, отнесены и великороссы. В сентябре—декабре 1925 г. учет партийных кадров во Втором Донокруге также «по старинке» велся с подразделением на казаков и иногородних². Так, накануне переписи происходило осмысление идентификационных классификаторов, наиболее точно отражающих реальность, как ее себе представляли ответственные работники.

Тем не менее, учитывая крайнюю настороженность и недоверие казаков к переписчикам, число решившихся манифестировать свое происхождение после рассказаживания впечатляет. На Дону в 14 районах зафиксировано от 50 % до 90 % казачьего населения³. По данным доклада о проведении землеустроительных мероприятий в Хопёрском и Сталинградском округах Нижне-Волжского края, в Хопёрском округе проживало 82 % казаков, в Сталинградском (без учета г. Сталинграда) — 53 %⁴.

Также следует учитывать, что с 1922 г. в стране началась кампания по коренизации национальных кадров. Иногда это делалось с карикатурными перегибами: создание алфавитов для бесписьменных народов числом не более 400 человек, перевод делопроизводства на национальные языки в декадный срок⁵, чрезмерное злоупотребление в нормативных актах и деловой переписке словосочетанием «обслуживание нацмен». Все это имело мало практического смысла, зато знаково символизировало курс советского государства на реализацию права самоопределения наций в условиях, когда в спорах вырабатывались принципы новой союзной конституции. Тот факт, что данная кампания не касалась казаков до апрельского постановления

---

¹ ГАВО. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 755. Л. 131.

² ЦДНИВО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 36. 10 л.

³ См.: Кожанов А. П. Указ. соч. С. 196.

⁴ ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1342. Л. 58.

⁵ ГАВО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1340. Л. 135.

Пленума ЦК РКП(б) 1925 г., лишний раз свидетельствует о том, что властям удобней было видеть в них сословный рудимент царского периода. Вместе с тем п. 10 названного постановления требовал: «Признать допустимым районы с компактным казачьим населением в нацобластях выделять в отдельные административные единицы...»¹. Была проведена избирательная реформа, амнистия «лишенцев». Тем самым на короткое время устанавливалась и правовая субъектность казаков не только в части их юридической ответственности. Признавалось их право традиционного землепользования, расширялось участие в органах власти.

Т. Мартин склонен видеть много общего с этническими чистками и депортациями терских в 1920—1921 гг. и кубанских казаков в 1933 г. Несмотря на то, что депортации казаков принято было считать особым случаем раскулачивания, они, по мнению исследователя, могут расцениваться как массовые высылки целого народа, так как на основании принципа коллективной ответственности и коллективной вины высылались целые станицы. Казаки, по мнению американского ученого, были полноценным региональным сообществом со своими собственными традициями, диалектом и идентичностью, по сути, непризнанным советским этносом². Абсолютно то же относится и к характеристике донского казачества: при определенных условиях «включался» этнокультурный генотип, оно «консолидировалось и противостояло антиказачьей политике партийно-советских структур как единое целое»³.

Особый интерес вызывают исследования, подтверждающие, что следующий зигзаг политики «за советское казачество» представляет собой попытку реанимации казачьей идентичности и что даже в «верноподданническом» письме И. В. Сталину, К. Е. Ворошилову и С. М. Буденному в 1936 г. «красные казаки» не отказываются от идеи автономии для «всех» казаков (в письме названы донские, кубанские, терские)⁴.

---

¹ Цит. по: *Выше знамя пролетарского интернационализма!*... С. 112.

² См.: *Мартин Т.* Указ. соч. С. 445.

³ *Скорик А. П., Тикиджьян Р. Г.* Указ. соч. С. 242.

⁴ См.: *Рвачева О. В.* Создание советского казачества на Юге России в середине 1930-х — начале 1940-х гг. // *Вестн. Волгоград. гос. ун-та.* Серия 4,

Таким образом, при дискурсивном анализе нормативно-правовых актов, инструктивных писем, отчетов и других документов подтверждается вывод исследователей о том, что казачество рассматривалось советским режимом как временный попутчик лишь непродолжительный период кампаний «лицом к казачеству» и «за советское казачество». Письменные «проговорки» регистрируют экзистенциальную непоследовательность советских управленцев, законодателей и правоприменителей, обусловленную наличием двух разных тенденций в решении казачьей проблемы: радикально-экстремистской и умеренно-прагматической¹. При этом они вынужденно (не всегда осознанно) признавали субъектность исследуемой общности как для извлечения пользы из военных и агротехнических навыков казачества, так одновременно и для юридического контроля над ним.

История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 3. С. 86 ;
Скорик А. П. Казакция: постулаты, власть, практика // История государства и права. 2015. № 6. С. 60.

¹ См.: *Кислицын С. А.* Указ. соч. С. 311.

Наталья Ушакова

*кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры
психологии и педагогики Павлодарского государственного
университета имени С. Торайгырова*

Анара Хаймулдина

*магистрант по специальности «Педагогика и психология»
Павлодарского государственного университета имени С. Торайгырова*

Павлодар, Республика Казахстан

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Модернизация современной казахстанской системы образования началась с присоединения Республики Казахстан к Болонскому процессу, который выделяет проблему создания Европейского пространства высшего образования в качестве ключевого момента для развития мобильности граждан, их востребованности и глобального развития континента. Повышение профессиональной компетенции выпускников вузов является ведущей задачей модернизации системы высшего образования Республики Казахстан. При этом содержание образования определяется как «система (комплекс) знаний по каждому уровню образования, являющаяся основой для формирования компетентности и всестороннего развития личности»¹.

В настоящее время в дидактике существуют различные концепции содержания образования. В центре пристального внимания исследователей находятся концепция культурологического подхода и концепция компетентностного подхода.

Согласно культурологической теории содержания образования, в которой культура понимается как предмет содержания образования, А. М. Новиков выделяет объективные результаты деятельности людей, субъективные человеческие силы и способности, реализуемые в деятельности. Освоение человеком —

---

¹ *Об образовании* : закон Республики Казахстан от 27 июля 2007 г. № 319-III (с изм. и доп. по состоянию на 13 янв. 2015 г.). URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30118747#sub_id=130000

обучающимся объективных компонентов культуры происходит не столько через непосредственное восприятие материальных предметов — сооружений, машин, произведений искусства и т. п., сколько за счет освоения идеальных продуктов, составляющих общественное сознание, отражающих общественно-историческое бытие человечества. Субъективные компоненты культуры осваиваются обучающимися в процессе образования на основе объективных компонентов, в первую очередь, на основе общественного сознания, а также живых примеров поведения конкретных людей — педагогов, родителей, воспитателей, учителей¹.

Концепция «культурологического подхода», рассматривающая содержание образования как педагогически адаптированный социальный опыт человечества, была выдвинута В. В. Краевским, И. Я. Лернером и М. Н. Скаткиным. Источником содержания образования в культурологической концепции является социальный опыт, который аккумулируется в культуре и включает четыре основных компонента: опыт познавательной деятельности, фиксируемой в форме ее результатов — знаний; опыт репродуктивной деятельности, фиксируемой в форме способов ее осуществления — умений и навыков; опыт творческой деятельности — в форме умений принимать нестандартные решения в проблемных ситуациях; опыт осуществления эмоционально-ценностных отношений — в форме личностных ориентаций². Представление о содержании как о педагогически адаптированном социальном опыте, а точнее человеческой культуре в аспекте социального опыта, которое обосновывается в культурологическом подходе, задает механизм формирования содержания и выстраивания учебного процесса, направленного на приобретение обучающимся опыта различных видов деятельности и отношений.

Данная идея находит свое отражение и в концепции компетентностного подхода к содержанию образования, который

---

¹ См.: *Новиков А. М.* Культура как основание содержания образования // Педагогика. 2011. № 5. С. 3.

² См.: *Краевский В. В., Лернер И. Я.* Теоретические основы содержания общего среднего образования. М. : Педагогика, 1983. С. 24.

в последнее время широко распространяется в педагогической теории и практике. Изучению компетентностного подхода посвящены работы таких ученых, как И. А. Зимняя, А. Г. Каспржак, О. Е. Лебедев, А. В. Хуторской и др. О. Е. Лебедев предлагает следующее определение понятия «компетентностный подход»: «это совокупность общих принципов определения целей образования, отбора содержания образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов». К числу таких принципов относятся следующие положения:

— смысл образования заключается в развитии у обучаемых способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования социального опыта, элементом которого является и собственный опыт учащихся;

— содержание образования представляет собой дидактически адаптированный социальный опыт решения познавательных, мировоззренческих, нравственных, политических и иных проблем;

— смысл организации образовательного процесса заключается в создании условий для формирования у обучаемых опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем, составляющих содержание образования;

— оценка образовательных результатов основывается на анализе уровней образованности, достигнутых учащимися на определенном этапе обучения»¹.

А. В. Хуторской (2007 г.) выделяет значимые элементы компетентностного подхода в образовании:

— прообраз современных представлений компетентностного подхода — идеи общего и личностного развития, сформулированные в контексте психолого-педагогических концепций развивающего и личностно-ориентированного образования; в этой связи компетенции рассматриваются как сквозные, вне-над- и мета-предметные образования, интегрирующие как традиционные знания, так и разного рода обобщенные интеллектуальные, ком-

---

¹ Лебедев О. Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. № 5. С. 3.

муникативные, креативные, методологические, мировоззренческие и иные умения;

— категориальная база компетентностного подхода непосредственно связана с идеей целенаправленности и целезаданности образовательного процесса, при котором компетенции задают высший, обобщенный уровень умений и навыков учащегося, а содержание образования определяется четырехкомпонентной моделью содержания образования (знания, умения, опыт творческой деятельности и опыт ценностного отношения);

— внутри компетентностного подхода выделяются два базовых понятия: компетенция (совокупность взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов) и компетентность (владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности);

— образовательная компетенция понимается как совокупность смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности обучающегося по отношению к определенному кругу объектов реальной действительности, необходимых для осуществления личностно и социально-значимой продуктивной деятельности; дифференциация образовательных компетенций: ключевые (реализуемые на метапредметном, общем для всех предметов содержании); общепредметные (реализуемые на содержании, интегративном для совокупности предметов, образовательной области); предметные (формируемые в рамках отдельных предметов);

— формулировки ключевых компетенций и их систем представляют наибольший разброс мнений; при этом используются и европейская система ключевых компетенций, и собственно отечественные классификации, в составе которых представлены ценностно-смысловая, общекультурная, учебно-познавательная, информационная, коммуникативная, социально-трудовая компетенции и компетенция личностного самосовершенствования¹.

---

¹ См.: Хуторской А. В. Ключевые компетенции : технология конструирования // Народное образование. 2003. № 5.

При переориентации образовательного процесса от знаниевого к деятельностному (компетентностному) подходу в аспекте формирования у обучающегося системы знаний становятся актуальными два круга проблем: с одной стороны — построение системы знаний, необходимой и достаточной для полноценного овладения обучающимся основами деятельности, с другой — формирование теоретических знаний обучающегося с его личными, в том числе практическими потребностями, его ценностными ориентациями, обеспечение возможностей применения теоретических знаний в практической деятельности непосредственно в процессе обучения¹.

Позитивный потенциал компетентностного подхода заключается в том, что он не отрицает перспективный и до конца не воплощенный культурологический подход к содержанию образования, а актуализирует прагматический аспект того, что у современных высококвалифицированных специалистов должно быть сформировано и развито².

В последнее время становится актуальным изучение эмоционально-ценностного отношения к деятельности, которое обычно выражается в форме мотивации учения и ценностных ориентаций. Мотивация учения — это система потребностей, мотивов и целей, которые отражают побуждения к учению, позволяют активно стремиться к пониманию общих знаний, к овладению учебно-познавательными умениями³. На основе классификации мотивации учения А. А. Реана основные характеристики были объединены в пять компонентов: профессиональный, познавательный, прагматический, социально общественный, лично престижный (таблица)⁴.

---

¹ См.: Новиков А. М. Указ. соч. С. 10.

² См.: Харченко Л. Н. Преподаватель современного вуза: компетентностная модель. Ставрополь : Ставропольсервисшкола, 2012. С. 36.

³ См.: Вербицкий А. А. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции. М. : Логос, 2011. С. 267.

⁴ См.: Реан А. А., Бордовская, Н. В., Розум С. И. Педагогика : учеб. для вузов. СПб. : Питер, 2000. С. 274.

Мотивация учения

Компонент мотивации учения				
профессиональный	познавательный	прагматический	социально-общественный	лично-престижный
Выбор профессии; продолжительное выполнение профессиональных обязанностей; работа по избранной специальности	Познавательный интерес к процессу, содержанию и способам усвоения знаний; познавательная активность; инициатива	Получение документа о высшем образовании; получение высокого заработка; материальная обеспеченность; благополучие	Ответственность; социальная значимость учения; самоутверждение в обществе	Получение высокого социального статуса; удовлетворение уровня притязаний личности

В качестве мотивов деятельности и поведения в преобразованном виде могут выступать ценности. Ценностью является любой «объект» (в том числе и идеальный), имеющий жизненно важное значение для субъекта.

Аналогом философского понятия ценностей рассматривается понятие ценностных ориентаций как важного компонента мировоззрения личности или групповой идеологии, выражающего предпочтения и стремления личности или группы в отношении тех или иных обобщенных человеческих ценностей.

На основе теории М. Рокича выделены основные характеристики ценностных ориентаций и объединены в два компонента: терминальные ценности, или ценности-цели, и инструментальные ценности, или ценности-средства.

Ценности-цели (терминальные) определены им как убеждения человека в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться. Терминальные ценности определяют для человека смысл его жизни, указывают, что именно для него особенно важно и значимо. Данная категория включает следующие ценности: здоровье, красота природы и искусства, материально обеспеченная жизнь, счастливая семейная жизнь, любовь, свобода поступков и действий и т. д.

Ценности-средства (инструментальные) — убеждения человека в том, что определенный образ действий или свойство личности являются предпочтительными в любой ситуации. К этой группе относятся аккуратность, ответственность, самоконтроль, независимость, широта взглядов и др.¹

Таким образом, согласно концепциям культурологического и компетентного подходов, содержание образования связано:

— с компетенциями как совокупностью знаний, умений и навыков. В рамках Болонского процесса компетенции выступают новым типом целеполагания при проектировании образовательных систем. Это предполагает сдвиг от преимущественно академических норм оценки к внешней оценке профессиональной и социальной подготовленности выпускников (с ориентацией на ее рыночную стоимость). Данный сдвиг означает трансформирование систем высшего образования и самих вузов в направлении их большей адаптации к миру труда в долгосрочной перспективе и широком плане, а также к освоению новой модели образования — образования через всю жизнь²;

— опытом осуществления способов деятельности (практический опыт), который включает знания об этих способах. Без таких знаний ни один способ деятельности нельзя выполнить сознательно. Необходимо также усвоить опыт их применения, т. е. умения и навыки, выработанные человечеством;

— опытом отношений личности как компонента содержания общего образования и базовой культуры личности, который рассматривается как система мотивационно-ценностных и эмоционально-волевых отношений.

Таким образом, с позиций глобализации происходит гармонизация общетеоретических подходов к определению содержания образования.

---

¹ См.: *Рокич. М.* Исследование ценностных ориентаций. URL: <http://psycabi.net/testy/320-metodika-rokicha-tsennostnye-orientatsii-test-miltona-rokicha-issledovanie-tsennostnykh-orientatsij-m-rokicha-oprosnik-tsennosti-po-rokichu>

² См.: *Байденко В. И.* Болонский процесс: структурная реформа высшего образования Европы. М. : Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2002. С. 140.

Вильям Шмидт

доктор философских наук,
профессор кафедры национальных и федеративных отношений
Института государственной службы и управления РАНХиГС

Москва, Россия

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОМПЛЕКС В КОНТЕКСТЕ ЭТНОПОЛИТИКИ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ: ПРОБЛЕМА АКТОРА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕЙСЯ СИ- СТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Тезис о секуляризации и упадке религии в ходе возрастающей модернизации обществ оказался ложным — мир остается «...таким же яростно религиозным, как был всегда, а в некоторых местах даже более, чем когда-либо еще»¹. Признание значительной роли религии в жизни и формировании ценностей современных обществ приводит к созданию специальных институций, занимающихся как осмыслением, так и обеспечением религиозного фактора².

В своем историческом развитии религиозный фактор, реализуясь в форме духовно-нравственных убеждений и ценностей индивидов и шире — религиозного комплекса, формировал (или оказывал фундаментальное влияние) мировоззренческие установки общества, определяя культурный код, доминантные черты наций — ее этнокультурный и цивилизационный профиль³. В периоды кризисов (военных, общественно-политических) или обострения полемики по социально значимым вопросам религиозный фактор выступает как одно из наиболее влиятельных

---

¹ Berger P. L. Desecularization of the World: A Global Overview // The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics. Washington. 1999. P. 2; Шмидт В. В. Мир становится менее религиозным? URL: http://rus.ruvr.ru/2012_08_13/Mir-stanovitsja-menee-religioznim/

² См.: Шмидт В. В., Мельник С. В. Региональный центр «духовной силы» Евразии: 10 лет диалога мировых и традиционных религий // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2013. Вып. 2 (3).

³ См.: Харитонов А. С., Шмидт В. В. Практикующая философия: к обоснованию телеологического подхода // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 3. С. 15—38.

начал, так как он апеллирует не к социально-практическим измерениям человека, а напрямую к его совести и сердцу — ценностно-мировоззренческим установкам, а это, в свою очередь, может служить доминантным мотивом поведения. Таким образом, религиозный фактор эксплицируется в семиотическую систему — язык, придающий особую энергичность и выразительность идеям в борьбе с другими идеями, как идентификационный критерий огромной демаркационной силы, как явление, предоставляющее человеку и обществу силу вдохновения для прорывов, но и способный вызвать внешнюю агрессию сокрушительной мощи¹. Следовательно, религию, этнорелигиозную традицию можно рассматривать как важную составляющую международной политики, поскольку она несет в себе не материальный, но, что более важно, колоссальный аксиологический ресурс — потенциал ценностей, которым нужно уметь управлять и перераспределять; а также говорить о политиках в данной сфере, формах и методах ее обеспечения на регионально-субрегиональных уровнях.

В связи с этим в ряду иных аспектов этнокультурного и гражданско-политического воспроизводства уместно, на наш взгляд, выделить такую уникальную функцию религии, как регенеративную, тесно связанную с легитимирующей, интегративно-идентифицирующей и иными². В данной части проблемы в условиях разработки идей Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (57-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН, п. 44 повестки «Последующие меры по итогам Саммита тысячелетия») мы особое внимание обращаем на такой важный ее аспект, как придание / закрепление за крупнейшими религиозными объединениями, бытующими в рамках национальных государств, статуса суверена, актора СМО — суверена с ограниченными правами, но обладающего правом участия в ООН. Это — первое. И второе:

---

¹ См.: *Телегин В. Н., Телегина С. В., Шмидт В. В.* Религиозный фактор как элемент политики стран Европейского Союза // *Евразия: духовные традиции народов.* 2012. № 2. С. 93.

² См.: *Элбакян Е. С.* Изучение религии в научной парадигме: общее и особенное // *Евразия: духовные традиции народов.* 2012. № 1. С. 62—80, 71—77; *Харитонов А. С., Шмидт В. В.* Указ. соч. С. 18.

в рамках развития антропологических и этнополитических подходов к пониманию социального бытия ставим проблему соотношения модели духовно-вероучительного ядра религиозных традиций с моделью действующих систем права — прецедентной и нормативной как особого типа систем, оказывающих влияние на образ главного актора действительности — человека, подверженного политико-правовым влияниям, при которых принцип субвенционализма как естественный и неотъемлемый принцип гражданско-государственного бытия оказывается исключенным и не гарантированным собственно правом.

И далее. Наряду с глобализацией и этнокультурной унификацией широкое выражение находят и обратные процессы — стремление к сохранению самобытности народов, стран, регионов, т. е. актуализируется своеземность — этнокультурная (ые) идентичность (и). («Культурный» аспект понимается нами широко — как совокупность не только духовных, но и экономических, политических, военных и иных параметров развития той или иной нации и государства.)

При существующей тенденции к политизации этнорелигиозной сферы диалог религий и этнонациональных культур как поиск взаимного согласия и альтернатива столкновению цивилизаций представляется как задача первостепенной важности. Для того, чтобы соответствовать новому мировому порядку, необходимо как четкое понимание глобальных и местных трендов развития, так и искусство политики, объемлющей собой более широкое, нежели одно государство, международное поле-пространство. Кроме этого важно учитывать еще один из основополагающих принципов интеграции — отказ от изоляционизма, что не только способствует обеспечению стабильного и устойчивого роста национальных экономик, но и позволяет вступить на более высокий уровень самосознания¹. В этом контексте существенно, что идея евразийских связей имеет свои традиции и глубокую концептуальную проработку в работах

---

¹ См.: Шмидт В. В., Козлов М. В. Религиозный фактор и идеология: проблемы метода социально-политического моделирования // Евразия: духовные традиции народов. 2013. № 3—4 ; Митрохин Л. Н. Христианские ценности на рубеже III тысячелетия // Вопр. религии и религиоведения (Антология отечественного религиоведения). М., 2009. Вып. 1, ч. 2. С. 355.

таких ярких мыслителей, как Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Л. Н. Гумилёв, Э. Хара-Даван. Но встает проблема их развития с учетом тенденций, возникающих в отрасли права и опыта правообеспечения и правоприменения.

Из сказанного очевидна актуальность свидетельства смыслов, целей и ценностей, превосходящих эгоцентрические и гедонистические установки, свойственные идеологии / обществу потребления.

Мы предлагаем реализовать ряд фундаментальных научно-исследовательских проектов интеграционного характера, среди которых могут быть такие, как:

1. «Особенности этнокультурного и религиозного протокола и этикета в деловом общении современного общества»;

2. «Религиозные и этнонациональные ценности “больших” Европы и Азии: геополитическая, историко-культурная и социально-экономическая обусловленность цивилизационной динамики» (международный, с возможностью ежегодной религиозно-регионоведческой конференции и итоговых конгрессов с периодичностью в 2—3 года);

3. «Россика: антология религиозных культур» (представляет систематизированный свод на русском и национальных языках фундаментальных текстов теологического, философско-религиоведческого и историко-культурологического характера, обеспечивающий активное включение пользователей в социокультурные традиции региональных систем науковедения и духовного воспроизводства) — глобальный межгосударственный проект¹.

---

¹ См.: Шмидт В. В. От 60-летия «ВФ» к 80-летию «ИФ»: («Патрология Россика»: к обоснованию проекта и перспективах метафизического бытия «русского мира») // *Вопр. религии и религиоведения (Антология отечественного религиоведения)* / сост. и общ. ред. Ю. П. Зуев, В. В. Шмидт. М., 2009. Вып. 1, ч. 4. С. 501—584.

Научное издание

ОБЩЕСТВО И ЭТНОПОЛИТИКА

**Материалы Международной научно-практической конференции
24—26 сентября 2015 г.**

В трех частях

Часть 2

**Под научной редакцией
доктора политических наук
Леонида Вячеславовича Савинова**

Подписано в печать 01.12.2015. Бумага офсетная. Печать ОСЕ.
Гарнитура Times New Roman.
Формат 60x84 1/16. Уч.-изд. л. 17,74. Усл. п. л. 19,30. Тираж 91 экз. Заказ 65.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6,
Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС.